

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

232

Sch1pR

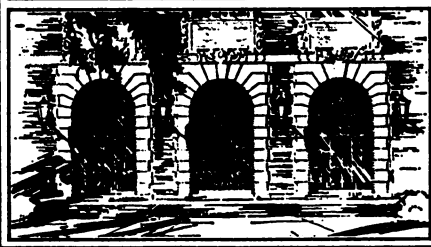
1886

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

232

Sch1 pR

1886

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ

ЧУДО ИСТОРИИ.

СОЧИНЕНІЕ,

ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ОПРОВЕРЖЕНІЕ ЛОЖНЫХЪ ТЕОРИЙ О ЛИЦѢ ИСУСА
ХРИСТА И СОБРАНИЕ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ

О ВЫСОКОМЪ ДОСТОИНСТВѢ ХАРАКТЕРА, ЖИЗНИ И ДѢЛЪ ЕГО,
СО СТОРОНЫ НЕВѢРУЮЩИХЪ.

Филиппа Шаффа,

ДОКТОРА И ПРОФЕССОРА БОГОСЛОВІЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

11209

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание 2-е, книгопродавца И. Л. Тузова.

1886.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 19 іюля 1885 г.

Цензоръ, архимандритъ *Арсеній*.

Типографія Н. А. Лебедева. Невскій просп., д. № 8.

232
Schulpr
1886

Предлагаемое въ русскомъ переводѣ сочиненіе Ф. Шаффа: Die Person Jesu Christi das Wunder der Geschichte, подобно другимъ трудамъ того же писателя, отличается научностью и ортодоксальнымъ направленіемъ. Здѣсь прослѣжена вся земная жизнь І. Христа на основаніи Евангельскихъ сказаній, и со всѣмъ безпристрастіемъ собраны свидѣтельства объ І. Христѣ со стороны ученыхъ невѣрующихъ, которые были поражены неземнымъ величіемъ І. Христа.

Духовноучебный Комитетъ рекомендовалъ это сочиненіе, какъ *«дѣльное, особенно пригодное пособіе для наставниковъ Духовныхъ Семинарій»*.

П. О. С.

11 May 1886g Simon Litman

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Что вы думаете о Христѣ, чей Онъ Сынъ?» Этотъ вопросъ снова сдѣлался религіознымъ вопросомъ настоящаго времени. Мы радуемся этому, съ увѣренностью предугадывая результатъ возобновившейся борьбы: въ концѣ концовъ всѣхъ богословскихъ споровъ истина всегда восторжествуетъ; какъ бы распинаемая на крестѣ и погребаемая отъ времени до времени, она всегда опять возстаетъ изъ мертвыхъ, торжествуетъ надъ всѣми заблужденіями, сбрасываетъ опутывающія ее узы, и нерѣдко самыхъ отъявленныхъ враговъ, подобно Савлу изъ Тарса, превращаетъ въ преданнѣйшихъ друзей. Гете весьма справедливо сказалъ, что «настоящая, единственная и глубочайшая тема всемірной человѣческой исторіи, которой подчиняются всѣ другія, заключается въ борьбѣ невѣрія съ вѣрою». Эта борьба имѣетъ своимъ центральнымъ пунктомъ вопросъ о личности Иисуса Христа.

Вопросъ о лицѣ Христа есть вопросъ христіанства, которое есть откровеніе Его жизни въ мірѣ; это — вопросъ церкви, которая утверждается на Немъ, какъ на незыблемомъ камнѣ; это — вопросъ исторіи, которая движется около Него, какъ около центральнаго солнца нравственнаго міра, это вопросъ каждаго человѣка, инстинктивно стремящагося къ Нему, какъ къ предмету своихъ благороднѣйшихъ и чистѣйшихъ желаній; это вопросъ личнаго блаженства, которое и можетъ быть достигнуто только въ сладчайшемъ имени Иисуса. Все

зданіе христіанства стоить и падаетъ съ своимъ Основателемъ-Богочеловѣкомъ, и если оно никогда не разрушится, то именно потому, что Христось одинъ и тотъ же вчера, сегодня и во вѣки.

Цѣль настоящаго сочиненія, направленнаго къ рѣшенію вопроса нашего времени о лицѣ Христа, состоитъ въ томъ, чтобы указать, что лицо І. Христа, какъ великое центральное чудо исторіи, есть сильнѣйшая опора для христіанства, и что Его совершенное человѣчество среди грѣховнаго міра непременно должно вести насъ къ признанію Его божества. Полнѣйшее обитаніе въ Немъ божества есть единственное удовлетворительное рѣшеніе загадки Его чудеснаго характера.

Изъ чудеснаго лица Исуса, какъ необходимое слѣдствіе, вытекають чудесныя Его дѣла. Чудеса Христось долженъ былъ совершать такъ же легко, какъ обыкновенный человѣкъ совершаетъ свои обыкновенныя дѣла, — противное было бы неестественно. Свойство дерева опредѣляется качествомъ его плодовъ. «Вѣруйте Мнѣ, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ; а если не такъ, то вѣрьте Мнѣ по самымъ дѣламъ» (Іоан. 14, 11; см. 10, 38). Я вѣрую во Христа, слѣдовательно я вѣрую въ Библию, и во всѣ Его чудесныя слова и дѣла.

Утверждаясь на этомъ основаніи, я чувствую себя безопаснымъ и защищеннымъ противъ всѣхъ нападеній невѣрія. Лицо Христа для меня есть величайшій и извѣстнѣйшій предметъ въ ряду всѣхъ дѣйствительныхъ предметовъ; въ бытіи Христа я увѣренъ больше, чѣмъ въ своемъ собственномъ существованіи; потому что Христось живетъ во мнѣ (Гал. 2, 20) и составляетъ единственную драгоценнѣйшую часть моего существа. Безъ моего Спасителя—я ничто, съ Нимъ же я—все, и Его не могу отдать за тысячи мировъ. Не вѣрить во Христа, значить потерять вѣру въ человѣчество. Такой скептицизмъ естественно приводитъ наконецъ къ нигилизму отчаянія.

Полнаго сожалѣнія заслуживаетъ тотъ фактъ, что въ новѣйшее время даже тѣ изъ богослововъ, отъ которыхъ нужно бы ожидать лучшаго, увлекшись духомъ отрицанія на столько, что въ своемъ стремленіи создать и осмыслить лицо Христа,

какъ человѣка, шлейermaхеровскимъ или совершенно социанскимъ образомъ, вопреки апостоламъ Павлу и Іоанну, отвергаютъ предвѣчное бытіе Христа, и Его божество низводятъ на степень какого-то необыкновеннаго обитанія въ Немъ Бога, или выводятъ Его изъ шаткаго понятія о постепенномъ обожествленіи. Но вмѣстѣ съ предвѣчнымъ бытіемъ, очевидно, падаетъ также и воплощеніе Слова, этотъ древній (1 Іоанн. 4, 2, 3) и основной членъ вѣры для церкви, — рушится необыкновенное дѣло снишедшей на землю любви Божіей, — этотъ обильнѣйшій источникъ утѣшенія для грѣшника. Мы прежде всего нуждаемся въ Богѣ, уничтожившемся до человѣка, а не въ обыкновенномъ человѣкѣ, возвысившемся до обожествленія. Невѣруютъ даже, что достославный вселенскій Халкидонскій соборъ, утвердившій догматъ, о воплощеніи Сына Божія, такъ легко могъ устранить, могъ избѣжать и дѣйствительно избѣжалъ еретическихъ крайностей. Конечно, онъ не объяснилъ психологически сущности или самого процесса таинственнаго вочеловѣченія; но онъ и не хотѣлъ этого объяснить, а удовлетворился простымъ утвержденіемъ результата, котораго онъ достигъ для церковной догматики и для человѣческой вѣры. Научное богословіе снова должно поднять эту проблему и, насколько возможно, выяснить ее для сознанія настоящаго времени; преимущественно же оно должно осмыслить истинно-человѣческое развитіе Христа. Этимъ однако еще не исчерпывается задача богословія, — напротивъ оно еще скорѣе побуждается къ новому разсмотрѣнію божества І. Христа, и образа соединенія въ Немъ двухъ естествъ. Но и при всевозможныхъ изслѣдованіяхъ, въ концѣ концовъ оно должно склониться предъ великою тайною *«Богъ явился во плоти»*, и смиренно сознаться, что эта священная тайна составляетъ не столько предметъ умозрѣнія и критическаго разсудочнаго изслѣдованія, сколько *предметъ благоговѣнія и святое дѣло вѣры и жизни*. Истинное богословіе есть и останется *theologia regeneratorum* (богословіемъ возрожденныхъ), которое основывается на словѣ Божіемъ и на печальномъ сознаніи грѣха и потребности искупленія, и которое достигаетъ своихъ резуль-

татовъ не столько путемъ умозрѣній и критики, сколько путемъ *молитвы* (*oratio*), *размышленія* (*meditatio*) и *благоговѣйнаго изслѣдованія* (*tentatio*).

Приложенное въ концѣ этого сочиненія «собраніе свидѣтельствъ невѣрующихъ» о нравственномъ совершенствѣ Христа, по моему сознанию, есть первый опытъ въ этомъ родѣ, и потому не претендуетъ на полноту. Да вѣдь и всѣ наши произведенія суть только отрывки.

Невѣрующіе рѣдко убѣждаются доказательствами, потому что источники невѣрія лежатъ больше въ сердцахъ, чѣмъ въ головахъ. Но честные изслѣдователи и серьезные скептики, какъ напр. Наэанаиль и Тома, любившіе истину, и искавшіе только убѣдительнаго побужденія для своей слабой вѣры, никогда не уклонялись отъ доказательствъ, а напротивъ, когда онѣ имъ предлагались, съ признательною благодарностью ихъ принимали, и преклонялись предъ воплотившимся Богомъ.

Счастливы тѣ, которые такимъ образомъ ищутъ истины, потому что они ее найдутъ.

Авторъ.

Нью-Йоркъ. 10 іюня 1865 г.

Окончено въ Штуттгартѣ, 4 сентября.

ВВЕДЕНІЕ.

Когда Господь явился Моисею въ горящей купинѣ; то повелѣлъ ему снять сапоги, потому что земля, на которой онъ стоялъ, была святая земля. Съ какимъ же благоговѣніемъ и священнымъ трепетомъ должны мы приступить къ разсмотрѣнію великой дѣйствительности—явленіе Бога во плоти,—дѣйствительности, въ сравненіи съ которой видѣніе Моисея было только тѣнью и прообразомъ! ¹⁾).

Жизнь и характеръ І. Христа, это — по всей справедливости святая святыхъ всемірной исторіи. Прошло уже восемнадцать столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ исполнилось время, когда Христосъ явился на землѣ, чтобы спасти падшій человѣческій родъ отъ грѣха и смерти, и чтобы открыть неизсякаемый источникъ праведности и жизни. Тысячелѣтія съ нетерпѣніемъ ожидали Его пришествія на землю, какъ исполненія надежды всѣхъ народовъ, и тысячелѣтія уже возвѣщаютъ Его славу и распространяютъ могущественное Его владычество. Для благороднѣйшихъ и лучшихъ людей всего міра Онъ составляетъ не только предметъ чистѣйшей любви и искреннѣйшей благодарности, но и предметъ божественнаго поклоненія и обожанія. Его имя стоитъ выше всякаго имени, которое только можетъ быть названо на небѣ и на землѣ,—оно есть единственное имя, въ которомъ грѣшникъ можетъ найти блаженство. Онъ есть виновникъ новаго творенія, путь, истина и жизнь. Онъ пророкъ, первосвященникъ и царь обновленнаго человѣ-

чества. Онъ есть Еммануиль, Богъ съ нами, вѣчное Слово, слѣвавшееся плотію, истинный Богъ и истинный человекъ въ нераздѣльномъ лицѣ, Спаситель міра.

Это составляетъ предметъ вѣры всей христіанской церкви, греческой, латинской и евангелической во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра. Какъ бы далеко ни расходились различные исповѣданія и различные христіанскія общества въ ученіи и обрядахъ, но въ любви и поклоненіи Иисусу всѣ они согласны между собою. Они слагаютъ свое оружіе, когда приближаются къ вилеемскимъ яслямъ или ко кресту на Голгоѣѣ, гдѣ родился и умеръ Христосъ за наши грѣхи, чтобы мы могли вѣчно жить на небѣ. Онъ есть божественное примиреніе всѣхъ человѣческихъ сектъ и вѣроисповѣданій, всеобщій центральный пунктъ всѣхъ истинныхъ христіанъ, пунктъ, гдѣ встрѣчаются ихъ сердца въ любви, въ молитвѣ и надеждахъ, забывая всѣ разногласія умовъ въ воззрѣніяхъ и теоріяхъ. Ученія и постановленія, богослуженіе и обряды, науки и искусства всего христіанскаго міра представляютъ свидѣтельство того неизгладимаго впечатлѣнія, какое произвелъ Христосъ на міръ. Безчисленное множество соборовъ и церквей служатъ также живыми памятниками благодарности къ Его священному имени, и тысячи хвалебныхъ пѣсень, возносящихся изъ общественныхъ мѣстъ богопочтенія и изъ скромныхъ келій во всѣхъ странахъ міра, ежедневно прославляютъ Его. Его могущество теперь еще сильнѣе, Его царство еще шире прежняго, и они будутъ распространяться до тѣхъ поръ, пока всѣ народы преклоняютъ предъ Нимъ свои колѣна, и облобызаютъ Его скипетръ правды и мира.

Счастливъ тотъ, кто можетъ въ чистотѣ сердца вѣровать, что Иисусъ есть Сынъ Божій и источникъ блаженства! Истинная вѣра не есть дѣло природы, а есть дѣло Бога, дѣйствующаго на душу чрезъ Св. Духа, который открылъ намъ Христа въ Его истинномъ существѣ точно также, какъ Христосъ открылъ Отца. «Плоть и кровь», сказалъ Господь Петру, послѣ того какъ онъ засвидѣтельствовалъ славное свое исповѣданіе вѣры, «плоть и кровь не открыли тебѣ этого, но Отецъ

мой небесный». Вѣра, съ своею оправдывающею, освящающею и спасающею силою, не зависитъ отъ науки и учености,— она съ одинаковою легкостью возжигается въ сердцѣ малолѣтняго ребенка и невѣжественнаго раба. Особенная слава Спасителя и Его религіи заключается въ томъ, что Онъ одинаково обращается ко всякому человѣку безъ различія пола, возраста, народа и состоянія. Его спасительная благодать простирается на всѣхъ подъ единственнымъ только условіемъ покаянія и вѣры. «Чего не видитъ ни одинъ умъ разумныхъ, то постигается въ простотѣ дѣтскаго сердца».

Но этотъ фактъ не уничтожаетъ необходимости мысли и доказательства. Откровеніе есть сверхъестественное дѣло, превышающее умъ, но оно въ тоже время не неестественно, и не исключаетъ возможности изслѣдованія. Напротивъ, естественное и сверхъестественное вмѣстѣ образуютъ одно откровеніе и управление Божіе ²⁾. Христіанство одинаковымъ образомъ удовлетворяетъ какъ глубочайшимъ интеллектуальнымъ, такъ и нравственнымъ и религіознымъ потребностямъ человѣка, который созданъ по образу Божію и для славы Божіей. Оно есть откровеніе истины и жизни. Вѣра и знаніе не противоположности, но взаимно дополняющія другъ друга силы, не враги, а неразлучныя сестры—близнецы. Вѣра не только предшествуетъ знанію, но и необходимо также ведетъ къ знанію; съ другой стороны, истинное знаніе всегда коренится въ вѣрѣ, основывается на ней и служитъ пособіемъ для вѣры, на которой утверждается. Такъ мы находимъ ихъ соединенными въ славномъ исповѣданіи св. Петра, гдѣ онъ отъ имени всѣхъ апостоловъ говоритъ: «мы *повѣрили и узнали*, что ты Христосъ» ³⁾. Да, они такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что высказанное бл. Августиномъ, Анзельмомъ и Шлейермахеромъ положеніе: «вѣра предшествуетъ знанію» ⁴⁾, мы можемъ представить въ обратномъ видѣ и сказать: «знаніе предшествуетъ вѣрѣ» ⁵⁾; потому что какъ можемъ мы вѣровать во что-нибудь, не имѣя по крайней мѣрѣ хоть какого-нибудь общаго историческаго представленія о бытіи и сущности его? Вѣра, даже въ самой низкой своей формѣ, какъ подчиненіе божественному

авторитету и признаніе истины Его откровенія, есть столько же дѣятельность духа и разума, сколько воли и сердца. Отсюда древнія опредѣленія вѣры обнимають слѣдующіе три пункта: *знаніе, согласіе и довѣріе или увѣренность*. Одинъ только развѣ идіотъ или сумасшедшій неспособенъ вѣровать. Наша религія требуетъ не слѣпой, но разумной, сознательной вѣры, и чѣмъ она сильнѣе и пламеннѣе, тѣмъ успѣшнѣе ведетъ все къ болѣе и болѣе глубокому проникновенію въ свое вѣчное, священное содержаніе.

Какъ живая вѣра во Христа есть душа и средоточіе всей практической стороны христіанства и всякаго благочестія; такъ правое ученіе о Христѣ есть душа и средоточіе всякаго здраваго христіанскаго богословія. Св. Іоаннъ отрицаніе плотскаго начала въ сынѣ Божіемъ поставляетъ признакомъ антихриста, и слѣдовательно, вѣру въ эту центральную истину онъ поставляетъ знаменіемъ христіанства. Воплощеніе вѣчнаго Слова и божественная слава, свѣтящаяся чрезъ покровъ Его человѣчества, составляютъ великую тему Его евангелія, которое Іоаннъ, какъ возлюбленный ученикъ и искренній другъ Иисуса, написалъ подъ влияніемъ сердца Христова ангельскимъ перомъ. Апостольское исповѣданіе вѣры, выходя изъ словъ Петра, съ особенною силою выдвигаетъ ученіе о Христѣ, и даетъ ему центральное положеніе по отношенію къ предшествующему ученію о Богѣ Отцѣ и послѣдующему о Богѣ Духѣ Святомъ. Развитіе древняго католическаго богословія началось и окончилось побѣдоноснымъ защищеніемъ высшаго пункта его ученія объ истинномъ божествѣ и человѣчествѣ во Христѣ, выдержавъ борьбу съ іудейскими и евіонитскими ересями, отвергавшими во Христѣ первое, и съ языческимъ гностицизмомъ, низводившимъ Его человѣчество до призрачной тѣни. Богословіе, въ своемъ настоящемъ и неповрежденномъ видѣ, есть истинно-христологическое богословіе, и представляетъ ученіе о Христѣ, какъ Богочеловѣкѣ. Эта идея есть по истинѣ «членъ стоящей и падающей церкви». Слово Христово — это вѣрный и дѣйствительный руководитель къ истинѣ, дѣло Хри-

ство—это единственный, всегда текущій и удовлетворяющій источникъ міра.

При изложеніи ученія о лицѣ Христа мы вмѣстѣ съ св. Іоанномъ, руководясь введеніемъ къ его евангелію, можемъ начать сверху, съ вѣчнаго рожденія Христа и проходить чрезъ твореніе и приготовлявшееся откровеніе ветхозавѣтнаго домо-строительства, пока придемъ къ Его воплощенію и къ Его истинной человѣческой жизни для спасенія человѣческаго рода. Или мы можемъ вмѣстѣ съ другими евангелистами начать съ низу, съ рожденія Христа отъ Дѣвы Маріи, проходить чрезъ постепенно слѣдующія другъ за другомъ ступени Его земной жизни, Его рѣчей и чудесъ, пока возвысимся до воспріятія Его въ небесную славу, которую Онъ имѣлъ прежде сложенія міра. Результатъ въ обоихъ случаяхъ получится одинъ, именно, что Христосъ соединилъ въ своемъ лицѣ всю полноту Божества и всю полноту безгрѣшнаго человѣчества.

Богословы стараго времени, какъ католическіе такъ и протестанскіе, Божество Іисуса доказывали преимущественно чудесами, которыя Онъ творилъ, пророчествами и прообразами, которые онъ исполнилъ божественнымъ именемъ, которое Онъ носитъ, божественными свойствами, которыя Ему принадлежать, и божественною славою, на которую Онъ имѣлъ право, и которую Ему вполне воздавали апостолы, и которая воздается всею христіанскою церковію до настоящаго времени.

Но при такого рода доказательствахъ съ одинаковою справедливостію можно идти противоположнымъ путемъ, выходя изъ разсмотрѣнія совершенствъ человѣчества во Христѣ, которыя, на что согласна даже невѣрующая партія, такъ высоко превосходятъ всякое до Христа и послѣ него видѣнное человѣческое величіе, что они могутъ быть объяснены рачіонально только дѣйствительнымъ соединеніемъ человѣчества съ божествомъ, согласно съ свидѣтельствомъ объ этомъ самаго Іисуса Христа и Его апостоловъ. Чѣмъ глубже мы проникаемъ чрезъ покровъ Его плоти, тѣмъ яснѣе мы видимъ славу едиnorodнаго Сына, отъ Отца исполненнаго благодатію и истиною ⁶).

Такое почитаніе Спасителя—заслуга новѣйшаго богословія. Но сильныя и коварныя нападенія невѣрія новѣйшаго времени на достовѣрность евангельской исторіи по этому самому непремѣнно требовали и требуютъ болѣе сильнаго защищенія ея, и уже привели къ новому торжеству вѣру древней церкви въ ея божественнаго Главу.

Наше гуманистическое, филантропическое и однако скептическое время представляется болѣе воспріимчивымъ къ пріятію доказательства Божества Христова отъ человѣчества, чѣмъ къ воспріятію древне-догматическаго метода, который шелъ обратнымъ путемъ. вмѣстѣ съ Ѳомою, этимъ представителемъ почтеннаго и серьезнаго сомнѣнія между апостолами, нѣкоторые благородные и испытующіе умы отрекаются вѣрить въ Божество Господа на томъ будто основаніи, что они убѣдятся въ этомъ только свидѣтельствами собственныхъ чувствъ или основательными доводами разума: они хотятъ вложить свои пальцы въ язвы гвоздинныя и руки въ ребра Его, прежде чѣмъ въ смиренномъ благоговѣніи воскликнуть: «Господь мой и Богъ мой». Они не могутъ легко придти къ вѣрѣ въ чудеса посредствомъ абстрактныхъ разсужденій или историческихъ свидѣтельствъ; но еслибъ они могли хоть разъ увидѣть великое нравственное чудо-лицо и существо Христа, — то чудесныя Его дѣла не представили-бы имъ никакого препятствія къ вѣрѣ, потому что сверхчеловѣческое существо необходимо должно творить сверхчеловѣческія дѣйствія; необыкновенное чудесное лицо должно совершать и чудесныя дѣла. Въ противномъ случаѣ и величайшее чудо было бы неестественно. Каково дерево, таковы и плоды. Мы вѣруемъ въ чудеса Христа; потому что мы вѣруемъ въ Его лицо, какъ въ лицо Богочеловѣка, и средоточіе чудесъ нравственнаго міра.

Съ этой точки зрѣнія мы попытаемся общедоступно и въ системѣ проанализировать и представить человѣческое существо Христа. Мы покажемъ человѣка Іисуса отъ Назарета, покажемъ, какъ Онъ явился послѣ простыхъ и несложныхъ извѣстій о немъ неученыхъ и честныхъ галилейскихъ рыбаковъ, какъ Онъ жилъ вѣрою въ христіанство, и мы найдемъ

Его во всѣхъ положеніяхъ Его жизни, какъ частнаго, такъ и общественнаго дѣятеля, такъ высоко стоящимъ и такъ единственно совершеннымъ, что именно это совершенство, среди несовершеннаго и грѣшнаго міра, представляетъ неопровержимое доказательство Его божества.

Для болѣе полнаго изслѣдованія предмета слѣдовало бы намъ рассмотреть Христа какъ въ общественной, такъ и въ личной Его дѣятельности: мы должны были бы представить Его какъ Учителя, Чудотворца и Основателя духовнаго царства, предѣлы господства котораго не ограничиваются ни временемъ, ни пространствомъ. Каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія неизбежно привела бы насъ къ одному и тому же результату. Но мы ограничиваемся ради настоящей нашей цѣли рассмотреть личнаго характера Христа, и этого, надѣемся, достаточно будетъ для достиженія того же самаго результата.

Л и т е р а т у р а .

Литература о жизни и характерѣ Христа въ теченіи послѣдняго времени приняла весьма широкіе размѣры въ Германіи, Франціи, Голландіи, Англии и Соединенныхъ Штатахъ. Мы ограничиваемся руководствомъ такихъ книгъ и сочиненій, въ которыхъ болѣе непосредственно трактуется о нравственномъ характерѣ и безгрѣшности Спасителя, и которыя отъ разсмотрѣнія полного Его человѣчества восходятъ къ Его Божеству.

Dr. *Karl Ullmann* (Professor der Kirchengeschichte, gest. 1865 г.): *Die Sündlosigkeit Jesu. Eine apologetische Betrachtung.* Zuerst veröffentlicht in den *Studien und Kritiken* 1828. Nr. 1. dann als besonderes Buch, 7. Auflage, 1863. Die Citate sind theilweise der 7. Auflage entnommen.

Dr. *James William Alexander* (von New-York, gestorb. 1859): *The Character of Jesus, an Argument for the Divine Origin Christianity.* Veröffentlicht in den *Lectures on the Evidences of Christianity, delivered at the University of Virginia, New-York, 1852, pag. 193—211.*

John Young: *The Christ of History, an Argument grounded in the Facts of His Life on earth.* London. Второе изд. въ Нью-Йоркѣ, 1858 г.

Dr. *Horace Bushnell* (von Hartford): *The Character of Jesus forbidding his Classification wirth Men.* New-York 1861 г. (Особенно 10 гл. его прекрасной и интересной книги: *Nature and the Supernatural, as together constituting the one System of God.* New-York, 1858. Стр. 276 и слѣд.).

Pater Bawne (изъ Шотландіи): *The Testimony of Christ to Christianity*. Нов. изд. въ Бостонѣ 1862 г.

Dr. Isaak Dorner (профессоръ богословія въ Берлинѣ): *Ueber Jesu sündlose Vollkommenheit, in den Gothaer «Jahrbücher für deutsche Theologie»*. Т. VII. 1862 г., стр. 49—106. Французскій переводъ этого сочиненія явился въ *Revue Chrétienne*, и англійскій доктора *Henry B. Smith* въ *American Presbyterian Review*. New-York, 1863 г.

Hermann Weiss: *Sechs Vorträge über die Person Jesu Christi*. Stuttgart, 1863 г.

Dr. J. J. von Oosterzee (профессоръ богословія въ Утрехтѣ): *Das Bild Christi nach der Schrift*. Hamburg, 1864 г. (съ голландскаго языка перевод. Ф. Мейерингомъ). Эта книга составляетъ третью часть обширнѣйшаго сочиненія автора о Хринологіи ветхаго и новаго завѣта, обнаруженнаго въ Роттердамѣ 1855—1861 г.

Два французскихъ сочиненія, проводящія тѣже мысли, но которыхъ только извѣстны были одни названія, принадлежать *E. Dandiran*: *Essai sur la divinité du caractère moral de Jésus-Christ*. Genève, 1850 г. и *E. de Pressensé*: *Le Rédempteur*. Paris 1854 г. *Guizot*: *Méditations sur l'essence de la religion chrétienne*. Paris et Leipzig, 1864 г. VIII *Méditat.*, p. 251—321.

Списокъ старыхъ сочиненій о безгрѣшности Іисуса находится въ указанной нами выше книгѣ Ульмана, стр. 231—240. 7 изд.

Сюда-же можно отнести подробныя сочиненія о жизни Іисуса и евангельской исторіи слѣдующихъ авторовъ: *Hase*, *Neander*, *Lange*, *Ebrard*, *Sepp*, *Kuhn*, *Friedlieb*, *Bucher*, *Lichtenstein*, *Riggenbach*, *Baumgarten*, *Ewald*, *Schleiermacher*, *Ellieot*, *Andrews* и др.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣтство и отрочество Іисуса.

Христось прошелъ всѣ возрасты человѣческой жизни,—отъ дѣтства до лѣтъ возмужалости,—и въ каждомъ изъ нихъ осуществилъ свой идеальный образъ, чтобы спасти и освятить человѣка во всѣхъ періодахъ его возраста, въ каждомъ изъ нихъ оставилъ намъ образецъ для подражанія. Онъ былъ образцовое дитя, образцовый мальчишъ, образцовый юноша и образцовый мужъ⁷⁾. Только немощи слабости и одряхленіе преклоннаго возраста были бы несогласны съ Его характеромъ и назначеніемъ. Онъ умеръ и воскресъ отъ мертвыхъ въ полномъ цвѣтѣ юношески-мужественной силы, и въ сердцахъ своего народа всегда живетъ, какъ неувыдаемая свѣжесть и ненадломленная сила.

Бросимъ внимательный взглядъ на дѣтство нашего Спасителя. Исторія человѣческаго рода начинается прелестью невинной юности въ эдемскомъ саду, «гдѣ утреннія звѣзды совмѣстно прославляли и всѣ дѣти Божіи радостно ликовали» при взглядѣ на Адама и Еву, этихъ видимыхъ подобій ихъ творца и славный вѣнецъ всѣхъ Его чудныхъ дѣлъ. Такъ является новый Адамъ, Спаситель падшаго рода, возстановитель и обновитель человѣчества,—является предъ нами, по евангельскимъ извѣстіямъ, прежде всего какъ дитя, является рожденный хотя не въ раю невинности, а между печальными разрушеніями грѣха и смерти, отъ бѣдной Дѣвы, въ бѣдныхъ ясляхъ, но чистый и невинный, дѣлается предметомъ хвалебныхъ пѣсней ангельскихъ и поклоненія людскаго. Уже благо-

говѣніе и ожиданіе Его рожденія превращаютъ дѣвственную Его мать, обрученную бѣдному плотнику, въ пророчицу, исполненную Духа Божія, вливаютъ юношескія силы въ преклонныхъ родителей крестителя, въ полной надеждѣ предвкушавшихъ приближавшееся спасеніе, и заставляютъ нерожденное еще дитя выражать свою радость въ матерней утробѣ Елисаветы, — дитя, которому опредѣлено было приготовить путь Господу. Вдохновенныя хвалебныя пѣсни Елисаветы, Маріи и Захаріи ⁸⁾ соединяютъ въ себѣ непреодолимую прелесть поэзіи вмѣстѣ съ истиною, и служатъ достойнымъ предуготовленіемъ къ скорому дѣйствительному явленію дитяти — Христа на порогѣ евангельскаго спасенія, гдѣ высочайшая поэзія божественной премудрости и любви осуществляется въ дѣйствительности, которая должна превзойти высочайшій идеалъ человѣческой поэзіи. И когда небесное дитя родилось, сошлись небо и земля, вилеемскіе пастухи и мудрецы съ востока — представители Израиля, ожидавшаго спасенія, и язычества, во мракѣ искавшаго «невѣдомаго Бога», и всѣ соединяются въ поклоненіи царскому дитяти и Спасителю.

Это особенное соединеніе униженія и славы, человѣческаго и божественнаго встрѣчаетъ насъ въ самомъ началѣ земной исторіи Христа, которая этимъ собственно характеризуется и отличается отъ всякой другой исторіи. Христосъ является въ мірѣ прежде всего какъ дитя, какъ бѣдное дитя въ маленькомъ городѣ отдаленной области ⁹⁾, въ самомъ неприглядномъ мѣстѣ, въ пещерѣ, въ ясляхъ беззащитный бѣглець отъ ярости жестокаго тирана — на первый взглядъ сильный камень преткновенія для нашей вѣры; между тѣмъ съ другой стороны явленіе ангеловъ, вдохновенныя хвалебныя пѣсни Захаріи и Маріи, священное торжество Елисаветы, Анны и Симеона, пророчества, богословская мудрость книжниковъ іерусалимскихъ, даже темное политическое подозрѣніе Ирода, звѣзда въ Вилеемѣ, путешествіе маговъ изъ отдаленнаго востока, сумрачный свѣтъ астрологіи и астрономіи, предзнаменовательное сновидѣніе и наконецъ Божественное Провидѣніе, дающее чувствовать себя въ каждомъ обстоятельствѣ, образуютъ бли-

стателный рядъ свидѣтельствъ въ пользу Божескаго происхожденія дитяти—Христа. Небо и земля, какъ бы движутся около младенца, какъ своего центра, своею силою отталкивающаго все темное и злое, и тою же силою привлекающаго все доброе и свѣтлое. Какая противоположность! Дитя въ ясляхъ и Оно же—Спаситель мѣра, дитя ненавидимое и преслѣдуемое и Оно же—благославляемое и возлюбленное; дитя бѣдное и презираемое, и Оно же—почитаемое и обожаемое,—окруженное опасностями и чудесно оберегаемое: дитя, которое приводитъ въ движеніе звѣзды на небѣ, городъ Іерусалимъ, пастуховъ іудейскихъ и мудрецовъ восточныхъ, и отталкиваетъ отъ себя дурныя гибельныя элементы мѣра, и привлекаетъ самыя лучшія! Этотъ контрастъ, соединившій въ себѣ самыя противоположныя, но въ то же время нисколько не противорѣчащія другъ другу вещи, слишкомъ глубока, возвышенъ, слишкомъ знаменателенъ, чтобы быть изобрѣтеніемъ двоихъ необразованныхъ рыбаковъ ¹⁰⁾.

Однакожъ, не смотря на всѣ эти признаки божественности дитя—Иисусъ ни у Ев. Матѣя, ни у Ев. Луки не представляется неестественнымъ чудомъ, совмѣщавшимъ въ себѣ зрѣлость позднѣйшихъ возрастовъ, но представляется истинно-человѣческимъ дитятею, тихо покоющимся и улыбающимся на дѣвственной груди Матери, ее растущимъ и укрѣпляющимся въ духѣ» ¹¹⁾, и подчиняющимся законамъ правильнаго развитія, только отличающимся отъ всѣхъ другихъ дѣтей своимъ сверхъестественнымъ зачатіемъ и полною свободою отъ первороднаго грѣха и виновности. Иисусъ является въ небесной чистотѣ незапятнанной невинности,—является какъ пріятный благоухающій цвѣтъ рая. Онъ былъ «Святое», согласно съ благовѣстіемъ объ немъ архангела Гавріила (Лук. 1, 35), сдѣлался предметомъ удивленія и любви всѣхъ, кто приближался къ Нему съ дѣтской простотою, но вмѣстѣ съ этимъ и предметомъ темныхъ подозрѣній жестокаго правителя, въ лицѣ котораго предъизобразились всѣ Его будущіе враги и гонители.

Кто можетъ измѣрить то облагораживающее, очищающее и возвышающее вліяніе, какое возбуждается въ сердцахъ юности

и старца во всѣхъ странахъ и народахъ христіанскихъ каждый разъ въ праздникъ Рождества Христова, при воспоминаніи о младенцѣ—Христѣ. Потеря первобытнаго состоянія и невинности обильно вознаграждается возвращеніемъ безсмертной невинности снова приобрѣтеннаго рая.

Изъ отроческаго возраста Іисуса мы знаемъ только одинъ фактъ, рассказанный Лукою, но стоящій въ совершенной гармоніи съ дивными качествами дѣтства Христова, и въ то же время указывающій на славу Его общественной жизни—этого непрерывнаго служенія Его небесному Отцу ¹²). Въ храмѣ, среди іудейскихъ ученыхъ, мы находимъ двѣнадцатилѣтняго Іисуса не заносчивымъ и бойкимъ мудрецомъ, учительствующимъ и надменно относящимся къ другимъ, какъ передаютъ апокрифическія евангелія, но слушающимъ и спрашивающимъ и, слѣдовательно, дѣйствительно учащимся, но въ то же время изумляющимъ своихъ учителей своимъ умомъ и своими рѣчами. Тутъ нѣтъ ничего скороспѣлаго, быстро или несвойственнаго возрасту Іисуса, а напротивъ мы видимъ здѣсь мѣру премудрости и глубину религіознаго интереса, возвышающую отрочество Его надъ обыкновеннымъ человѣческимъ отрочествомъ. «Онъ преуспѣвалъ въ премудрости, возрастѣ и въ любви у Бога и человѣковъ» (Лук. 2, 52), рассказываетъ намъ. Онъ былъ послушнымъ, и во всѣхъ отношеніяхъ добродѣтельнымъ Сыномъ своихъ родителей; но при этихъ качествахъ Онъ наполнялъ ихъ священнымъ трепетомъ, когда они видѣли Своего Сына вполне преданнымъ дѣлу Его Отца, и слышали необыкновенныя Его рѣчи, которыхъ они не могли тогда понять, но которыя Марія хранила въ своемъ сердцѣ какъ священную тайну, будучи твердо убѣждена, что онѣ, соотвѣтствуя таинству Его сверхъестественнаго зачатія и рожденія, должны имѣть глубокой смыслъ.

Такой образъ, какъ безпечальнаго безпорочнаго небеснаго дѣтства, такъ и зрѣющаго поразительно-мудраго отрочества, какимъ онъ представляется намъ въ живой реальности у самаго порога евангельской исторіи, никогда прежде не приходилъ на умъ ни одному біографу, поэту или философу. На-

оборотъ, какъ справедливо замѣчено ¹³⁾, всѣ характеры высшаго порядка заключаютъ въ себѣ величіе и возвышенность въ извѣстной мѣрѣ, но эти качества рѣдко представляются намъ развившимися съ гармонической и совершенной постепенностью ихъ изъ извѣстныхъ данныхъ, составлявшихъ достояніе юношеской натуры; обыкновенно такіе характеры образуются посредствомъ процесса очищенія, когда многія глупости и недостатки темперамента устраняются, когда обманъ ограничиваетъ довѣріе, страсть умѣряется разсудкомъ, и юношеская горячность отрезвляется опытомъ. Обыкновенно, особенно радуются указывая на тотъ фактъ, что, несмотря на всѣ дѣтскія шалости, погрѣшности, при помощи воспитанія въ концѣ концовъ образуется мудрый, правильный и героическій характеръ, дѣлающійся предметомъ удивленія. Кромѣ того, еслибъ какой нибудь писатель (какого бы онъ ни былъ времени) взялся описать не просто только безпорочное, но сверхчеловѣческое или небесное дѣтство, не имѣя предъ собою оригинала, то онъ самъ долженъ былъ бы сдѣлаться существомъ, стоящимъ выше человѣка; въ противномъ случаѣ онъ представилъ бы массу грубыхъ преувеличеній, нарисовалъ бы и разрисовалъ бы свой предметъ такъ, что подобнаго ему нельзя было бы найти ни на небѣ, ни на землѣ.

Это неестественное преувеличеніе, въ которое неизбежно впадаетъ миеически настроенная фантазія человѣка, когда она старается воспроизвести сверхчеловѣческое дѣтство и юность, самымъ убѣдительнымъ образомъ сказывается въ мнѣіи о Геркулесѣ, который, будучи еще груднымъ младенцемъ въ колыбели, задавилъ своими нѣжными, слабыми руками двухъ чудовищныхъ змѣй, но еще гораздо больше передается въ извѣстіяхъ апокрифическихъ евангелій о чудесахъ дитяти—Иисуса. Эти апокрифическія евангелія относятся къ каноническимъ, какъ фальшивая монета къ настоящей, или какъ возмутительная карриатура къ неподражаемому оригиналу; но этотъ именно контрастъ служить, по крайней мѣрѣ отрицательно, къ тому, чтобы подтвердить истину евангельской исторіи. Этотъ сильный контрастъ употреблялся, особенно въ штраусо-

выхъ спорахъ, часто, въ случаѣ нужды, и какъ доказательство противъ мнѣическихъ теорій.

Между тѣмъ какъ евангелисты ограничиваютъ чудеса зрѣлымъ возрастомъ и временемъ общественной жизни Иисуса, и сохраняютъ удивительное молчаніе въ отношеніи къ Его родителямъ, псевдо-евангелисты дѣтство и отроческіе годы Господа и Его Матери наполняютъ странными чудесами, и посредничеству Маріи даютъ постоянно выдающееся положеніе. Вслѣдствіе этого предъ ними смиряются даже нѣмые идолы, неразумныя животныя и бездушныя деревья, преклоняясь предъ младенцемъ Иисусомъ на пути Его въ Египеть и при возвращеніи Его оттуда. Будучи пяти—или семилѣтнимъ мальчикомъ, Онъ превращаетъ маленькіе шарики изъ земли въ летающихъ птицъ, единственно ради удовольствія своихъ товарищей; распространяетъ вокругъ себя ужасы: однимъ обыкновеннымъ словомъ осушаетъ потокъ водъ; своихъ сверстниковъ превращаетъ въ козъ; мертвыхъ пробуждаетъ къ жизни, и производитъ чудесныя леченія какою-то магическою силою, которая извлекается изъ воды, въ которой Онъ мылся, или изъ платковъ, которые употреблялъ, и изъ постели, на которой спалъ ¹⁵). Это подлогъ и нелѣпость *неестественнаго вымысла*, тогда какъ новый завѣтъ представляетъ намъ во всей истинѣ и красотѣ, безъ сомнѣнія, *сверхъестественную*, но однакожъ *въ высшей степени дѣйствительную исторію*, которая является въ полномъ своемъ свѣтѣ тогда только, когда мы сравнимъ ее съ мнѣическими мечтаніями.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Воспитаніе Иисуса.

За исключеніемъ немногихъ, указанныхъ въ предъидущей главѣ, но многозначительныхъ намековъ, юность Иисуса и приготовленіе Его къ общественному служенію покрыты таин-

ственнымъ молчаніемъ. Но намъ извѣстны внѣшнія отношенія и обстоятельства, среди которыхъ онъ выросъ, и которыя не представляютъ намъ ни малѣйшаго объясненія удивительнаго результата; если мы не признаемъ сверхчеловѣческаго и божественнаго элемента въ жизни Иисуса.

Онъ выросъ среди народа, о которомъ рѣдко и то съ презрѣніемъ упоминаютъ древніе классики,—среди народа, въ то время покореннаго подъ иго чужеземнаго притѣснителя, въ отдаленной, завоеванной провинціи римской имперіи, неизвѣстнѣйшей области Палестины, въ маленькомъ городкѣ, обратившемся въ пословицу ¹⁶⁾; въ бѣдности, обреченный на черныя труды; въ мастерской неизвѣстнаго плотника, вдали отъ университетовъ, академій, библиотекъ и литературныхъ или образованныхъ обществъ, лишенный всякихъ, насколько мы знаемъ, вспомогательныхъ средствъ къ образованію, кромѣ родительскихъ заботъ и попеченій, каждодневныхъ чудесъ природы, ветхозавѣтныхъ писаній, еженедѣльныхъ субботствованій въ назаретской синагогѣ (Лук. 4, 16), ежегодныхъ празднованій Пасхи въ іерусалимскомъ храмѣ (Лук. 2, 42), и тайныхъ обращеній души Его къ Богу, своему небесному Отцу. И въ самомъ дѣлѣ, это великіе воспитатели духа и сердца. Книга природы и книга откровенія суть лучшіе и болѣе важные наставники, чѣмъ всѣ человѣческія произведенія въ области науки и искусства. Но эти же наставники, одинаковымъ образомъ были доступны каждому іудею, и Иисусу не давали ни малѣйшаго преимущества предъ самымъ бѣднымъ Его сосѣдомъ и соплеменникомъ.

Поэтому естественны вопросы Наанаила: «что добраго можетъ придти изъ Назарета?» Отсюда-же естественно удивленіе іудеевъ, которымъ были извѣстны всѣ Его родственники и всѣ Его человѣческія, естественныя отношенія. «Какъ знаетъ Онъ писаніе», спрашивали они, услышавъ Его ученіе, «не учившись» (Іоан. 7, 15)? И при другомъ случаѣ, когда Онъ училъ въ синагогѣ, спрашивали: «откуда являются у Него такая мудрость и дѣла? Не сынъ-ли Онъ плотника? Не Маріей ли зовутъ Его Матерь? И не Его ли братья Іаковъ, Іосифъ,

Симонъ и Иуда? Его сестры—не всё ли у насъ? Откуда же Ему приходитъ все это?»¹⁷⁾. Эти вопросы представляются неизбежными и не совсѣмъ удобоуловимыми; если мы будемъ разсматривать Христа какъ обыкновеннаго, только простаго человѣка, потому что каждое дѣйствіе предполагаетъ соотвѣтствующую причину.

Представляющаяся при этомъ трудность нисколько не можетъ быть устранена указаніемъ на тотъ фактъ, что многіе, иногда самые великіе люди, особенно въ церкви, усиліями и терпѣливою настойчивостью, упорно борясь съ бѣдностью, и преодолевая всякаго рода препятствія, пробивали себѣ дорогу къ извѣстности, начиная съ низшихъ ступеней жизни. Мы весьма охотно даемъ значеніе этому факту; но въ каждомъ изъ такихъ явленій могутъ быть указаны или школы, или книги, или покровители и друзья, или особенныя обстоятельства и вліянія, какъ вспомогательныя средства при развитіи духовнаго или нравственнаго величія. У насъ, конечно, всегда наготовѣ, найдутся какое-нибудь человѣческое, естественное основаніе или связь причинъ, объясняющихъ конечный результатъ.

Лютеръ, на примѣръ, безъ сомнѣнія, былъ сынъ бѣдныхъ родителей, и перенесъ очень суровую юность; однако онъ посѣщалъ школы въ Мансфельдѣ, Магдебургѣ, Эйзенахѣ и Эрфуртскій университетъ; прошелъ аскетическое монастырское воспитаніе, жилъ въ университетѣ, окруженный профессорами, студентами, библіотеками, и сдѣлался противъ своей, такъ сказать, воли, въ силу чрезвычайныхъ обстоятельствъ и непреодолимаго требованія времени, реформаторомъ.

Обыкновенно и, нужно признаться, совершенно справедливо, какъ на разительнѣйшій и удивительнѣйшій примѣръ самоучки, указываютъ на Шекспира, который, не будучи знакомъ съ рутинною школьнаго образованія, сдѣлался величайшимъ драматургомъ всѣхъ временъ и странъ. Но нелѣпое мнѣніе, что сынъ варвикскаго крестьянина, или масника, или перчаточника—что положительно намъ неизвѣстно, былъ совсѣмъ неученый человѣкъ и однимъ прыжкомъ изъ необразо-

ваннаго (чему трудно повѣрить) и неопытнаго юноши—достигъ высочайшей степени литературнаго творчества, давно уже опровергнуто компетентными судьями. То несомнѣнно, что Шекспиръ нѣсколько лѣтъ провелъ въ свободной латинской школѣ въ Штатфортѣ, гдѣ онъ, по всей вѣроятности, выучился «нѣсколько по-латыни и еще меньше по-гречески», чего, какъ ни мало было въ глазахъ такого глубокаго, классически ученаго человѣка, какъ Бенъ Жонсонъ, однако было достаточно для того, чтобы познакомить его съ общими понятіями о греко-римской древности. А въ чемъ могли обнаружиться недостатки школьнаго образованія, то Шекспиръ долженъ былъ вознаграждать постоянными частными занятіями и самымъ внимательнымъ наблюденіемъ надъ людьми и явленіями; вотъ почему въ его драмахъ, за исключеніемъ незначительныхъ недостатковъ хронологическихъ, историческихъ и географическихъ, встрѣчающихся случайно, умышленно или просто по прихоти даже въ лучшихъ его произведеніяхъ, какъ напр. въ «Периклѣ» и «Сновидѣніи лѣтней ночи», открываются полнота самаго короткаго и глубокаго знакомства съ человѣческой природою во всѣхъ ея типахъ и положеніяхъ — на холодномъ сѣверѣ и знойномъ югѣ, въ 15-мъ столѣтіи и во времена Цезаря, подъ вліяніемъ христіанства, іудейства и язычества, — и большое разнообразіе историческихъ и другихъ свѣдѣній, — всего этого можно было достигнуть не иначе какъ посредствомъ желѣзнаго прилежанія, при помощи словеснаго или письменнаго изученія ¹⁸⁾. Кромѣ того, Шекспиръ жилъ въ Лондонѣ, въ качествѣ актера, директора театровъ и писателя, въ классической вѣкъ Елисаветы, вращался въ обществѣ гениальныхъ и ученыхъ друзей, пользовался свободнымъ доступомъ въ высшіе слои самыхъ образованныхъ людей, наконецъ, онъ жилъ въ эпоху послѣдней заключительной сцены высшаго развитія человѣческаго духа, — развитія, которое, со времени введенія христіанства, всегда двигало человѣческую мысль въ области всемірной и церковной исторіи.

Въ данномъ случаѣ ко Христу не можетъ быть приложено ни одно изъ такихъ естественныхъ объясненій. Онъ не мо-

жесть быть поставленъ въ рядъ ни съ людьми, получившими школьное образованіе, ни съ самодѣтельными самоучками, если подъ послѣдними, какъ и слѣдуетъ, будемъ разумѣть такихъ лицъ, которыя безъ правильнаго руководства *живаго* учителя, но съ такими *средствами* къ воспитанію, какъ книги, наблюденія надъ людьми и другими предметами и под., посредствомъ энергическаго упражненія и развитія своихъ природныхъ способностей достигаютъ великой силы духа и учености, каковы на примѣръ Шекспиръ, Іаковъ Бѣмъ, Венъяминъ Франклинь. Всѣ попытки приписать Христу знакомство съ египетскою мудростью или съ глубочайшею теоріею или со всѣми другими источниками учености лишены даже и тѣни доказательности, и ровно ничего не объясняютъ. Онъ никогда не цитировалъ ни одной книги, кромѣ ветхаго завѣта. Онъ никогда не ссылался на всемірную исторію, поэзію, реторику, математику, астрономію, иностранные языки, естественную исторію или на какую-нибудь одну изъ всѣхъ отраслей знанія, — отраслей, изъ которыхъ составляется человѣческая ученость и литература. Онъ строго ограничивался религіей, и изъ этого одного центра Онъ распространялъ свѣтъ знанія на весь человѣческій міръ и природу. Въ этомъ отношеніи Онъ былъ совершенно оригиналенъ и просто независимъ, — Онъ не былъ похожъ ни на одного изъ великихъ мужей, не исключая даже пророковъ и апостоловъ. Христосъ училъ міръ, какъ единственное лице, которое ничему отъ него не выучилось и которому Оно ничѣмъ не было обязано. Онъ говорилъ по Божественному созерцанію, какъ лице, которое не только *знало* истину, но и Самъ былъ истина, — говорилъ съ такимъ авторитетомъ, который требовалъ безусловнаго себѣ подчиненія, противъ котораго нельзя было даже возставать, и къ которому никогда нельзя было относиться презрительно или равнодушно. «Его характеръ и жизнь, сказала Юнгъ, имѣли и, вопреки всѣмъ обстоятельствамъ, сохранили въ себѣ такіе элементы, въ борьбѣ съ которыми не можетъ устоять ни одна земная сила. Они должны поэтому имѣть свое истинное основаніе въ необыкновенной божественной силѣ».

Какъ скоро за лицомъ Христа мы признаемъ Божественность, то не трудно будетъ видѣть, что Онъ чрезъ свое униженіе, незнатное рожденіе и бѣдность, плотническое занятіе и глубокое подчиненіе законамъ общества возвысилъ истинное достоинство и славу до такой высоты, какой раньше не предчувствовали, и навсегда отвергъ и уничтожилъ тотъ ложный масштабъ, которымъ измѣряли достоинство людей и предметовъ по ихъ внѣшнему виду, и по которому нравственное величіе отождествляли съ высокимъ званіемъ, и нравственную подлость съ низкимъ положеніемъ въ жизни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Общественная жизнь Іисуса.

Кратковременность и сильное дѣйствіе Его общественнаго служенія. Отсутствіе всякаго желанія славы и мірскаго величія.

Мы приступаемъ теперь къ общественной жизни Іисуса. Спустя тридцать лѣтъ по рожденіи, послѣ мессіанскаго посвященія крещеніемъ Іоанна, Его непосредственнаго предтечи и личнаго представителя вѣтхаго завѣта, какъ со стороны его законодательствъ, такъ и со стороны пророческой или евангельской, и послѣ мессіанскаго испытанія посредствомъ искушенія въ пустынѣ — параллель искушенія перваго Адама въ рай—Онъ выступилъ на великое Свое дѣло.

Общественная жизнь Іисуса продолжалась только три года, и еще прежде достиженія мужской зрѣлости Онъ умеръ въ полной свѣжести и мужественной силѣ, не испытавши слабости старческаго возраста, что неизбѣжно разстроило бы образъ Князя жизни и Возстановителя нашего рода. Онъ сохранилъ цвѣтъ юности,—Онъ не былъ пожилымъ мужемъ. Его лице и Его дѣло, каждое слово, имъ сказанное, каждое дѣло, имъ совершенное, носятъ на себѣ печать свѣжести, блеска и силы юности, и сохраняютъ ихъ всегда. Все другое исчезаетъ

вмѣстѣ съ временемъ, каждая книга, написанная человѣкомъ, теряетъ свой интересъ послѣ повтореннаго чтенія: только Евангеліе Иисуса никогда не утомляетъ читателя; напротивъ, чѣмъ чаще оно читается, тѣмъ больше становится интереснымъ, и при каждомъ новомъ чтеніи глубина его дѣлается глубже. О Наполеонѣ, во время заключенія его на островѣ Елены, рассказываютъ, что онъ, указывая на новый завѣтъ, лежавшій на столѣ, сказалъ: «Я никогда не утомляюсь, читая его, и каждый день читаю его съ одинаковымъ восхищеніемъ. Евангеліе не есть книга, но живая сила, побѣждающая все, что захочетъ ей противиться. Чистота Евангелія, плѣняющаго душу, принадлежитъ не міру, но Богу».

Но отличаясь отъ всѣхъ людей по своимъ лѣтамъ, Христосъ съ свѣжестью, энергіей и творческою силою юности соединялъ такую мудрость, умѣренность и опытность, которыя во всѣхъ другихъ случаяхъ свойственны только зрѣлому возрасту. Три года Его общественнаго служенія, если даже разсматривать ихъ съ простой исторической точки зрѣнія, заключаютъ въ себѣ больше, чѣмъ самая продолжительная жизнь самыхъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ людей. Они наполнены глубочайшимъ смысломъ божественнаго опредѣленія и назначенія касательно человѣческаго рода. Они—зрѣлый плодъ всего предшествовавшаго времени, исполненіе всѣхъ надеждъ и пламенныхъ желаній іудеевъ и язычниковъ, и плодоносный зародышъ возникающихъ родовъ. Они заключаютъ въ себѣ импульсы для самыхъ свѣтлыхъ размышленій и благороднѣйшихъ дѣлъ, и сохраняютъ такую силу до тѣхъ поръ, пока стоитъ міръ. Они — «конецъ безконечнаго прошедшаго и начало безконечнаго будущаго»¹⁹⁾.

Какъ достопамятенъ, какъ удивителенъ этотъ контрастъ между кратковременностью и несоизмѣримымъ значеніемъ общественного служенія Иисуса! Спаситель міра—юноша!

Всѣ остальные люди нуждаются въ длинномъ рядѣ лѣтъ, чтобы довести свой духъ и характеръ до зрѣлости, и оставить послѣ себя въ мірѣ продолжительный слѣдъ. Есть конечно исключенія, которымъ мы не отказываемъ въ значеніи.

Александръ великій, этотъ послѣдній и самый блистательный цвѣтъ древней греческой національности, умеръ молодымъ человекомъ тридцати трехъ лѣтъ, и завоевалъ востокъ до самыхъ береговъ Инда. Но кто можетъ подумать только сравнить этого тщеславнаго завоевателя, эту жертву своихъ страстей, съ незапятнаннымъ другомъ грѣшниковъ, или кровавыя побѣды, окончившіяся постыднымъ пораженіемъ въ упоеніи чувственныхъ вожделеній, съ мирными триумфами другаго, триумфами, которые всегда, съ каждымъ годомъ дѣлаются славнѣе, и наконецъ чудовищное солдатское, на насиліи основанное царство, распавшееся на части тотчасъ послѣ своего образования, сравнить съ духовнымъ царствомъ, которое стоитъ до настоящаго дня, и будетъ стоять вѣчно? Впрочемъ, не должно забывать, что истинное значеніе и единственное достоинство завоеваній Александра лежатъ совершенно внѣ горизонта его честолюбія и его намѣреній: пересадкой греческаго языка и греческой цивилизаціи въ Азію и посредствомъ соединенія восточнаго міра съ западнымъ приготовлялся путь ко введенію всеобщей религіи Іисуса Христа. Наполеонъ, въ своемъ разговорѣ съ генераломъ Бертранъ на островѣ св. Елены, сдѣлалъ удачное замѣчаніе: «восторгаются завоеваніями Александра. Такъ и быть! Но есть другой завоеватель, который присвоилъ себѣ, соединилъ съ собою и организовалъ не только націю, но весь человѣческій родъ. Какое чудо! Человѣческая душа со всѣми ея силами дѣлается неотъемлемою частію (*une annexe*) Іисуса Христа»²⁰). Жизнь и дѣла Христа въ абсолютномъ смыслѣ составляютъ центръ исторіи, такъ что вся древность относится къ нему, какъ приготовленіе къ нимъ, а средніе и новыя вѣка какъ исполненіе ихъ. Поэтому то они стоятъ выше всякаго сравненія съ дѣлами обыкновеннаго человѣка.

Есть еще другое поразительное различіе между Христомъ и героями исторіи, различіе, о которомъ мы не можемъ не упомянуть. Было бы совершенно естественно предположить, что такая необыкновенная личность, которая выказываетъ удивительныя притязанія и совершаетъ необыкновенныя дѣла,

окружить себя необыкновенными отношеніями, и займетъ положеніе выше обыкновенной низкой толпы. Отъ такого лица должно было бы ожидать чего-то особеннаго и поразительнаго во взглядѣ, одеждѣ, манерахъ, образѣ рѣчи, жизни, равно какъ и въ свѣтѣ Его слугъ и сопровождающихъ.

Но тутъ-то мы встрѣчаемъ прямую противоположность. Величіе Христово носитъ на себѣ печать особенной, оригинальной скромности, лишено малѣйшихъ притязаній на внѣшній блескъ; оно не только не пугаетъ зрителя, а напротивъ, поселаетъ въ немъ сильнѣйшее желаніе къ тѣснѣйшему сближенію со Христомъ. Его общественная жизнь никогда не выражала притязаній на славу мірскаго героизма, окруженнаго важностью и внѣшнимъ блескомъ,—напротивъ, она вращалась въ кругу обыденной жизни, и въ простыхъ отношеніяхъ сына, брата, гражданина, учителя и друга. Даже достовѣрнаго изображенія Его лика, «исполненнаго благодати и истины», мы не имѣемъ; глаза евангелистовъ преимущественно были обращены на небесную красоту духа Христова, и потому-то внѣшнее явленіе у нихъ теряется предъ силой Его слова и дѣла. Христосъ не командовалъ арміей, у Него не было царства, которымъ бы Онъ управлялъ, никогда Онъ не занималъ виднаго поста, никогда Онъ не заискивалъ мірскаго благорасположенія, и ни отъ кого не ожидалъ вознагражденія. Онъ былъ самый простой человекъ, не имѣвшій друзей и покровителей, ни въ синагогѣ, ни при дворѣ Ирода. Христосъ не имѣлъ дружескихъ сношеній ни съ духовными, ни съ свѣтскими руководителями народа, которыхъ онъ, на двѣнадцатомъ году своей жизни, своими вопросами и отвѣтами привелъ въ изумленіе. Своихъ учениковъ Онъ выбралъ изъ необразованныхъ рыбаковъ галилейскихъ, и не обѣщалъ имъ никакого другаго вознагражденія въ этомъ мірѣ, кромѣ участія въ своей горькой чашѣ страданій. Онъ ѣлъ съ мытарями и грѣшниками, мѣшался въ толпѣ простаго народа, никогда однако не унижаясь до его грубыхъ нравовъ и обычаевъ. Христосъ такъ былъ бѣденъ, что не имѣлъ гдѣ голову преклонить. Удовлетвореніе небольшихъ Его потребностей зависѣло отъ добро-

вольныхъ подавнѣи нѣкоторыхъ благочестивыхъ женщинъ, и «ковчежецъ» былъ въ рукахъ вора и предателя. Онъ не обладалъ также ни ученостью, ни знаніемъ искусствъ, ни краснорѣчіемъ въ обыкновенномъ смыслѣ, ни другой какою-нибудь силой, посредствомъ чего великіе мужи возбуждаютъ вниманіе, и обезпечиваютъ за собою удивленіе міра. Греческіе и римскіе писатели ничего не знали даже о существованіи Христа; только спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Его крестной смерти, плоды Его дѣла, постоянное возрастаніе «секты» Его приверженцевъ вызвали ихъ презрительное прозвище и оппозицію.

Но при всемъ томъ этотъ Іусусъ отъ Назарета, безъ денегъ и оружія, завоевалъ милліоны, завоевалъ болѣе, чѣмъ Александръ, Цезарь, Магометъ и Наполеонъ; безъ научнаго познанія и учености Онъ распространилъ свѣтъ на человѣческія и божественныя дѣла болѣе, чѣмъ всѣ философы и ученые, взятые вмѣстѣ; безъ школьнаго краснорѣчія Онъ произносилъ такія слова жизни, какія никогда ни прежде, ни послѣ не были высказаны, и произвелъ такое дѣйствіе, которое далеко превышаетъ силы какого-бы то ни было оратора или поэта; не написавши ни одной строки, Онъ привелъ въ движенія перья и далъ темы для проповѣдей, рѣчей, сочиненій, ученыхъ книгъ, произведеній искусствъ и сладкихъ пѣсень хвалы, — сдѣлалъ больше, чѣмъ все множество произведеній великихъ мужей древнихъ и новыхъ временъ. Рожденный въ ясляхъ, и какъ преступникъ распятый на крестѣ, Онъ двигаетъ теперь судьбами цивилизованнаго міра, и господствуетъ вадъ духовнымъ царствомъ, которое обнимаетъ третью часть обитателей земнаго шара. Никогда въ этомъ мірѣ жизнь не была такъ безпритязательна, скромна и проста по своей внѣшней сторонѣ и формѣ, и такъ богата по послѣдствіямъ для всѣхъ временъ, націй и классовъ людей. Исторія не знаетъ другаго примѣра такого полного и удивительнаго успѣха, не смотря на недостатокъ всякаго рода матеріальныхъ, соціальныхъ, литературныхъ и артистическихъ вспомогательныхъ средствъ и вліяній, которыя для достиженія успѣха необходимы обыкновенному человѣку. Съ этой стороны Христосъ

стоит также особнякомъ между героями исторіи, и представляется намъ неразрѣшимую загадкою; если мы не захотимъ допустить, что Онъ былъ болѣе, чѣмъ человѣкъ и именно, что Онъ былъ вѣчный Сынъ Божій.

Мы попытаемся теперь изобразить личный или нравственный и религиозный характеръ Христа, какимъ Онъ представляется въ евангельскихъ извѣстіяхъ въ періодъ Его общественной жизни, и затѣмъ обратимъ вниманіе на собственные свидѣтельства Христа о самомъ Себѣ,—на свидѣтельства, которыя даютъ намъ убѣдительное и единственно разумное рѣшеніе великой проблемы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Безгрѣшность Иисуса.

Первое впечатлѣніе, какое производитъ на насъ жизнь Иисуса, это—совершенная невинность и безгрѣшность Его среди погрязшаго во грѣхахъ міра. Онъ и только одинъ Онъ сохранилъ безпорочную чистоту дѣтства, юность и возмужалость незапятнанными. Поэтому символы—агнецъ и голубь—самые приличные Его символы.

Христось, безъ сомнѣнія, подвергался искушеніямъ, также какъ и мы, но Онъ никогда не былъ побѣжденъ искушеніемъ²¹⁾. Его безгрѣшность была прежде всего *относительная* безгрѣшность Адама до паденія: отсюда и необходимость испытаній и искушеній, и самая возможность паденія. Еслибъ Онъ съ самаго начала былъ одаренъ абсолютною неспособностью грѣшить, то не могъ бы быть истиннымъ человѣкомъ, и по этому самому не могъ бы быть образцомъ для нашего подражанія; Его святость не была бы Его собственною, личною заслугою, а случайнымъ, внѣшнимъ даромъ, и Его искушенія были бы обманчивымъ призракомъ. Какъ истинный человѣкъ, Христось долженъ былъ сдѣлаться существомъ нравственно-свободнымъ

и нравственно-отвѣтственнымъ; но свобода предполагаетъ способность выбора между добромъ и зломъ, предполагаетъ также и возможность какъ исполненія, такъ и неисполненія заповѣдей Божіихъ. Однако, съ одной уже этой стороны представляется огромное коренное различіе между первымъ и вторымъ Адамомъ: первый лишился своей невинности чрезъ злоупотребленіе свободою, и чрезъ свое непослушаніе подвергся печальной необходимости грѣха; второй же Адамъ среди грѣховъ былъ и остался невиннымъ, не смотря на всѣ искушенія. Такимъ образомъ *относительная безгрѣшность Христа, чрезъ Его собственное, личное нравственное дѣло, или чрезъ правильное употребленіе свободы, чрезъ совершенное, активное и пассивное повиновеніе Богу, постепенно болѣе и болѣе дѣлалась абсолютною. Другими словами: первоначальная возможность не грѣшить* ²²⁾, заключающая въ себѣ возможность грѣха, но исключаяющая его дѣйствительность, развилась во Христѣ *до невозможности грѣшить* ²³⁾,—до невозможности, которая грѣшить не *можетъ*, потому что не *хочетъ*. Это есть самая высшая степень свободы, гдѣ она дѣлается тождественною съ нравственною необходимостью или абсолютнымъ и постояннымъ, непремѣннымъ самоопредѣленіемъ къ добру. Свобода на этой степени есть свобода Бога и святыхъ на небѣ, съ тѣмъ различіемъ, что святые достигаютъ такого состоянія свободы чрезъ освобожденіе и избавленіе отъ узъ грѣха и смерти, тогда какъ Христосъ приобрѣлъ его своими собственными заслугами ²⁴⁾.

Во всей земной жизни Иисуса, какъ объ ней разсказывается, мы напрасно стали бы усиливаться отыскать хоть единственное пятно или даже едва замѣтную тѣнь, омрачающую нравственный Его характеръ. Никогда на землѣ ни одинъ человѣкъ не жилъ такъ невинно, спокойно, какъ жилъ Христосъ. Онъ никому не оказалъ несправедливости и ни одному человѣку не причинилъ вреда. Никогда Онъ не произнесъ неприличнаго слова, и никогда не сдѣлалъ дурнаго дѣла. Одинаковое господство надъ дѣлами, мнѣніями, радостями и страданіями міра, и безпристрастное отношеніе къ богатствамъ,

ви́шнему блеску, сла́вѣ и наслажде́нїямъ чело́вѣскимъ мы постоянно находимъ въ теченіе всей Его земной жизни. «Ни одинъ извѣстный порокъ не можетъ быть представленъ даже въ самомъ отдаленнѣйшемъ соглашеніи съ мыслию Іисуса Христа. Самая утонченная злоба напрасно будетъ искать самыхъ слабыхъ слѣдовъ эгоизма въ Его побужденїяхъ; предъ Его небесной чистотой чувственность съ трепетомъ отступаетъ пристыженная; ложь должна оставить незапятнаннымъ Того, Кто самъ воплощенная истина; неправда должна потерять свою силу, встрѣтившись съ Его безошибочною справедливостію; одна только возможность скряжничества и корыстолюбія уничтожается предъ Его благостію и любовію; самая обыкновенная мысль честолюбія исчезаетъ въ Его божественной мудрости и самоотверженіи» ²⁵).

Единственное возраженіе противъ свободы Христа отъ чело́вѣческихъ недостатковъ опирается на извѣстномъ фактѣ негодованія Его при изгнаніи профановъ-торговцевъ изъ храма,—единственное возраженіе, которое можетъ быть выведено изъ извѣстій о Его земной жизни. Но уже одно впечатлѣніе, какое производитъ на насъ упомянутый фактъ, показываетъ, что это явленіе далеко не было слѣдствіемъ страстной вспыльчивости, а напротивъ, негодованіе Христа было законнымъ дѣломъ Лица въ высшей степени религіознаго, который съ справедливою и святою ревностію оберегалъ и защищалъ честь храма Господня. Это было явленіе не слабости, но достоинства и величія, предъ которымъ осквернители чистоты храма, несмотря на свое численное превосходство и физическую силу, тотчасъ должны были замолчать и безропотно снести заслуженное наказаніе, исполнившись священнаго ужаса предъ очевидною сверхчело́вѣческою силою. Еще менѣе можно воспользоваться, какъ возраженіемъ противъ свободы Христа отъ чело́вѣческихъ недостатковъ, проклятіемъ бесплодной смоковницы, потому что оно наглядно, знаменательнымъ символическимъ дѣйствіемъ, выражало состояніе нераскаянныхъ іудеевъ, и страшный приговоръ осужденія ихъ. Да, оба эти факта сдѣлаются совершенно ясными и понятными только тогда, когда

мы допустимъ присутствіе Бога во Христѣ, потому что они представляютъ Христа, какъ Господа храма, и какъ Владыку творенія.

Совершенная невинность Иисуса основывается между прочимъ не только отрицательно, на отсутствіи какихъ-бы то ни было свидѣтельствъ о его грѣховности, выразившейся въ словахъ, или дѣлахъ его, и не только на абсолютной свободѣ отъ малѣйшихъ признаковъ эгоизма и земнаго чувства, но также положительно на единодушномъ свидѣтельствѣ Іоанна крестителя и апостоловъ, которые въ глубочайшемъ благоговѣннѣи преклоняются предъ величіемъ Его характера, и объявляютъ Его «праведнымъ, святымъ и безгрѣшнымъ» ²⁶). Объ этомъ же еще яснѣ засвидѣтельствовали самые враги Христа. Языческій судья Пилать и его жена, представители римскаго права и законовъ, дрожать отъ страха, и умываютъ руки, чтобы очиститься отъ невинной крови. Грубый, невѣжественный римскій сотникъ, отъ имени безучастныхъ зрителей, при крестѣ исповѣдуетъ: «во истину Онъ былъ Сынъ Божій». Даже Іуда, непосредственный свидѣтель всей общественной и домашней жизни Христа, воскликнулъ въ отчаяніи: «я сдѣлалъ дурно, предавъ кровь невинную» ²⁷). Наконецъ, безмолвная природа въ таинственной симпатіи является свидѣтельницей: небо съ своимъ мракомъ и земля съ своимъ колебаніемъ соединяются, и безсознательно приносятъ отъ себя дань божественной чистотѣ своего умирающаго Владыки.

Возраженіе, что евангелисты или самыя происшествія передаютъ не во всей полнотѣ, или худо поняли характеръ Христа, лишено всякаго значенія, потому что, помимо евангельскихъ свидѣтельствъ, мы имѣемъ собственныя, личныя увѣренія Иисуса о Его полной свободѣ отъ грѣха и неправды,— обстоятельство, которое даетъ намъ возможность сдѣлать выборъ между абсолютною нравственною чистотою и абсолютнымъ лицемѣріемъ, которое мы должны считать или величайшимъ чудомъ или величайшею нравственною чудовищностью, когда-нибудь слышанною.

Уже тотъ фактъ, что Христосъ пришелъ на землю съ цѣ-

люю спасти грѣшниковъ и сдѣлать ихъ блаженными, говорить, что онъ лично былъ безгрѣшенъ, и Самъ не нуждался въ спасеніи. Отсюда понятно то впечатлѣніе, какое производятъ на насъ вся жизнь и поведеніе Его. Онъ ни въ чемъ не выказываетъ ни малѣйшей заботы о своемъ собственномъ спасеніи; Онъ всегда сознаетъ себя въ неразрывномъ единеніи съ своимъ небеснымъ Отцомъ. Въ то время, когда Онъ такъ торжественно и такъ внушительно призываетъ всѣхъ другихъ къ покаянію, Самъ Онъ не нуждается ни въ какомъ обращеніи и возрожденіи, но только въ правильномъ гармоническомъ развитіи своихъ нравственныхъ силъ. Въ то время когда Онъ всѣмъ своимъ послѣдователямъ заповѣдуетъ въ пятую прошеніи своей образцовой молитвы каждодневно, какъ о насущномъ хлѣбѣ, молиться о прощеніи своихъ грѣховъ, Самъ Онъ никогда не проситъ о милости и прощеніи, кромѣ прощенія другихъ, и вмѣсто того, по праву, одинъ только между всѣми человѣческими дѣтьми получаетъ власть прощать другимъ грѣхи. Въ то время когда Онъ свободно обращается съ грѣшниками, Онъ всегда обращается съ любовію и въ интересахъ Спасителя грѣшниковъ.

Что такимъ образомъ Христосъ всегда поступалъ во всѣхъ случаяхъ, это съ неоспоримою несомнѣнностью подтверждается исторіей, хотя объяснять такое явленіе могутъ, какъ хотятъ. Но чтобы устранить всякое сомнѣніе, мы укажемъ на твердый и безбоязненный вызовъ Христа къ самымъ отъявленнымъ Его врагамъ: «кто изъ васъ можетъ обличить Меня во грѣхѣ?»²⁸⁾. Этотъ вопросъ, на который даже до настоящей минуты не слышалось никакого отвѣта, ясно и вразумительно дѣлаетъ Его непричастнымъ всеобщей винѣ и грѣху нашего рода. Въ устахъ всякаго другаго человѣка такой вопросъ, безъ сомнѣнія, обнаружилъ бы или самое глубокое лицемѣріе, или такое самообольщеніе, которое граничитъ съ сумасшествіемъ; онъ уничтожилъ бы основаніе всякой человѣческой чести; между тѣмъ изъ устъ Иисуса мы принимаемъ его инстинктивно, какъ самозащитное Одно, Который стоялъ несоизмѣримо выше надъ возможностью успѣшнаго обвиненія или основательнаго подозрѣнія.

Мы не можемъ допустить, чтобы Христось былъ грѣшникъ, и сознавалъ себя такимъ, хотя и утверждалъ противное, и въ тоже время производилъ на своихъ друзей и враговъ впечатлѣніе незапятнанной невинности. А если бы мы допустили, то это было бы колоссальнѣйшимъ съ Его стороны обманомъ, какой только можетъ быть выдуманъ. «Если бы І. Христось былъ грѣшникъ, то Онъ также, какъ и всякій грѣшникъ, сознавался бы во грѣхѣ, въ противномъ случаѣ Онъ былъ бы лицемѣръ, насквозь пронизанный притворствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ выказалъ бы Онъ такъ много божественной красоты въ своемъ характерѣ, сохранилъ бы блескъ ненарушенной гармоніи и небеснаго величія въ Себѣ, когда Ему пришлось бы дѣлать все съ смущеннымъ духомъ и съ сердцемъ, испорченнымъ постояннымъ обманомъ, призракомъ добродѣтели?! Такой примѣръ успѣшнаго лицемѣрія самъ по себѣ сдѣлался бы величайшимъ чудомъ, о которомъ когда-нибудь слышалъ міръ» ²⁹).

Такимъ образомъ, если мы цѣнимъ не только самую миссію Христа и соотвѣтствующее важности ея Его поведеніе, но также если уважаемъ ясныя, вразумительныя Его объясненія, для насъ будетъ неоспоримымъ фактомъ то обстоятельство, что Христось *сознавалъ* себя свободнымъ отъ грѣха и вины. А единственное разумное объясненіе этого факта заключается въ томъ, что Христось совсѣмъ *не былъ* грѣшникъ, съ чѣмъ весьма охотно соглашаются величайшіе богословы, даже такіе, которые не претендуютъ на славу ортодоксіи ³⁰). Но это сознаніе указываетъ далѣе и на то, что между Христомъ и другими людьми было не только степенное, но и качественное различіе. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, какъ и слѣдуетъ (вопреки пантеистическому взгляду на необходимость грѣха), что человѣческая природа способна къ безгрѣшности, что она на самомъ дѣлѣ была безгрѣшна до паденія, и что наконецъ опять сдѣлалась безгрѣшною чрезъ спасеніе во Христѣ: и тогда мы несомнѣнно должны будемъ признать, что человѣческая природа въ *настоящемъ* своемъ состояніи не безгрѣшна, и никогда не была такою со времени паденія,

исключая одного только Иисуса Христа. А поэтому, безгрѣшность Христа можетъ быть объяснена только на основаніи такого сверхъестественнаго обитанія въ Немъ Бога, какого ни до Него, ни послѣ Него ни въ какомъ другомъ человѣческомъ существѣ нельзя найти.

Библия, совѣсть и ежедневный опытъ жизни вполне единодушно свидѣтельствуетъ о всеобщности грѣха. Этотъ фактъ составляетъ глубокую и темную тайну нашего бытія, камень преткновенія для разума, проблему проблемъ, печальный источникъ всѣхъ бѣдъ и всѣхъ болѣзней. Литература всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ исполнена жалобъ на эту ужаснѣйшую и самую неумолимую дѣйствительность. Языческіе философы, историки и поэты признаютъ ее въ самыхъ мѣткихъ и сильныхъ выраженіяхъ. «Злая страсти, говоритъ Плутархъ, врождены человѣку, а не принесены къ нему извнѣ, и еслибъ не подоспѣло къ намъ на помощь строгое воспитаніе, то человѣка труднѣе было бы обуздать, чѣмъ самага дикаго звѣря». Извѣстны стихи римскаго поэта:

«Video meliora proboque, deteriora sequor», и
«Nitimur in vetitum semper cupimusque negata».

Это грустное, добытое опытомъ, свидѣтельство совѣсти и опыта язычниковъ о нравственной борьбѣ между небомъ и адомъ всегда находило себѣ откликъ въ груди каждаго (Римл. 7 гл.). Что же касается фактическаго состоянія нравовъ во время Христа и апостоловъ, то Сенека, Тацитъ, Персіій, Ювеналъ представляютъ намъ самыя безотрадныя извѣстія, и такимъ образомъ совершенно подтверждаютъ ту мрачную картину, какую изобразилъ Св. ап. Павелъ въ первой главѣ своего посланія къ римлянамъ. «Всюду видишь преступленія и пороки, говоритъ Сенека; они являются открыто и не маскируясь; безбожіе царитъ во всѣхъ сердцахъ, и невинность сдѣлалась не только рѣдкостью, но совершенно исчезла». Маркъ Аврелій, стоическій философъ на престолѣ и гонитель христіанъ, жалуется, что «вѣрность, честность, правда и истина далеко оставили за собой міръ, и обратились на небо». Когда

мы имѣемъ предъ собой это свидѣтельство языческихъ мудрецовъ, то что должны сказать мы—христіане, у которыхъ сознание грѣха и виновности изощрается по мѣрѣ нашего пониманія святости Божіей, и опытнаго убѣжденія въ милосердіи Божіемъ. Поэтому весь христіанскій міръ, греки, латиняне и протестанты согласны съ ученіемъ св. Писанія о всеобщей порчѣ человѣческой природы со времени паденія перваго Адама. Поэтому-то и новый, противный Писанію, догматъ римской церкви о свободѣ Пресвятой Дѣвы Маріи отъ первороднаго грѣха не можетъ быть принятъ здѣсь даже какъ исключеніе; потому что ея безгрѣшность въ папскомъ опредѣленіи 1854 г. объясняется чудеснымъ вмѣшательствомъ божественной благодати, и вездѣ дѣйствующимъ вліяніемъ заслугъ ея божественнаго Сына. Не найдется ни одного человѣка, который не упрекнулъ бы себя въ какихъ-нибудь недостаткахъ и погрѣшностяхъ. Только чрезъ сознание своей грѣховности человѣкъ можетъ вполнѣ познать себя и идти по пути добродѣтели и благочестія. Нѣтъ ни одного святаго, который не испыталъ бы новаго рожденія свыше и дѣйствительнаго обращенія отъ грѣха къ святости, и который не чувствовалъ бы ежедневно необходимости покаянія и божественной благодати. Дѣйствительно, величайшіе между святыми, какъ напр. св. ап. Павелъ и блаженный Августинъ, должны были вынести самую упорную борьбу съ грѣхомъ, и испытать радикальный переворотъ. Какъ вся ихъ теологическая система, такъ и религіозная жизнь ихъ основывались на глубокопрочувствованной противоположности между грѣхомъ и благодатію.

Одинъ только Христосъ представляетъ единственное и абсолютное исключеніе изъ всеобщаго правила. Онъ думаетъ какъ человѣкъ, чувствуетъ какъ человѣкъ, говоритъ, дѣйствуетъ, страдаетъ и умираетъ какъ человѣкъ; окруженный грѣхами со всѣхъ сторонъ, Онъ проникается самымъ тончайшимъ чувствомъ въ отношеніи къ грѣху и глубочайшимъ состраданіемъ къ грѣшникамъ; общественное Свое служеніе начинается воззваніемъ: «покайтесь; ибо приблизилось царствіе

небесное» (Матѣ. 4, 17). Не смотря на это, Его не коснулась скверна мірская; Онъ ни разу не былъ въ состояніи грѣшника: никогда не изливаетъ слезъ покаянія, никогда не раскаивается ни въ мысли, ни въ словѣ, ни въ поступкѣ; ни разу не нуждается въ божественномъ прощеніи, и никогда объ немъ не просить, а предлагаетъ вопросъ: «кто можетъ обличить Меня во грѣхѣ» всѣмъ своимъ настоящимъ и будущимъ врагамъ смѣло, увѣренный въ незапятнанности своей абсолютной чистоты предъ Богомъ и людьми. Въмѣсто всего этого Онъ живетъ въ неограниченномъ солнечномъ свѣтѣ единенія съ своимъ небеснымъ Отцомъ, своимъ именемъ прощаетъ грѣхи, страдаетъ и умираетъ какъ чистая жертва за грѣшный человѣческій родъ, и въ виду смерти провозглашаетъ Себя Судьей міра!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Совершенная святость Иисуса.

Безгрѣшный Спаситель среди міра, исполненнаго грѣховъ, представляетъ удивительный фактъ, высокое нравственное чудо въ исторіи. Но эта свобода отъ всеобщей вины и грѣха человѣческаго рода представляетъ однако только отрицательную сторону Его характера, который возвысится еще больше, когда мы рассмотримъ также и положительную его сторону, именно — абсолютное нравственное и религіозное Его совершенство.

Всѣ вообще, даже деисты и рачіоналисты всѣхъ отѣнковъ согласны въ томъ, что Христосъ преподавалъ самую чистую и самую превосходную систему нравственнаго ученія, — систему, которая далеко оставляетъ за собою въ тѣни всѣ нравственныя предписанія и правила лучшихъ и мудрѣйшихъ мужей древности. Одна уже нагорная проповѣдь запечатлѣна безконечно большими достоинствами, чѣмъ все, что объ обя-

занностяхъ и добродѣтели сказали и написали Конфуцій, Сократъ и Сенека.

Но различіе сдѣлается еще рѣзче, когда мы станемъ разсматривать практику и жизнь. Всѣ системы нравственной философіи, взятая вмѣстѣ, не въ состояніи были бы обновить міръ. Слова ничего не значутъ, когда они не подкрѣпляются и не оправдываются дѣлами. Святая жизнь гораздо сильнѣе располагаетъ къ добру, чѣмъ прекраснѣйшія нравственныя правила и сочиненія. И съ этой стороны различіе между Иисусомъ и знаменитыми мудрецами такъ радикально и важно, что всякое сравненіе даже невысказуемо. Цицеронъ, при всемъ своемъ безграничномъ тщеславіи, все таки одинъ изъ благороднѣйшихъ и достойнѣйшихъ людей между древними римскими характерами, признается, что онъ никогда въ своей жизни не встрѣтилъ совершеннаго мудреца, и что философія только указываетъ намъ, какимъ онъ долженъ быть, если явится когда-нибудь на землѣ. Извѣстно, что мудрѣйшіе мужи Греціи и Рима одобряли рабство, деспотизмъ, месть, дѣтубійство или подбрасываніе дѣтей, многобрачіе и конкубинатство и еще худшіе пороки, или, какъ корыстолюбивый и продажный Сенека, своею жизнію обличали во лжи проповѣдуемую ими чистую мораль ²¹). Даже величайшіе ветхозавѣтные праведники, не лишеныя помощи божественной благодати, не возвышались надъ погрѣшностями, и нѣкоторые изъ нихъ запятнали себя челоуѣкоубійствомъ и прелюбодѣніемъ. Можно смѣло утверждать, что благочестивѣйшіе и лучшіе люди, даже между христіанами, въ своей жизни никогда, даже по собственному несовершенному масштабу, не достигали совершенства.

А Христосъ? Его жизнь и поведеніе были совершеннымъ осуществленіемъ Его ученія. Онъ *былъ* тѣмъ и *дѣлалъ* то, чему училъ. Онъ проповѣдывалъ свою собственную жизнь, и жилъ по своей проповѣди. Онъ есть живое воплощеніе идеальной полноты добродѣтели и святости, и долженъ быть признанъ высочайшимъ образцомъ и примѣромъ для всего, что вообще и чисто, и хорошо, и благородно въ глазахъ Бога и

людей. Съ этимъ должны согласиться даже невѣрующіе. «Христось соединилъ въ себѣ», сказалъ покойный Теодоръ Паркеръ, этотъ американскій Штраусъ, «высочайшія правила и божественную жизнь, и такимъ образомъ осуществилъ собою сновидѣнія пророковъ и мудрецовъ, именно даже болѣе этого: Онъ свободно возвышается надъ всѣми предрасудками своего времени, народа и его сектъ; въ своей груди Онъ оставляетъ свободный путь Духу Божію; святой и истинный Онъ не заботится о законѣ; Самъ уважаемый какъ законъ, пренебрегаетъ и формами его, и жертвами, и священниками; Онъ сталкиваетъ въ сторону ученыхъ законниковъ со всею ихъ хитростію и усвоеннымъ авторитетомъ, и изливаетъ свое ученіе, чистое какъ свѣтъ, возвышенное какъ небо, и истинное какъ Богъ ³²⁾. И Ренанъ, такъ грубо исказившій жизнь и характеръ Исуса, сознается, что въ словѣ и дѣлѣ, въ ученіи и жизни Герой изъ Назарета «ни съ кѣмъ несравнимъ», и что эта слава останется за Нимъ вѣчно и всегда будетъ нова.

Мы находимъ Христа во всѣхъ обыкновенныхъ и существенныхъ отношеніяхъ жизни, какъ сына, брата, друга, гражданина, учителя, дома и въ собраніяхъ народа ³⁴⁾. Мы видимъ Его обращающимся со всѣми классами общества, съ грѣшниками и благочестивыми, съ бѣдными и богатыми, съ больными и здоровыми, съ маленькими дѣтьми и со взрослыми мужчинами и женщинами, съ неучеными рыбаками и съ образованными книжниками, съ презрѣнными мытарями и съ знатными, уважаемыми членами синедріона, и съ друзьями и врагами, и съ удивляющимися учениками и жестокими гонителями, то въ бесѣдѣ съ такимъ мужемъ, какъ Никодимъ, или съ самарянкою, то въ семейномъ кругу двѣнадцати, то въ толпѣ народа. Мы находимъ Его во всѣхъ положеніяхъ, въ синагогѣ и въ храмѣ, дома и въ путешествіи, въ деревняхъ и въ городѣ Иерусалимѣ, и на берегахъ галилейскаго моря, и на веселой свадьбѣ, и на печальной могилѣ; видимъ Его въ ужасной борьбѣ въ Геесиманіи, въ домѣ судьи, предъ первосвященниками, предъ грубыми солдатами и фанатической толпой и наконецъ въ жестокихъ крестныхъ мукахъ на Голгоѣ.

Во всѣхъ этихъ различныхъ отношеніяхъ, обстоятельствахъ и положеніяхъ, въ которыхъ находился Христосъ въ теченіе трехъ лѣтъ общественнаго своего служенія, Онъ вездѣ во всемъ и постоянно обнаруживаетъ одинъ и тотъ же характеръ, совершенно чуждый всякаго порока. Онъ исполнилъ всѣ обязанности по отношенію къ Богу, людямъ и самому себѣ, не нарушая ихъ ни въ чемъ, и представляется поэтому поступающимъ всегда согласно съ закономъ, по духу и буквѣ. Жизнь Христа есть непрерывное служеніе святой волѣ Божіей, — единственное великое дѣло совершеннѣйшей любви къ Богу и людямъ и личное самопожертвованіе ради славы Его небеснаго Отца и для спасенія падшаго человѣчества. Чѣмъ болѣе мы изучаемъ жизнь Христа, тѣмъ болѣе мы должны сказать языкомъ народа, крайне удивлявшагося Его дѣламъ: «Онъ все хорошо дѣлаетъ» ³⁵). Въ торжественной первосвященнической молитвѣ къ Своему небесному Отцу, въ минуту разлуки съ міромъ, Онъ могъ возвѣстить всему міру, что Онъ прославилъ Своего Отца, и совершилъ дѣло, которое Онъ ему далъ (Іоанн. 17, 4. 22).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Единство добродѣтели и благочестія въ Іисусѣ.

Что въ одномъ только, извѣстномъ намъ, совершенномъ характерѣ Христа тотчасъ приковываетъ наше вниманіе, такъ это—полное единство добродѣтели и благочестія, нравственности и религіозности или божественной и человѣческой любви. Христосъ болѣе, чѣмъ нравственъ, и болѣе, чѣмъ благочестивъ,—Онъ святъ въ собственномъ и полномъ смыслѣ слова. Въ Его характерѣ являются божественная красота и совершенство, простое разсмотрѣніе которыхъ представляетъ непорочность и чистоту, миръ и блаженство души.

Благочестіе было душею нравственности Христа, и поста-

вило Его высоко надъ сферой чистой легальности. Каждое нравственное дѣйствіе Христа имѣло у Него свою основную причину въ совершенной любви къ Богу, и своимъ предметомъ и цѣлью имѣло временное и вѣчное благо людей. Въ основаніи его характера лежало внутреннее, самое тѣсное и непрерывное единеніе и общеніе съ Его небеснымъ Отцомъ, отъ Котораго Онъ все производилъ, и къ Которому все относилъ. Уже на двѣнадцатомъ году своей жизни Іисусъ Христосъ находилъ свою жизнь и свою радость въ томъ, что принадлежитъ Его Отцу (Лук. 2, 49). Совершать дѣло и исполнять волю Того, который Его послалъ, было ежедневною Его пищею (Іоан. 4, 34; 5. 30). Къ нему Онъ возводилъ свой взоръ въ молитвѣ предъ началомъ každого важнаго дѣйствія, и своимъ учениковъ училъ той образцовой молитвѣ, которая по своей простотѣ и всеобъемлющей краткости, выражающей однако всѣ потребности человѣка, навсегда останется бесплодною. Онъ часто восходилъ на гору или иногда удалялся въ уединеніе за тѣмъ, чтобы помолиться, и этому высокому дѣлу отдавалъ дни и ночи. Его обыкновеніе обращаться съ Богомъ было такъ твердо и неизмѣнно, что Онъ оставался ему вѣренъ даже среди толпы народа, и самый городъ, съ его шумомъ и людскою толкотней, превращалъ въ религіозное пристанище. Въ жизни Христа рѣшительно не было ни одной минуты, въ которую бы Его покидала мысль о Богѣ. Даже и тогда, когда Онъ въ неописанныхъ страданіяхъ души и тѣла и искупительныхъ мученіяхъ изъ-за человѣческаго рода, воскликнулъ: «Боже Мой, Боже Мой, зачѣмъ Ты Меня оставилъ?»³⁶⁾, даже и тогда не разрывалась связь единенія съ Богомъ и не только не разрывалась, но и не сдѣлалась даже слабѣе, помрачившись, конечно на минуту, подобно тому, какъ помрачается солнце, когда заслоняется облакомъ; не прекращалось также ни обладаніе, ни наслажденіе этимъ единеніемъ, ни на одинъ моментъ не исчезая изъ Его чувства, потому что непосредственно за высказанными словами Онъ торжественно воскликнулъ: «совершилось!», и предалъ дужъ свой въ руки своего Отца. Это нравственное единеніе Христа

съ Богомъ въ каждую минуту Его жизни было такъ твердо и полно, что Онъ въ своемъ лицѣ поистинѣ реализировалъ идею религіи, цѣль которой заключается именно въ достиженіи такого единенія. Поэтому Онъ есть личный Представитель и живое воплощеніе христіанства, и истинной и абсолютной религіи.

При всемъ этомъ, благочестіе Христа состояло не въ бездѣятельномъ созерцаніи и въ отвлеченномъ отъ всего мірскаго мистицизмѣ и эгоистическомъ самоуслаженіи, но оно было именно практическое, всегда дѣятельное, всегда обращенное на возрожденіе и преобразование міра въ царство Божіе. «Онъ ходилъ всюду и дѣлалъ добро». Въ своей жизни Христосъ представляетъ непрерывный рядъ добрыхъ дѣлъ, вытекающихъ изъ того же самаго единенія съ Богомъ, одушевленныхъ одною и тою же любовію, и преслѣдующихъ одну и ту же цѣль: славу Божію и счастье людей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Всеобщность характера Иисуса.

Одна изъ дальнѣйшихъ чертъ въ характерѣ Христа, на который мы можемъ остановить свое вниманіе, это—его нравственная и религіозная всеобщность и всеобъемлющая полнота. Тогда какъ всѣ другіе люди, даже самые лучшіе изъ нихъ, содѣйствуютъ развитію только одной и притомъ далеко неполной идеи добраго и святаго, Христосъ совершенствуетъ все, что можетъ быть названо великимъ и добродѣтельнымъ. Его душа—это прекрасный нравственный рай, полный плѣнительныхъ цвѣтовъ, блистающихъ всевозможными красками подъ лазуревымъ небосклономъ, — цвѣтовъ, которые пьютъ освѣжительную росу свыше и горячіе лучи солнца, распространяють вокругъ себя упоительно — сладостное благоуханіе, и душу созерцателя наполняютъ блаженною радостью.

Исторія представляетъ намъ много мужей вліятельнаго и замѣчательнаго ума, мужей, которые стояли во главѣ своего времени и своей націи, и доставляли матеріалъ для умственной работы цѣлыхъ поколѣній и періодовъ до тѣхъ поръ, пока самихъ ихъ не смѣняютъ другіе великіе люди и не начнется новая эпоха развитія. Какъ источники обыкновенно вытекаютъ изъ горныхъ возвышенностей, такъ и знаніе и нравственная сила рождаются и питаются на высотѣ человѣчества. Авраамъ, Отецъ вѣрующихъ, Моисей, законодатель еврейской теократіи; Ілія между пророками, Петръ, Павелъ и Іоаннъ между апостолами; Аѳанасій и Златоустъ между греческими, Августинъ и Іеронимъ между латинскими отцами; Ансельмъ и Тома Аквилать между схоластиками, Левъ I и Григорій VII между папами; Лютеръ и Кальвинъ между реформаторами и протестантскими богословами; Сократъ, патріархъ древнихъ философскихъ школъ; Гомеръ, Данте, Шекспиръ и Мильтонъ, Гете и Шиллеръ въ исторіи поэзіи различныхъ народовъ, къ которымъ они принадлежатъ; Рафаэль между живописцами; Карлъ великій, первый и величайшій въ длинномъ ряду нѣмецкихъ императоровъ; Наполеонъ, стоящій во главѣ генераловъ своей школы; Вашингтонъ, первый по уму и нравственнымъ достоинствамъ между президентами Америки, чистѣйшій и благороднѣйшій типъ американскаго характера, — все это лица, которыя могутъ быть указаны, какъ примѣры тѣхъ героевъ въ исторіи, которые служатъ представителями силы и могущества цѣлыхъ генерацій, выразителями и центрами ихъ. Но всѣ эти характеры представляются вліяющими только на одну, извѣстную часть человѣчества, но не на весь человѣческій родъ; они принадлежатъ одному какому-нибудь особенному, извѣстному народу и времени, и принимаютъ участіе въ заблужденіяхъ, предразсудкахъ и погрѣшностяхъ своего времени и своего народа почти всегда въ такой же мѣрѣ, въ какой представляютъ ихъ добродѣтели и преимущества. Моисей, глубоко почитаемый вѣрующими трехъ религій, былъ еврей по своимъ взглядамъ, чувствамъ, праву и обычаямъ, какъ равно и по своему происхожденію; Сократъ никогда не воз-

высидя надъ греческими типическими характерами; Лютеръ былъ нѣмецъ, представлявшій во всѣхъ своихъ достоинствахъ и недостаткахъ силу и слабости нѣмца, и только какъ нѣмецъ можетъ быть вѣрно понятъ, и справедливо оцѣненъ; Кальвинъ, и изгнанный изъ отечества, остается французомъ; Вашингтонъ ни для одного изъ другихъ народовъ на землѣ не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для американцевъ. Вліяніе этихъ великихъ людей можетъ также, какъ это дѣйствительно случается, распространиться далеко за предѣлы ихъ націи; но никогда однако они не могутъ сдѣлаться всеобщими образцами для подражанія. Мы разсматриваемъ ихъ какъ людей необыкновенныхъ; но въ тоже время мы видимъ въ нихъ и людей, подчиненныхъ заблужденіямъ,—людей несовершенныхъ, слѣдовать которымъ во всѣхъ отношеніяхъ было бы очень опасно. Очень часто недостатки и пороки великихъ людей стоятъ въ такомъ же отношеніи къ ихъ достоинствамъ и силѣ, въ какомъ большія тѣла находятся къ своимъ тѣнямъ. Даже три главы апостоловъ *) дѣлаются образцами добродѣтели и благочестія только въ той мѣрѣ, въ какой отражаютъ въ себѣ образъ своего божественнаго Учителя, и только съ этимъ поучительнымъ ограниченіемъ убѣждаетъ св. Павелъ своихъ духовныхъ дѣтей: «подражайте мнѣ, какъ я подражаю Христу» ³⁷).

Чѣмъ эти великіе мужи были для извѣстнаго времени или народа, тѣмъ былъ Христосъ для всего человѣческаго рода въ его отношеніи къ Богу. Онъ и одинъ только Онъ имѣетъ полное право назваться всеобщимъ образцомъ для всеобщаго подражанія во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому, Онъ могъ по всей справедливости отзывать всѣхъ людей отъ мірской суетности, и предлагать имъ все оставить и слѣдовать за Нимъ ³⁸). Онъ не ограничивается предѣлами времени, школы, секты, народа и расы. Конечно Онъ былъ еврей по плоти, одѣвался въ одежду еврейскаго раввина, а не въ одежду греческаго философа и, безъ сомнѣнія, приноравливался къ іудейскимъ

*) Авторъ разумѣетъ Петра, Іоанна и Павла.

обычаямъ жизни. Но это представляетъ только вѣшнюю Его сторону; когда же мы разсматриваемъ внутренняго человѣка— Христа, Его мысли и дѣйствія, то находимъ, что въ Немъ онѣ имѣютъ всеобщее значеніе и цѣну. Нельзя открыть въ Немъ ничего іудейскаго, ничего исключительнаго и чего-нибудь отталкивающаго. Особенное и національное всегда у Него подчинялось самымъ гармоничнымъ образомъ всеобщему и человѣческому. Еще менѣе позволяетъ Онъ отождествить Себя съ какою-нибудь партіей или сектой. Одинаково далеки Онъ былъ какъ отъ суроваго, леденящаго формализма фарисейскаго, такъ и отъ разнузданнаго либерализма саддукейскаго и квіетистическаго мистицизма ессейскаго. Онъ стоялъ выше всѣхъ предразсудковъ, ханжества и суевѣрій своего времени и своего народа, возвышался надъ силами, которыя во всякомъ другомъ случаѣ имѣютъ неотразимое вліяніе, и налагаютъ свои оковы даже на сильнѣйшіе и во всемъ другомъ свободнѣйшіе умы.

Вспомнимъ о свободѣ Христа въ дѣлахъ соблюденія субботы, о свободѣ, которая привела въ ужасъ кропотливыхъ книжниковъ, тогда какъ Онъ, Господь субботы, исполнялъ истинный смыслъ и духъ закона въ его всеобщемъ и вѣчномъ значеніи ³⁹⁾; приведемъ себѣ на память отвѣтъ, который Онъ далъ своимъ ученикамъ, когда они несчастіе слѣпца приписывали особенно тяжкимъ собственнымъ его грѣхамъ или грѣхамъ его родителей ⁴⁰⁾; вспомнимъ откровенное и благородное отношеніе Его къ самарянамъ, сравнимъ Его съ закоренѣлою ненавистью и предубѣжденіями противъ нихъ іудеевъ Его времени, отъ которыхъ не были свободны даже Его ученики ⁴¹⁾; и наконецъ, вспомнимъ любвеобильное Его сужденіе о галилеянахъ, кровь которыхъ Пилать смѣшавъ съ ихъ жертвами, и о тѣхъ восемнадцати, на которыхъ упала силоамская башня и покрыла ихъ своими развалинами (Лук. 13, 1—4). «Думаете ли вы, что эти галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали? Или, думаете ли, что тѣ восемнадцать человѣкъ, на которыхъ упала башня силоамская и побила ихъ, виновнѣе были всѣхъ, живущихъ въ Іеруса-

лимъ? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ также погибнете». Единственное возраженіе противъ свободы Христа отъ народныхъ заблужденій и суевѣрій, которое рационалисты съ нѣкоторою степенью правдоподобія находятъ возможнымъ представить предъ форумъ скептическаго духа времени, основывается на вѣрѣ Христа въ дьяволовъ и демоновъ. Допустимъ, что они хотятъ представить такую вѣру неразумною; но постоянный опытъ опровергаетъ ихъ положеніе: тогда какъ они освобождаются отъ *одного* діавола, они не могутъ отвергать существованія *многихъ* діаволовъ въ образѣ чело-вѣческомъ, и должны сдѣлаться еще темнѣе въ своихъ сужденіяхъ, потому что далеко неразумнѣе вѣрить въ прочность продолжительнаго существованія хаотическаго, пустаго броженія умовъ злыхъ людей и разрушительныхъ принциповъ, чѣмъ вѣрить въ организованное царство злыхъ духовъ съ начальникомъ во главѣ ихъ.

Какъ пирамиды возвышаются надъ равнинами Египта, такъ Христосъ возвышается надъ всѣми человѣческими учителями; основателями религій и сектъ. Онъ, на языкѣ Ренана, «человѣкъ одинъ изъ колоссальныхъ»; мы можемъ правильнѣй сказать: «безконечно—несравнимый». Онъ находилъ учениковъ и поклонниковъ между іудеями, хотя и не принадлежалъ ни къ одной изъ іудейскихъ сектъ, и не увлекался іудейскими преданіями; Онъ находилъ обожателей между греками, хотя и не проповѣдывалъ никакой новой философской системы, между римлянами, хотя Онъ и не одержалъ ни одного сраженія и никакого царства не основалъ, между индѣйцами, которые презираютъ всѣхъ людей изъ низкихъ кастъ, между черными дикарями Африки и краснокожими американцами—также успѣшно и легко, какъ и между цивилизованными націями новѣйшихъ временъ всѣхъ странъ свѣта. Всѣ Его слова и всѣ дѣла, не смотря на то, что постоянно вызывались извѣстными случаями, заключаютъ въ себѣ неизмѣнную, не убывающую силу и примѣнимость для всѣхъ временъ и народовъ. Христосъ—это одинъ и тотъ же ни съ кѣмъ несравнимый и неподоб-

ный образец всякой добродѣтели для христіанъ всѣхъ временъ, всѣхъ климатовъ, всѣхъ сектъ, всѣхъ народовъ и расъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Гармоническое единство во Христѣ всѣхъ добродѣтелей.

Было бы большою ошибкою, если бы мы захотѣли допустить, что такому характеру, какой мы рассматриваемъ, можно сообщить удовлетворительную полноту посредствомъ полнаго перечня его добродѣтелей. Въ характерѣ Христа мы находимъ не только полноту, но гораздо больше: мы находимъ въ немъ прекрасную симметрію и совершенную гармонію всѣхъ добродѣтелей, чѣмъ Христосъ специфически отличается отъ всѣхъ другихъ людей. Эта черта заканчиваетъ возвышенную картину святости и величія, которая представляется нашему наблюденію. Эта черта съ особенною силою поражала всѣхъ знаменитыхъ мужей, которые когда-нибудь писали объ этомъ предметѣ ⁴²⁾.

Христосъ былъ свободенъ отъ всякой односторонности, которая обнаруживаетъ силу и слабости великихъ людей. Онъ не былъ мужъ *одной* какой-нибудь идеи или добродѣтели, господствующихъ надъ всѣми другими. Нравственныя силы у Него такъ хорошо были уравновѣшены и такъ соразмѣрились одна съ другою, что ни одна изъ нихъ не возвышалась съ особенною силою надъ другою, ни одна не переходила въ крайность, ни одна не ослабѣвала и не уменьшалась отъ недостатка другихъ. Каждая сила ограничивалась противоположнымъ величіемъ, и потому каждая изъ нихъ была свободна отъ крайностей. Характеръ Христа никогда не терялъ соразмѣрности и равновѣсія, и никогда поэтому не могъ быть неровнымъ. Онъ были совершенно и постоянно одинъ и тотъ же отъ начала до конца.

О темпераментѣ Христа ничего нельзя сказать удовлетворительно. Онъ не былъ ни сангвиникъ, какъ Петръ, ни холерикъ, какъ Павелъ, ни меланхоликъ, какъ Іоаннъ, ни флегматикъ, какимъ иногда считаютъ, хотя и несправедливо, Іакова; но въ темпераментѣ Христа соединялись: живость и впечатлительность сангвиника, но съ отсутствіемъ легкомыслія, сила холерика, безъ его запальчивости, твердость и важность безъ мрачной жолчности меланхолика, спокойствіе безъ тупаго равнодушія и вялости флегматика.

Христось одинаковъ былъ далекъ отъ крайностей легалиста, пѣтиста, аскета и энтузіаста. При самомъ строгомъ подчиненіи закону, Онъ не терялъ свободы; при всемъ жарѣ энтузіаста, Онъ былъ постоянно спокоенъ, трезвъ, воздержанъ и всегда владѣлъ собою; не смотря на свое полное и рѣшительное возвышеніе надъ предметами этого міра, Онъ обращался свободно, непринужденно и откровенно съ людьми, мужчинами и женщинами; ѣлъ съ мытарями и грѣшниками, принималъ участіе въ свадебномъ пиршествѣ, проливалъ слезы на могилѣ, любовался дѣлами рукъ Божіихъ въ природѣ, восхищался красотой лиліи, и занятіями сельскаго хозяйства пользовался для нагляднаго объясненія возвышеннѣйшихъ истинъ царства Божія. Его добродѣтель трезвѣ, тверда и сильна, и при всемъ томъ добродушно-общительна и истинно-человѣчна; никогда она не была мрачною и отталкивающею, всегда находилась въ полной симпатіи съ невинною радостью и веселіемъ. Онъ, чистѣйшій и святѣйшій изъ всѣхъ людей, претворяетъ воду въ вино на свадьбѣ, блуднаго сына позволяетъ встрѣтить въ домѣ отца съ откормленнымъ телянкомъ и съ пѣніемъ, и возбуждаетъ язвительные упреки своихъ противниковъ, что Онъ «ядца» и «пійца».

Его ревность никогда не переходила въ страсть или раздраженіе, Его твердость никогда не становилась упрямствомъ, Его благосклонность никогда не переходила въ сантиментальность. Его свободное чувство не знало ничего о равнодушіи и необщительности, Его достоинство незнакомо было съ гордостью и надменностью, Его снисхожденіе и откровенность

далеки были от неумѣстной, неприличной довѣрчивости, Его самоотверженіе чуждо было ропотливости, въ Его умѣренности и воздержаніи не было самоумерщвленія. Онъ соединялъ невинность дитяти съ достоинствомъ мужа, всеобъемлющую ревность Божию съ неутомимымъ участіемъ въ благосостояніи людей; Онъ соединялъ нѣжную любовь къ грѣшникамъ съ неумолимою строгостью къ грѣху, повелительное достоинство съ самымъ привлекательнымъ смиреніемъ и безприязательностью, безбоязненную бодрость духа съ мудрою предусмотрительностію, непреклонную твердость съ изумительною кротостью и мягкостью.

Справедливо сравниваютъ силу Христа съ силою льва, и Его кротость съ кротостію агнца. Онъ обладалъ одинаковою мудростію змія и цѣлостію голубя. Онъ поднималъ мечъ противъ зла во всѣхъ его видахъ, и принесть на землю миръ, котораго не могъ дать міръ. Онъ былъ самый дѣятельный, и однако менѣе всего шумный, спокойнѣйшій и терпѣливѣйшій обвинитель человечества. Онъ приходилъ на землю съ тѣмъ, чтобы исполнить каждую букву закона, и однако все дѣлалъ вновь. Таже самая рука, которая изгоняла невѣждъ торговцевъ изъ храма, благословляла дитя, исцѣляла прокаженныхъ, и держала утопающаго ученика. Тоже самое ухо, которое слышало голосъ благоволенія съ неба, было открыто для вопля жены хананеянки; тѣже уста, которыя изрекали ужасное горе лицемѣру, и нечистую жадность и безжалостную мысль осуждали, какъ открытое преступленіе, хвалили спасительную нищету духа, нарушительницѣ супружеской вѣрности произносили прощеніе грѣховъ, и молились за своихъ убійцъ; тѣже глаза, которые созерцали тайны Божіи и проникали въ сердца людей, проливали слезы состраданія надъ неблагодарнымъ Иерусалимомъ, и слезы дружбы при гробѣ Лазаря.

Конечно, это самыя противоположныя черты характера, но не противорѣчія, подобно различнымъ явленіямъ божественнаго могущества и благодати, открывающихся въ бурѣ и въ солнечномъ сіяніи, въ возвышающихся къ небесамъ Альпахъ и въ цвѣткѣ долины, въ безпредѣльномъ океанѣ и въ

каплѣ утренней росы. Противоположности отчетливо могутъ быть отдѣляемы въ несовершенномъ человѣкѣ, но совершенно гармонически соединяются во Христѣ, всеобщемъ образцѣ для всѣхъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Страданія Иисуса.

Какъ всѣ активныя и высокія добродѣтели встрѣчаются въ Иисусѣ, такъ соединялъ Онъ въ Себѣ еще добродѣтели пассивнаго и тѣлеснаго свойства. Онъ оставилъ высочайшій примѣръ для всякаго истиннаго мученичества.

Ни одинъ характеръ не можетъ достигнуть совершенства безъ борьбы и страданій, и благородная смерть есть вѣнецъ благородной жизни. Эдмундъ Бурке сказалъ однажды въ англійскомъ парламентѣ Фокусу: «позоръ и безчестіе суть необходимыя ингредиенты всякой истинной славы. Клевета и злословіе существенно принадлежать побѣдѣ». Древніе греки и римляне удивлялись честному человѣку въ его борьбѣ съ несчастьями и злополучіями, какъ зрѣлищу, достойному боговъ. Платонъ описываетъ праведника, какъ такого человѣка, который не дѣлаетъ ничего несправедливаго, и однако имѣетъ видъ величайшей неправды, и который свою справедливость доказываетъ до самой смерти твердымъ терпѣніемъ, не смотря ни на какія клеветы и злословія; именно онъ сказалъ: «когда такой праведникъ явится когда-нибудь на землѣ, его будутъ бичевать, мучить, связуютъ, лишать зрѣнія и, послѣ претерпѣнія всевозможныхъ поруганій, онъ будетъ пригвожденъ на столбѣ»⁴³). Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что отцы церкви, также какъ и богословы новѣйшаго времени, въ этомъ достопримѣчательномъ мѣстѣ усматриваютъ поразительную параллель между 53 гл. пророчествъ Исаи и безсознательнымъ предсказаніемъ языческаго мудреца о страданіяхъ Христа.

И однако этотъ абстрактный идеалъ великаго философа какъ далеко отстоитъ отъ той дѣйствительности, какая представилась спустя три столѣтiя! Великіе мужи этого міра, являющіеся при особенно благопріятныхъ и воодушевляющихъ обстоятельствахъ превосходящими самихъ себя, возвышающимися надъ самими собою, смѣло поднимающими чело предъ далеко превосходящей ихъ силой,—какъ часто эти люди теряютъ свою устойчивость въ ежедневной жизни и дѣлаются нетерпѣливыми, встрѣчаясь съ самыми ничтожными препятствіями! Вспомнимъ только о Наполеонѣ во главѣ его побѣдоносныхъ легионовъ, и держащемъ кормило имперіи, и представимъ себѣ того же Наполеона послѣ пораженія его при Ватерлоо, и на островѣ св. Елены. Высочайшая форма пассивной добродѣтели, какой достигали древнее язычество или новѣйшій свѣтскій героизмъ, есть форма стоицизма, который предпринимаетъ и выдерживаетъ борьбу съ жизнію, ея нуждами и злополучіями въ духѣ высокоумнаго презрѣнія и безчувственного равнодушія, который отвергаетъ всякое воспріятіе впечатлѣній, и такимъ образомъ стоицизмъ представляетъ только иную форму эгоизма и гордости.

Совсѣмъ другой, безконечно высшій образецъ далъ намъ ученіемъ и примѣромъ Христось, образецъ, неизвѣстный ни до Него, ни послѣ Него,—образецъ, встрѣчающій не совершенныя подражанія себѣ въ средѣ послѣдователей Христовыхъ. Христось совершенно ниспровергъ древнюю нравственную философію, и убѣдилъ міръ, что прощающая враговъ любовь, святость и смиреніе, скромное, безропотное терпѣніе въ страданіяхъ и охотное подчиненіе святой волѣ Божіей есть истинный вѣнецъ нравственнаго величія. «Если семь разъ въ день, говоритъ Онъ, братъ твой согрѣшитъ противъ тебя, и семь разъ въ день обратится и скажетъ: каюсь; прости ему» (Лук. 17, 4). «Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ и преслѣдующихъ васъ» (Мѡ. 5, 44). Это по истинѣ возвышенное ученіе; но еще болѣе возвышеннѣе и благотворнѣе практическое осуществленіе въ жизни.

Добродѣтель Христа не можетъ быть ограничена только послѣдними сценами изъ Его общественнаго служенія. Какъ вообще жизнь человѣка на каждомъ шагу окружена испытаніями, заботами и препятствіями, которыя, какъ средства воспитанія, должны служить къ развитію его способностей и упражненію его силъ; также точно было и въ жизни Христа. Во все продолженіе состоянія униженія Онъ «былъ исполненъ трудовъ и болѣзней» (Ис. 53, 4), и «претерпѣвалъ поруганія отъ грѣшниковъ» (Евр. 12, 3). Онъ былъ бѣденъ, и терпѣлъ голодь и изнуреніе. Онъ былъ искушаемъ отъ діавола. Его жизненный путь былъ устанъ очевидными, непреодолимыми препятствіями до послѣдней минуты Его земной жизни. Его рѣчи и чудеса возбуждали самую горькую, отъявленную ненависть міра,—ненависть, которая разразилась наконецъ кровавымъ совѣтомъ умертвить Его. Фарисеи и саддукеи соединенными силами вооружались противъ Него своею пустою ревностью и бранью. Они отвергали и искажали Его свидѣтельства, предлагая коварные вопросы, разставляли сѣти; называли Его «ядцей» и «пійцей», потому что Онъ ѣлъ и пилъ съ другими людьми, а не съ ними; называли Его сообщникомъ мытарей и грѣшниковъ, по причинѣ снисходительной Его любви и ласки къ нимъ, посрамителемъ субботы, такъ какъ въ субботу Онъ дѣлалъ добро; упрекали Его въ сумасшествіи и богохульствѣ, потому что онъ утверждалъ свое единосущіе съ Отцемъ, и чудеса Его производили отъ Веельзевула, начальника злыхъ духовъ. Чернь, хотя и дивилась Его мудрости и дѣламъ, презрительно указывала на Его происхожденіе; отечество и отечественный городъ отказывали Ему въ чести пророка. Даже Его братья, читаемъ мы, не вѣрили Ему, и въ своемъ нетерпѣливомъ желаніи мірскаго царства порицали безпрियाзательность Его поведенія ⁴⁴). Его апостолы и ученики, при всемъ ихъ глубокомъ благоговѣннн предъ Нимъ, и при всей ихъ вѣрѣ въ Его божественное происхожденіе и посольство, своимъ невѣжествомъ, своими плотскими іудейскими воззрѣніями и почти вѣдшимъ непониманіемъ Его словъ вывели бы изъ терпѣнія учителя менѣе достойнаго, менѣе высокаго.

Ко всему этому мы должны присовокупить еще всё страданія, которыя возникали изъ сочувствія Христа къ человѣческимъ бѣдствіямъ, съ которыми онъ встрѣчался на каждомъ шагу въ тысячекратныхъ видахъ. Какимъ испытаніемъ было для чистѣйшаго, нѣжнѣйшаго и благосклоннѣйшаго изъ людей, болѣе тридцати лѣтъ дышать зараженнымъ воздухомъ падшаго міра, сносить постоянныя обнаруженія грѣховныхъ страстей, слышать жалобные вопли человѣчества, какъ они доносились до Его уха четырьмя вѣтрами земли, лично, непосредственно обращаться съ слѣпцами, хромыми, глухими, разслабленными, бѣсноватыми, мертвецами, и наконецъ, терпѣть столько заботъ, печали и борьбу со смертію!

Но какъ опишемъ мы Его въ собственномъ смыслѣ такъ называемыя страсти, одна минута которыхъ не можетъ быть сравнена съ другими страданіями! Здѣсь заключается единственное величіе, выраженное словомъ пророка: *«исполненъ истоптанія, и отъ языкъ нѣсть мужа со Мною»* (Ис. 63, 3). Если великіе мужи, возвышаясь надъ обыкновеннымъ уровнемъ своимъ высокимъ полѣтомъ мысли и своими благородными дѣйствіями, занимаютъ одинокое положеніе; то тѣмъ болѣе Иисусъ долженъ стоять одинокимъ по своимъ страданіямъ. Чѣмъ болѣе приближается человѣкъ къ нравственному совершенству, тѣмъ глубже становится его впечатлѣніе, тѣмъ нѣжнѣе дѣлается его чувство къ грѣху и злу, и тѣмъ сильнѣйшую ощущаетъ онъ скорбь въ этомъ испорченномъ мірѣ. Никогда ни одинъ человѣкъ не страдалъ такъ невинно, несправедливо и глубоко, какъ Иисусъ отъ Назарета. Въ теченіи немногихъ часовъ предъ нашими глазами развивается трагедія, исполненная всеобщаго значенія и важности, — трагедія, въ которой соединяются всѣ виды человѣческихъ слабостей и дьявольской злобы, неблагодарности, измѣны, предательства, оскорбленія, поруганія, и насмѣшекъ, тѣлеснаго и душевнаго страха и мученій, и которая завершается постыднѣйшею смертію, какаѣ только извѣстна была іудеямъ и язычникамъ, — смертію раба и злодѣя. Народъ и его власти соединяются противъ того, Который пришелъ сдѣлать ихъ блаженными. Собственные Его ученики

оставляютъ Его; Петръ отрекается отъ Него; Іуда, по внушенію діавола, предаетъ Его; правители народа осуждаютъ, приговариваютъ къ смерти, грубые солдаты насмѣхаются, издѣваются надъ Нимъ, а неистовая чернь кричить: «распи, распни Его!» До самой ночи тревожатъ Его, таская отъ судилища къ судилищу, возлагаютъ терновый вѣнецъ, ругаются, бичуютъ, бьютъ, плюютъ въ лицо и, какъ преступника и раба, распинаютъ между двумя разбойниками.

Какъ же переносилъ Христосъ всѣ эти небольшія и великія испытанія жизни, и смерть на крестѣ?

Вспомнимъ прежде всего, что Онъ не былъ похожъ на холодныхъ стоекковъ съ ихъ неестественнымъ и отталкивающимъ видомъ добродѣтели, и имѣлъ нѣжнѣйшее чувство и глубочайшее состраданіе ко всякому человѣческому бѣдствію и скорби; вспомнимъ Его слезы, пролитыя при гробѣ друга, и во время борьбы въ Геѳсиманіи; вспомнимъ, наконецъ, о томъ, какъ Онъ въ послѣдній предсмертный часъ заботился о своей матери, приготовляя ей пристанище. Но съ этою истинно-человѣческою нѣжностью и отзывчивостью чувства Онъ всегда соединялъ невыразимое достоинство и величіе, высокое самообладаніе и ненарушимое спокойствіе духа. Его страданія запечатлѣны такимъ удивительнымъ величіемъ и такою возвышенностью, что превозмогаютъ всякое чувство состраданія и сожалѣнія съ нашей стороны, и составляютъ только предметъ удивленія и благоговѣйнаго поклоненія. Мы можемъ только чувствовать силу словъ невиннаго Страдальца, обращенныхъ къ іерусалимскимъ женамъ, оплакивавшимъ скорбный путь Его на Голгоѳу: «не плачьте обо Мнѣ, но плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ». Мы никогда не встрѣчаемъ въ Немъ раздражительности или вспыльчивости, хотя Онъ и велъ постоянную борьбу съ совершенно нечестивымъ міромъ. Онъ ясно и отчетливо предвидѣлъ свои страданія, и неоднократно предсказывалъ ихъ своимъ ученикамъ.

И однако Христосъ никогда не ропталъ, никогда не обнаружилъ негодованія, неудовольствія или раскаянія. Ни на одну минуту Онъ не приходилъ въ уныніе, ни на одну минуту не

терялъ Онъ присутствія духа; но всегда исполненъ былъ безграничной увѣренности, что все устроено ко благу провидѣніемъ Его небеснаго Отца. Его спокойствіе во время бури на морѣ, когда Его ученики, стоя на краю смерти, трепетали и дрожали въ отчаяніи, представляетъ изображеніе небеснаго состоянія Его духа. Все, что ни дѣлалъ Онъ, всегда дѣлалъ съ спокойнымъ достоинствомъ и умѣренностью, никогда не рассчитывая на эффектъ. Онъ никогда не искалъ удовольствій міра, всегда оставалъ чуждъ его одобреній, и еще менѣ боялся его угрозъ. Какъ солнце надъ облаками, ходилъ Онъ съ божественнымъ спокойствіемъ выше человѣческихъ страстей, искушеній, тревоженій, и оставлялъ ихъ глубоко подъ собою. Онъ всегда былъ исполненъ мира, даже въ часъ разлуки съ міромъ, въ ту мрачную и торжественную ночь, когда Онъ говорилъ испуганнымъ ученикамъ: «миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ; не такъ какъ міръ даетъ, Я даю вамъ: да не смущается сердце ваше, и да не устрашается» (Іоанн. 14, 27). Онъ никогда не былъ тѣмъ, что мы называемъ злополучнымъ, но всегда исполненъ былъ той внутренней радости, которую оставилъ своимъ ученикамъ въ одной возвышеннѣйшей изъ всѣхъ молитвъ къ своему небесному Отцу: «нынѣ же къ Тебѣ иду, и это говорю въ мірѣ, чтобы они имѣли въ себѣ радость Мою совершенную» (Іоан. 17, 13). При всемъ строгомъ порицаніи фарисеевъ, Онъ никогда не указывалъ на одно извѣстное лицо. Онъ всегда воздавалъ за зло добромъ. Онъ простилъ Петру его отверженіе, и простилъ бы также преступленіе Иуды, если бы онъ съ искреннимъ раскаяніемъ искалъ прощенія. Даже на крестѣ Онъ имѣлъ одно только слово помилованія несчастныхъ, вонзавшихъ въ Его руки и ноги гвозди, и молился за нихъ. «Отче, прости имъ: они не знаютъ, что дѣлаютъ». Онъ не искалъ мученичества и не ускорялъ его, какъ дѣлали это многіе, по примѣру Игнатія, въ своемъ, понятномъ въ человѣкѣ, воодушевленіи, движимые нетерпѣливымъ желаніемъ получить скорѣе мученическій вѣнецъ, но спокойно и терпѣливо ожидалъ часа, опредѣленнаго волею Своего небеснаго Отца.

Когда же наступил этот часъ, съ какимъ самообладаніемъ и спокойствіемъ, съ какою силою и смиреніемъ, съ какимъ величіемъ и покорностью прошелъ Онъ его мракъ, искушенія! Онъ плѣнникъ предъ Пилатомъ, представителемъ римской власти, объявляетъ Себя царемъ истины; и заставляетъ дрожать предъ Собою римскаго намѣстника (Іоанн. 18, 37; Мѣ. 27, 19, 24). Обвиняемый въ преступленіи предъ трибуналомъ первосвященника, Онъ говорилъ съ нимъ съ достоинствомъ и величіемъ Судіи міра (Мѣ. 26, 64). И въ борьбѣ со смертію на крестѣ даруетъ Онъ кающемуся разбойнику мѣсто въ раю (Лук. 23, 43). Каждое слово и каждое дѣйствіе въ исторіи страданій Христа запечатлѣны невыразимою многозначительностію, начиная съ борьбы въ Геосиманіи, когда Онъ, преодолевая чувство состраданія къ всеобщей винѣ человѣческаго рода, въ виду непосредственно предстоящей Ему, единственно безгрѣшному въ мірѣ, ужасной сцены, молился, чтобы эта чаша прошла мимо Его, но послѣ чего тотчасъ присовокупилъ: «не Моя, но Твоя воля да будетъ», и—оканчивая побѣдоноснымъ возваніемъ на крестѣ: «совершилось!» Самое молчаніе Его предъ судилищемъ Его враговъ и неистовой черни, когда Онъ, «какъ безгласный агнецъ предъ стригущимъ его не отрывалъ устъ своихъ»,—это молчаніе, исполненное важности и достоинства, представляется гораздо болѣе убѣдительнымъ, чѣмъ всякая защитительная рѣчь. Напрасно стали бы мы искать этому удивительно—чудному явленію параллели въ исторіи мудрецовъ древняго или новѣйшаго времени. Даже Руссо долженъ былъ сознаться, что «если Сократъ страдалъ и умеръ какъ *философъ*; то Христосъ страдалъ и умеръ какъ *Богъ*»⁴⁵).

Чѣмъ ближе проникаемъ мы въ страданія Христа, тѣмъ болѣе чувствуемъ, что ихъ никакъ нельзя уподобить никакимъ другимъ страданіямъ, тѣмъ сильнѣе убѣждаемся, что Праведникъ умеръ за неправедныхъ, Святый за грѣшниковъ, и что этотъ Праведникъ своею кровію смылъ вину падшаго міра. Мы чувствуемъ и благоговѣнно преклоняемся предъ примирительной, умиловительной жертвой безконечной любви. Уже

одна простая мысль, что Богочеловѣкъ, Спаситель міра страдаетъ человѣческому роду, томящемуся подъ игомъ грѣха и смерти,—одна уже эта идея становится невыразимо высокою, и заключаетъ въ себѣ неодолимо—привлекательную силу. Что же сказать теперь о фактической дѣйствительности? По истинѣ, это есть тайна, не вполне постижимая для насъ, но тайна, имѣющая очевидно божественное и небесное происхождение и свойство, тайна, столько благодѣтельная и плодотворная въ своихъ слѣдствіяхъ, что голова и сердце въ благоговѣйномъ прославленіи преклоняются предъ нею, наполняясь благодарностью и радостью. Страданія и распятіе Иисуса не находятъ себѣ параллели, одиноко стоятъ только въ своей собственной славѣ, и останутся такими же, какими онѣ были восемнадцать столѣтій назадъ: это—священнѣйшая тема для размышленій, высочайшій примѣръ страждущей добродѣтели, самое славное оружіе противъ грѣха и дѣвола, глубочайшій источникъ утѣшенія для благороднѣйшихъ и самыхъ лучшихъ людей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Выводъ изъ всего сказаннаго: Характеръ Иисуса—величайшее нравственное чудо въ исторіи.

Таковъ былъ Иисусъ изъ Назарета—истинный человѣкъ по тѣлу, душѣ и духу, и однако отличный отъ всѣхъ другихъ людей по Своему характеру, абсолютно—единственному и оригинальному, начиная съ нѣжнаго дѣтства, и достигая зрѣлой возмужалости,—таковъ Христосъ, живущій и дѣйствующій въ неразрывномъ единеніи съ Богомъ, изливающимъ чистѣйшую человѣческую любовь, свободный отъ всякаго грѣха и заблужденія, невинный и святой, учащій всѣхъ добродѣтелямъ въ ихъ полной, гармонической связи, и Самъ упражняющійся въ нихъ, исключительно и неумолимо служащій одному благороднѣйшему дѣлу, преслѣдующій одну благороднѣйшую цѣль,

чистѣйшую жизнь запечатлѣвшій возвышеннѣйшею смертію, и и съ этой стороны навсегда признанный однимъ и единственнымъ совершеннымъ образцомъ всѣхъ добродѣтелей и святости! Всякое человѣческое величіе теряетъ много своей цѣны при тщательнѣйшемъ разсмотрѣніи его; характеръ же Христа, чѣмъ глубже мы изучаемъ его, все дѣлается для насъ чище, святѣе и пріятнѣе. Вся область исторіи и поэзіи не въ состояніи представить ни одной для него параллели: никогда эта область ни до Христа, ни послѣ Него не дала ничего такого, что только приближалось бы къ Его характеру, исключая слабого подражанія Ему со стороны истинныхъ послѣдователей Христовыхъ.

Ни одинъ біографъ, моралистъ или художникъ не можетъ попытаться удовлетворительнымъ образомъ изобразить красоту и святость, воплотившіяся въ лицѣ Іисуса изъ Назарета. Мы чувствуемъ, что оно даетъ безконечно больше, чѣмъ могутъ изобразить всѣ образы и представленія, будутъ ли они произведеніемъ пера или кисти человѣка, или языка ангела. Съ одинаковымъ успѣхомъ можно попытаться исчерпать воды широкаго океана, отвоя ихъ въ одинъ маленькій колодезь, или блескъ восходящаго солнца, или небо, усыпанное звѣздами, нарисовать чернилами. Ни одно изображеніе Спасителя, будь оно произведеніемъ мастерской руки Рафаэля, Дюрера или Рубенса, ни одинъ эпосъ, будь онъ твореніемъ гения Данте, или Мильтона, или Клопштока, не въ состояніи улучшить безыскусственный рассказъ евангелія, единственная, но всемогущая прелесть коего заключается въ истинѣ. Въ настоящемъ случаѣ истина по всей справедливости удивительнѣе и сильнѣе, чѣмъ поэзія, и самымъ краснорѣчивымъ образомъ говорить сама за себя, не требуя никакихъ комментаріевъ, объясненій и восхваленій. Здѣсь, и только здѣсь, высочайшее совершенство искусства остается позади исторической истины, и фантазія не находитъ себѣ мѣста для идеализованія дѣйствительности, потому что здѣсь мы имѣемъ абсолютный идеалъ въ его живой реальности. Только это соображеніе, кажется, должно удовлетворительно убѣдить разсудительный умъ въ

томъ, что характеръ Христа, несомнѣнно самый естественный и человѣческій, высоко поднялся надъ обыкновеннымъ человѣческимъ уровнемъ, и не можетъ быть поставленъ въ одинъ разрядъ съ самыми свѣтлыми и самыми великими духовными силами нашего рода.

Это убѣжденіе болѣе или менѣе проникаетъ даже въ среду противниковъ христіанства, и изъ числа ихъ имѣетъ на своей сторонѣ многихъ съ замѣчательными, въ мірскомъ смыслѣ, дарованіями людей, и находитъ сторонниковъ себѣ между ними тѣмъ больше, чѣмъ меньше они закрываютъ глаза предъ свѣтомъ истины, и силою фактовъ. Ж. Ж. Руссо, одинъ изъ представителей просвѣщенія во Франціи XVIII в., въ своемъ «Emil» откровенно сознается, что между Сократомъ и Христомъ также мало можно найти сравненія, какъ между мудрецомъ и Богомъ. Наполеонъ, въ сердцѣ котораго религія не находила должнаго мѣста, своимъ проникательнымъ, орлинымъ взглядомъ видѣлъ, что Христосъ стоитъ выше обыкновеннаго человека, и что однажды признанное Божество Христа дѣлаетъ христіанскую систему такую ясною и точною, какъ математическая истина. Мы ссылаемся здѣсь на замѣчательное мнѣніе Наполеона, высказанное имъ на островѣ св. Елены. Конечно, оно могло быть нѣсколько измѣнено или расширено; но при всемъ томъ несомнѣнно носить на себѣ ясный слѣдъ руки и слога Наполеона. Гёте, универсальнѣйшій и совершеннѣйшій и вмѣстѣ съ тѣмъ самый свѣтлый и самостоятельнѣйшій между всѣми новѣйшими поэтами, называетъ Христа «божественнымъ человѣкомъ», «святымъ» и представляетъ Его, какъ примѣръ и образецъ для людей. Жанъ Поль (Jean Paul), величайшій нѣмецкій юмористъ, выражаетъ предъ Иисусомъ—изъ Назарета благоговѣнное удивленіе такими словами: «Онъ есть чистѣйшій между чистыми; своей пронзенной рукой Онъ потрясъ царства, потокъ столѣтій заставилъ выдти изъ своего обыкновеннаго ложа, и въ настоящую пору повелѣваетъ временами» ⁴⁶). Тома Карлиль (Thomas Carlyl), британскій поклонникъ героевъ, не находитъ никого подобнаго Христу въ цѣломъ ряду древнихъ и новыхъ героевъ; Его жизнь онъ на-

зываетъ « совершенную идеальную поэмою », а Его самого « величайшимъ изъ всѣхъ героевъ »; не называя Его имени, онъ предоставляетъ читателю въ священномъ безмолвіи размышлять объ этомъ священномъ предметѣ. Эрнестъ Ренанъ, знаменитый французскій оріенталистъ и критикъ, разсматривающій Иисуса съ точки зрѣнія пантеистическаго натурализма, и отвергающій всѣ чудеса изъ евангельской исторіи, находитъ себя вынужденнымъ назвать Христа « человѣкомъ колоссальныхъ размѣровъ », человѣкомъ несравнимымъ, которому общее сознаніе дало титулъ *Сына Божія*, титулъ, которое принадлежитъ Ему совершенно законно, « потому что Онъ провелъ религію несравненно бѣльшими шагами, чѣмъ когда-нибудь это было въ предшествовавшее время, и вѣроятно не подвинется она быстрѣе и въ будущемъ », и заключаетъ свою « *жизнь Иисуса* » слѣдующимъ достопримѣчательнымъ признаніемъ: « что бы ни представило поразительнаго будущее время, а *Иисусъ никогда не будетъ превзойденъ*. Его почитаніе непрерывно будетъ увеличиваться, никогда не состарѣется; Его исторія во всякое время вызоветъ слѣзы; Его страданія всегда смягчатъ благороднѣйшія сердца, каждое столѣтіе провозгласитъ, что между человѣческими дѣтьми ни одно не родилось больше, чѣмъ *Иисусъ* » ⁴⁷⁾. Докторъ Бауръ, старый учитель скептической тюбингенской школы, замѣчательнѣйшій и серьезнѣйшій ученый между новѣйшими противниками библейской и церковной вѣры, послѣ всѣхъ критическихъ изысканій своей долготѣнейшей чрезвычайно трудолюбивой жизни, пришелъ наконецъ къ тому заключенію, что лицо Христа остается величайшей тайной въ исторіи, и что во всякомъ случаѣ все всемірно-историческое значеніе христіанства утверждается именно на Его лицѣ ⁴⁸⁾.

Да, лице Христа дѣйствительно есть великая, но вмѣстѣ и святая тайна. Она не можетъ быть объяснена простыми гуманными принципами, не можетъ быть производима изъ нравственныхъ и интеллектуальныхъ силъ времени, въ которое жилъ Христосъ. Лице Христа, напротивъ, стоитъ въ рѣзкомъ контрастѣ съ окружающимъ іудейскимъ и языческимъ мі-

ромъ, — міромъ, который представляетъ печальную картину внутренняго упадка, и скоро поэтому долженъ былъ превратиться въ развалины предъ новымъ нравственнымъ твореніемъ распятаго Иисуса Назарянина. Христось есть единственное, абсолютное и необъяснимое исключеніе изъ общаго опыта человѣческаго рода. Онъ есть величайшее центральное чудо всей евангельской исторіи. Всѣ Его чудеса являются только естественнымъ и необходимымъ обнаруженіемъ Его чудеснаго лица, и поэтому онѣ совершались съ такою же легкостью, съ какою мы совершаемъ обыкновенныя наши дѣла ежедневной жизни. Евангеліе св. Іоанна чудеса называетъ совершенно просто и справедливо Его «дѣлами». Въ самомъ дѣлѣ, было бы величайшимъ чудомъ, если бы Христось, будучи самъ чудомъ, не совершилъ ни одного чуда.

Здѣсь именно обнаруживаются логическія слабости и глупость тѣхъ невѣрующихъ, которые въ лицѣ и существѣ Христа признаютъ нѣчто необыкновенное, и въ то же время отрицаютъ необыкновенныя Его дѣла. Они допускаютъ причину, отвергая соответствующее ей дѣйствіе, и лицо Христа съ Его дѣлами или дѣла съ лицомъ приводятъ въ разладъ. Одинаково успѣшно можно ожидать отъ солнца, чтобы оно распространяло мракъ, какъ обыкновенныхъ дѣлъ отъ такого необыкновеннаго существа. Лице Христа объясняетъ всѣ чудесныя событія въ своей исторіи, оно представляетъ достаточное основаніе для Его дѣйствій. Такая сила надъ душами, какою обладалъ Христось, и съ какою непрерывно, каждодневно дѣйствуетъ на все христіанство, — отъ чего такая сила не должна была простираться также успѣшно на низшія сферы жизни? Что составляло для Того, Кто воскресеніе и жизнь человѣческаго рода, вызвать мертвеца изъ гроба? Могла ли такая единственная небесная жизнь, какова Его жизнь, и такая единственная небесная смерть окончиться иначе, какъ абсолютной побѣдой надъ смертію и вознесеніемъ на небо — истинное и первоначальное отечество Побѣдителя?

Сверхъестественное и чудесное во Христвѣ, — не забудемъ этого, — не было какимъ-нибудь заимствованнымъ даромъ или

случайнымъ явленіемъ, какъ это было у пророковъ и апостоловъ, но было присуще Ему, заключааясь въ постоянномъ, тайномъ и явномъ дѣйствиі присущей силы. Внутренняя сила жила и дѣйствовала въ Его лицѣ, и выходила отъ Него, такъ что даже одно прикосновеніе къ краю одежды Христовой по вѣрѣ, которая образуетъ одну неразрывную связь между Христомъ и душою вѣрующаго, имѣло цѣлебное дѣйствіе. Онъ былъ истинный другъ болящихъ, недужныхъ, истинный *Шехина* (присутствіе Божіе: *Schechinah*), и блистала во всей славѣ не передъ толпой и не предъ невѣрующими фари́сеями и книжниками, но блистала только тогда, когда былъ съ Своимъ небеснымъ Отцемъ, или въ темную ночь ходилъ по волнамъ моря, утишая бурю, и укрѣпляя вѣру своего испуганнаго ученика, или когда Онъ на горѣ преображенія предъ тремя своими возлюбленными учениками бесѣдовалъ съ Моисеемъ и Іліей.

Такимъ образомъ все необходимо приводитъ насъ къ тому заключенію, что Христосъ былъ истинно естественнымъ и человѣческимъ существомъ, но въ то же время былъ и существомъ истинно сверхъестественнымъ и божественнымъ. Чудесный характеръ Его лица вынуждаетъ у насъ, какъ единственное разумное и удовлетворительное объясненіе этого факта, согласіе, что во Христѣ «обитала полнота Божества тѣлеснѣ».

Къ этому же приведетъ насъ также и то объясненіе, какое Христосъ даетъ о Себѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Свидѣтельство Христа о самомъ Себѣ.

Лице Христа, сказали мы, есть великая тайна. Есть одно только раціональное объясненіе этой высокой тайны; это объясненіе мы находимъ въ собственномъ свидѣтельствѣ Христа

о Его сверхчеловѣческомъ и Божественномъ происхожденіи и существѣ. Это свидѣтельство имѣетъ полное право на величайшее вниманіе и совершенное довѣріе съ нашей стороны, по причинѣ абсолютной истинности Свидѣтеля, — истинности, которая никогда никѣмъ не была оспариваема, и которая не можетъ быть также отвергнута безъ того, чтобы тотчасъ не разрушить основаніе вообще признанной нравственной чистоты и величія ⁴⁹).

Называя себя въ Евангеліи около восьмидесяти разъ «Сыномъ человѣческимъ» ⁵⁰), Христосъ положительно, неопровержимо утверждаетъ свое человѣчество. Между тѣмъ, какъ это выраженіе ставить Христа въ разрядъ людей, какъ плоть отъ нашей плоти и кость отъ нашей кости, оно въ тоже время даетъ чувствовать, что Онъ болѣе, чѣмъ обыкновенный индивидуумъ, что Онъ не только *обыкновенный* Сынъ человѣческой, какъ всѣ другіе потомки Адама, но *именно* Сынъ человѣческой, человѣкъ въ самомъ высокомъ смыслѣ, идеальный, универсальный, абсолютный человѣкъ, второй Адамъ, пришедшій съ неба, Глава новаго, высшаго разряда человѣческаго рода, Царь Израилевъ, Мессія ⁵¹). То же существенно выражается, хотя менѣе ясно, въ другомъ родственномъ названіи: «Сынъ Давидовъ», — названіи, которое часто прилагается къ Христу, какъ официальное званіе обѣщаннаго Мессіи, Царя Израилева, такъ напр., Его называли два слѣпца іерихонскіе, хананейская жена, и вообще это названіе употреблялъ въ приложеніи къ Нему народъ ⁵²).

Названіе «Сынъ человѣческой» отнюдь не выражаетъ, какъ многіе утверждаютъ, только униженіе Христа, а скорѣе выражаетъ Его возвышеніе надъ общимъ уровнемъ, и въ Немъ и чрезъ Него осуществленный идеалъ человѣческой природы съ ея нравственной и религіозной стороны или въ ея отношеніи къ Богу. Такое толкованіе оправдывается и грамматически, по причинѣ употребленія опредѣленнаго члена, и исторически: таково выраженіе у Даніила (7, 14), гдѣ Мессію онъ обозначаетъ, какъ главу одного вѣчнаго всеобщаго царства. Бромъ того, оно тотчасъ объясняется само собою, какъ самое

естественное и самое определеннѣйшее въ слѣдующихъ напр. мѣстахъ: «отнынѣ будете видѣть небо отверстымъ и Ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ къ Сыну человѣческому» (Іоанн. 1, 51). «Сынъ человѣческой имѣетъ власть на землѣ прощать грѣхи» (Мѡ. 9, 6. Мр. 2, 10). «Сынъ человѣческой есть господинъ и субботы» (Мѡ. 12, 8; Мр. 2, 28). «Если не будете ѣсть плоти Сына человѣческаго и пить крови Его; то не будете имѣть въ себѣ жизни» (Іоанн. 6, 53). «Сынъ человѣческой придетъ въ славу Отца Своего»⁵³). «Сынъ человѣческой пришелъ взискать и спасти погибшее». Мѡ. 18, 11; сн. Лук. 19, 10). «Отецъ далъ Ему власть производить и судъ, потому что Онъ есть Сынъ человѣческой» (Іоанн. 5, 27). Даже тѣ мѣста, на которыя ссылаются, какъ на благопріятствующія другимъ воззрѣніямъ, при нашемъ толкованіи заключаютъ въ себѣ величайшую силу и красоту по контрасту, который снисшествіе Христа на землю и Его уничтоженіе представляетъ въ яснѣйшемъ свѣтѣ; такъ напр., когда Онъ говоритъ: «Лисицы имѣютъ норы, и птицы небесныя гнѣзда; а Сынъ человѣческой не имѣетъ, гдѣ приклонить голову» (Лук. 9, 58). Или: «Кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ; такъ какъ Сынъ человѣческой не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить, и отдать душу свою для искупленія многихъ» (Мѡ. 20, 27, 28). Такимъ образомъ челоѣчество Христа, въ своемъ возвышеніи надъ всѣмъ обыкновеннымъ челоѣчествомъ, и въ своемъ нисхожденіи на самую низшую его ступень, ради возвышенія и спасенія его, представляетъ собою какъ бы преддверіе Его Божеству.

Но Христось называетъ Себя Самъ, и своими учениками называется очень часто также «Сыномъ Божіимъ». Онъ есть не просто Сынъ Божій подобно ангеламъ, архангеламъ, началамъ, властямъ и спасеннымъ людямъ, но именно Сынъ Божій, какимъ ни одно другое существо никогда не было, какимъ есть или можетъ быть; потому что всякое другое разумное существо дѣлается Сыномъ Божіимъ только чрезъ усыновленіе, посредствомъ духовнаго рожденія, и владѣеть этимъ

правомъ въ зависимости отъ абсолютнаго и вѣчнаго сыновства Христова ⁵⁴). Христось, какъ называетъ Его возлюбленный Его ученикъ, есть «*Единородный Сынъ Божій*», или, какъ выражаются объ этомъ древніе вселенскіе богословы, Онъ есть Сынъ, рожденный отъ вѣчности изъ существа Отца. Въ этомъ важномъ смыслѣ ученики Христовы добровольно усвоили Ему это названіе ⁵⁵), и Христось не отрицаетъ его отъ себя, и Богъ Отецъ называетъ Его такъ при крещеніи и на горѣ преображенія ⁵⁶). Важно также то, что Христось, уча насъ называть Бога «*нашимъ Отцемъ*», Самъ называлъ Его всегда «*Мой Отецъ*»; потому что къ Богу Отцу Онъ стоитъ въ особенномъ отношеніи, которое высоко поднимаетъ Его надъ обыкновеннымъ уровнемъ человѣческихъ дѣтей Божіихъ, которыя дѣлаются такими чрезъ возрожденіе и усыновленіе.

Все свое ученіе, какъ и свое царство Христось основываетъ на Своемъ собственномъ лицѣ. Его богочеловѣческое лице есть всегдашняя Его тема, Его предметъ, Онъ Самъ есть Евангеліе. И все это дѣлаетъ Онъ не имѣя въ мысли и тѣни гордости, честолюбія или тщеславія, но дѣлаетъ съ простотой и авторитетомъ очевиднѣйшей, извѣстнѣйшей истины. Поэтому-то Его слова и заключаютъ въ себѣ такое сильное, непреодолимое дѣйствіе надъ сердцами: «*истинно, истинно Я говорю вамъ*». Такъ говоритъ Богъ въ ветхомъ завѣтѣ, но никто изъ людей. «*Если не увѣруете, что это Я, то умрете во грѣхахъ своихъ*» (Иоан. 8, 24). Какое величіе заключается въ этомъ объясненіи!

Христось постоянно представляетъ Себя существомъ «*не отъ міра сего*», но «*отъ Бога посланнымъ*», «*отъ Бога рожденнымъ*»,—существомъ, которое хотя и находится на землѣ, но въ то же время пребываетъ и «*на небѣ*» (Иоан. 3, 13). Онъ не возвѣщаетъ только истину, какъ другіе вѣстники Божіи, но Самъ объявляетъ Себя «*свѣтомъ міра*» (Иоан. 8, 12), «*путемъ, истиною и жизнью*» (Иоан. 11, 25). «*Все предано Мнѣ Отцемъ Моимъ, и никто не знаетъ Сына, кромѣ Отца, и Отца не знаетъ никто, кромѣ Сына, и кому Сынъ захочетъ от-*

крыть» ⁵⁷). Онъ призываетъ къ себѣ труждающихся и обремененныхъ, обѣщая имъ покой и миръ (Мѡ. 11, 27). Онъ обѣщаетъ жизнь въ высшемъ и глубочайшемъ смыслѣ, именно вѣчную жизнь всѣмъ, которые увѣруютъ въ Него ⁵⁸). Онъ Самъ утверждаетъ о Себѣ, и признается, что онъ Христосъ или Мессія, засвидѣтельствованный Моисеемъ и древними пророками, и царь израилевъ ⁵⁹). Грозя смертію и торжественно заклиная живымъ Богомъ, предлагалъ Ему іудейскій первосвященникъ отъ имени освященной, хотя и испорченной, теократіи вопросъ: «Ты ли Христосъ (обѣщанный Мессія) Сынъ Божій?», и Онъ отвѣчалъ спокойно и внушительно: «Ты говоришь это!», и указалъ на Свое славное возвращеніе на небо. Такъ даже въ минуту глубочайшаго Своего уничтоженія и явнаго торжества силъ тьмы Онъ провозглашаетъ себя Господомъ и Судьею міра! ⁶⁰).

Мы можемъ допустить здѣсь одно изъ двухъ: или признать Христа истинно божественнымъ человѣкомъ или безумнымъ богохульникомъ. Первосвященникъ понялъ высказанное торжественное объясненіе лучше, чѣмъ многіе новѣйшіе комментаторы: Онъ разорвалъ свою первосвященническую одежду и съ негодованіемъ, содрагаясь отъ ужаса, воскликнулъ: «Ты богохульствуешь!» Иисусъ неоднократно выказываетъ себя законодателемъ новаго и послѣдняго завѣта (Мѡ. 5, 22, 24; 28, 19, 20), основателемъ духовнаго царства, обширнаго какъ вселенная и постояннаго какъ вѣчность ⁶¹), поставленнымъ Судьею живыхъ и мертвыхъ ⁶²), единственнымъ посредникомъ между Богомъ и человѣкомъ, Спасителемъ міра ⁶³). Онъ разстается съ своими учениками, произнося высокія слова, которыхъ вполне достаточно было для того, чтобы засвидѣтельствовать Его Божественность: «Мнѣ дана власть на небѣ и на землѣ. И такъ идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа; уча ихъ соблюдать все, что я повелѣлъ вамъ. И се, Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка» (Мѡ. 28, 18—20).

Наконецъ, Христосъ выражаетъ свое право на отношеніе къ Богу какъ Отцу, на отношеніе, которое указываетъ, какъ

на единосущіе Его съ Богомъ Отцомъ, такъ и на Его личное отношеніе, и, въ связи съ объясненіемъ о св. Духѣ, съ логическою необходимостію ведетъ къ ученію о св. Троицѣ. Только это ученіе достаточно утверждаетъ Божество Христа и Святаго Духа, только оно не разрушаетъ основной истины единства Божества, и сохраняетъ истинную, правую средину между абстрактнымъ и отжившимъ монотеизмомъ и между пантеистическимъ тритеизмомъ.

Христось постоянно отличаетъ себя отъ Бога Отца, Который его послалъ, дѣло Котораго Онъ пришелъ совершить, волю Котораго Онъ исполнилъ, силою Котораго Онъ творить чудеса, Которому Онъ молится, и къ Которому обращается какъ самобытное личное существо. Такъ же ясно Христось отличаетъ себя и отъ Св. Духа, Котораго Онъ получилъ при Своемъ крещеніи, и Котораго обѣщаль послать, и послалъ ученикамъ, какъ инаго утѣшителя, какъ Духа истины и святости со всею полнотою совершеннаго спасенія. Но никогда Христось не дѣлалъ подобнаго различія между Собою и Сыномъ Божіимъ; выраженіе «Сынъ Божій» Онъ употреблялъ, какъ мы уже замѣтили, въ смыслѣ, который заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе, чѣмъ іудейское представленіе о Мессіи, и несколько не меньше того, что выражаетъ единосущіе и субстанціальное единство.

Какъ Сынъ Божій Христось утверждаетъ Свое дѣйствительное, самобытное существованіе прежде, нежели человѣкъ получилъ свое бытіе, именно прежде, нежели сотворенъ былъ міръ, слѣдовательно, прежде чѣмъ получило свое начало время, потому что время получило свое начало вмѣстѣ съ міромъ⁶⁴). Поэтому арианское мнѣніе о *временномъ* предсуществованіи, какъ метафизическое, шатко и не можетъ быть оправдано. По мнѣнію арианъ выходитъ, что тварь существовала прежде творенія, и конечное существо получило свое бытіе прежде времени. Но прежде творенія не было ничего, кромѣ Бога и вѣчности. Время есть ни что иное, какъ необходимая форма послѣдовательнаго существованія міра такъ же, какъ пространство есть форма одновременнаго существованія

всѣхъ матеріальныхъ предметовъ. Время прежде начала міра могло бы, если бы оно было, относиться только къ Богу, но Богъ не существуетъ во времени, но въ вѣчности. «Прежде чѣмъ Авраамъ былъ», говоритъ Христось, «Я есмь», и употребляетъ въ знаменательной многообъясняющей формѣ разъ прошедшее, а въ другой разъ настоящее время для того, чтобы означить этимъ различіе между временнымъ свойствомъ существованія человѣка и между вѣчнымъ, собственно Ему свойственнымъ ⁶⁵). Въ своей первосвященнической молитвѣ Христось проситъ о томъ, чтобы быть прославленнымъ славою, которую Онъ *имѣлъ* у Отца *прежде*, чѣмъ положено было основаніе міру ⁶⁶). Онъ принимаетъ божеское имя и свойства, такъ какъ они согласны съ состояніемъ Его уничиженія, и требуетъ и получаетъ Божескую честь (Іоанн. 5, 23). Онъ свободно прощаетъ грѣхи своимъ именемъ, и неоднократно употребляетъ это божественное право; фарисеи же и книжники видѣли въ этомъ, сообразно съ своими представленіями, самое несправедливое, богохульное притязаніе ⁶⁷). Выражаясь «Мы», Христось ставитъ себя въ одну категорію съ безконечнымъ величіемъ Іеговы, и смѣло увѣряетъ: «Видѣвшій Меня, видѣлъ Отца» (Іонн. 14, 9); «Я и Отець едино» ⁶⁸). Въ формулѣ крещенія Онъ соединяетъ Себя съ Богомъ Отцомъ и Богомъ Духомъ Святымъ (Мѡ. 28, 19), и Θомѣ отъ имени всѣхъ апостоловъ позволяетъ воскликнуть: «Господь мой и Богъ мой» (Іоанн. 20, 28).

Это изумительнѣйшія, самыя необыкновенныя притязанія, которыя когда-нибудь были сдѣланы. И Христось, отличнѣйшій и смиреннѣйшій изъ всѣхъ людей, постоянно и настойчиво повторяетъ ихъ предъ цѣлымъ міромъ, даже въ самый мрачный часъ Своихъ страданій. Онъ выражаетъ ихъ не высокоумнымъ языкомъ, которымъ всегда почти необходимо говорить ложная претензія, — напротивъ, Онъ выражается естественно, какъ совершенно понимающій Самъ Себя, какъ законный наслѣдникъ говорилъ бы о происхожденіи и проявленіи царскаго достоинства во дворцѣ своего отца. Онъ никогда не оправдываетъ своихъ притязаній, и никогда не находитъ нужнымъ объяснять ихъ. Эти притязанія являются у

Христа, какъ ясныя сами по себѣ истины, которыя высказываются собственно ради того, чтобы человѣчество повѣрило и подчинилось имъ.

Теперь представимъ себѣ на мгновеніе одного изъ чисто человѣческихъ учителей, — будь онъ и великъ и знаменитъ, представимъ себѣ напр. Моисея или Ілію, Іоанна крестителя, или одного изъ апостоловъ: Павла или Іоанна, — не говоримъ уже о комъ-нибудь изъ отцевъ церкви, схоластикѣ или реформаторѣ, — пусть онъ скажетъ: «я свѣтъ міра», «я путь, истина и жизнь»; «я и отецъ—одно»; пусть онъ обратится къ людямъ съ такимъ воззваніемъ: «слѣдуйте за мною, подражайте мнѣ, вы найдете жизнь и миръ, чего въ противномъ случаѣ вы нигдѣ не найдете». Не возбудило ли бы это общаго чувства сожалѣнія или негодованія? Ни одинъ человѣкъ на землѣ не можетъ даже попытаться высказать ни малѣйшаго изъ всѣхъ этихъ притязаній безъ того, чтобы тотчасъ не быть признаннымъ за сумасшедшаго или богохульника ⁶⁹).

Но выходя изъ устъ Христа, эти колоссальныя притязанія не возбуждаютъ сожалѣнія, не возбуждаютъ даже простаго чувства чего-нибудь неестественнаго и неприличнаго. Мы читаемъ и слышимъ ихъ каждый разъ безъ всякаго изумленія ⁷⁰). Они являются намъ вполне естественными и достаточно подерѣвленными въ высшей степени необыкновеннѣйшею жизнію и необыкновеннѣйшими дѣлами. Тутъ не находятъ себѣ мѣста даже тѣнь подозрѣнія въ тщеславіи, гордости или самообольщеніи. Цѣлыя восемнадцать столѣтій миллионы людей изъ всѣхъ націй и языковъ, изъ всѣхъ классовъ и состояній, людей ученѣйшихъ и могущественнѣйшихъ, также какъ и самыхъ невѣжественныхъ и самыхъ низкихъ, инстинктивнымъ чувствомъ признаютъ, что Христосъ истинно былъ тѣмъ, чѣмъ Онъ выражалъ притязаніе быть.

Не есть ли это въ высшей степени замѣчательный фактъ? Не есть ли это побѣдоносное оправданіе характера Христова, и неопровержимое доказательство истинности Его свидѣтельства? И можемъ ли мы отвергать истину, и не признавать Божества Христова, не разрушая истинности Его, и не уничто-

жая въ самомъ основаніи нравственной благодѣи и чистоты Христовой, которыя признаются вообще даже еретиками и невѣрующими? Если Онъ мудрѣйшій, лучшій, святѣйшій изъ всѣхъ людей, величайшій учитель и благодѣтель нашего рода, и будучи признанъ такимъ общимъ голосомъ цивилизованнаго міра, Самъ объявляетъ Себя единымъ съ Отцомъ, и по своей волѣ и хотѣнію, по существу и свойствамъ отождествляется съ вѣчнымъ Богомъ въ такомъ объемѣ и въ такомъ смыслѣ, какихъ ни одинъ человѣкъ, ангелъ или архангелъ ни на одно мгновеніе не могутъ приписать себѣ, не рискуя быть признанными за богохульниковъ, или безумцевъ; если Онъ принимаетъ божественное поклоненіе отъ своихъ собственныхъ искреннихъ учениковъ: то какъ можемъ мы, оставаясь разумными, отвѣчая на самыя глубокіе нравственные и религіозныя инстинкты нашегъ сознанія, какъ можемъ мы не повергнуться передъ Нимъ съ благоговѣніемъ, и вмѣстѣ съ св. Ѳомой, этимъ представителемъ честнаго, ищущаго и любящаго истину скептика между апостолами, изъ глубины нашей души не воскликнуть: «*Господь мой и Богъ мой!*»

Это есть *testimonium animae naturaliter christianae* говоря знаменитыми словами Тертуліана. Это есть свидѣтельство души, *христіанки* по природѣ, души, которая сотворена для Христа, и которая страстно жаждетъ Его, и ничто истинное, доброе и прекрасное не удовлетворяетъ ея безконечному желанію до тѣхъ поръ, пока наконецъ *не увѣруетъ* во Христа,—въ этотъ путь, въ эту истину и жизнь вочеловѣчившагося Бога въ Его собственномъ и нераздѣльномъ лицѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Разборъ ложныхъ теорій.

И такъ, единственно удовлетворительное разрѣшеніе великой проблемы о лицѣ Христа заключается въ свидѣтель-

ствѣ Христа о Самомъ Себѣ и въ свидѣтельствѣ объ Немъ человѣческой души-христіанки; тутъ, говоримъ, заключается единственно удовлетворительное разрѣшеніе, котораго не могутъ изобрѣсти ни человѣческая ученость, ни человѣческое остроуміе, и—другаго разрѣшенія нѣтъ.

Всѣ теории о лицѣ Христа невѣрующихъ или полувѣрующихъ—сверхъестественное чудо, котораго они хотятъ избѣгнуть, замѣняется неестественнымъ дивомъ. Допустить, что свидѣтельство Христа о Себѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ принимаетъ и понимаетъ его общее вѣрованіе христіанъ, ложно, значило бы допустить не только большее чудо, чѣмъ чудо свидѣтельствуемой имъ истины, но значило бы допустить нравственную чудовищность и абсурдъ. Юмъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о чудесахъ говоритъ: «Если кто-нибудь расскажетъ мнѣ, что онъ видѣлъ умершаго человѣка снова оживленнымъ, то я тотчасъ разсуждаю съ самимъ собою: вѣроятнѣе, что или это лице хочетъ обмануть, или оно само обмануто, или что фактъ, о которомъ онъ рассказываетъ, долженъ былъ дѣйствительно случиться. Я взвѣшиваю это чудо противъ другаго чуда и, смотря по тому, на какую сторону склоняются вѣсы, высказываю свое рѣшеніе, и всегда отвергаю большее чудо, т. е. признаю всегда меньшее чудо. Если бы невѣрность свидѣтельства была удивительнѣе самаго событія, о которомъ рассказывается, тогда, и не прежде какъ тогда, могутъ требовать отъ меня вѣры въ немъ». Мы не боимся употребить этотъ образчикъ сомнѣнія, и можемъ въ настоящемъ случаѣ обратить его противъ Юма и противъ каждаго скептика въ разсужденіи о лицѣ Христа—этомъ великомъ чудѣ.

Мы подвергнемъ тщательнѣйшему изслѣдованію различныя попытки унитаріевъ, раціоналистовъ и пантеистовъ, объясняющихъ характеръ Христа—не допуская въ Немъ божества.

1. Теорія унитаріевъ.

Полуневѣріе древнихъ соцініанъ и новѣйшихъ унитаріевъ отличается поразительною непоследовательностію. Допуская

безпорочное совершенство характера Христова и принимая достовѣрность евангельской исторіи, за исключеніемъ чудесъ, и въ то же время отвергая присутствіе Божества во Христѣ, унитаріи должны, или обвинить Его за такія ненормальныя, преувеличенныя мечтанія, что окончательно уничтожаетъ всякое дальнѣйшее признаніе въ Его характерѣ нравственнаго совершенства, или должны свидѣтельство Христа о Его отношеніи къ Богу ослабить и извратить до такой степени, что оно сдѣлается абсолютно непримиримымъ ни съ правилами грамматики, ни съ требованіями здраваго трезваго толкованія.

Докторъ *В. К. Ханнингъ*, даровитѣйшій защитникъ новѣйшаго унитаріанизма, предпочитаетъ за лучшее обойти трудности, которыхъ онъ не въ состояніи разрѣшить. Въ своемъ извѣстномъ трактатѣ «О характерѣ Христа», оправдывая и защищая Христа, какъ дивнаго, самаго чистаго и необычайнаго человѣка, онъ рассуждаетъ почти такъ же хорошо, какъ какой-нибудь православный богословъ; но останавливается на половинѣ дороги, и умалчиваетъ о всѣхъ тѣхъ необыкновенныхъ изрѣченіяхъ Иисуса, которыя по чисто гуманистскимъ и соцініанскимъ принципамъ необъяснимы. Онъ достигаетъ иногда даже порога къ истинной вѣрѣ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго достопримѣчательнаго мѣста, которое мы считаемъ себя вправѣ процитовать, противъ его собственной системы: «Я признаюсь, говоритъ Ханнингъ, что еслибъ я былъ въ состояніи освободиться отъ мертвящей силы привычки, и допустилъ бы подѣйствовать на себя полному значенію слѣдующихъ напр. мѣстъ: «придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я дамъ вамъ покой... Я пришелъ взыскать и спасти погибшее: всякаго, кто исповѣдаетъ Меня предъ людьми, исповѣдаю и Я предъ Отцемъ Моимъ небеснымъ; а кто отречется отъ Меня предъ людьми, отречется отъ того и Сынъ Человѣческій, когда придетъ въ славѣ Отца своего, и святые ангелы съ Нимъ... Въ домѣ Моего Отца много обителей; Я иду туда, чтобы приготовить вамъ мѣсто»,—я говорю, если мнѣ удастся живо представить предъ своею душею могущественное содержаніе этихъ мѣстъ, то я чувствую, что

прислушиваюсь къ такому существу, котораго никогда, ни прежде ни послѣ, не было, и которое никогда на человѣческомъ языкѣ такъ не говорило. Священный трепетъ обнимаетъ меня при чувствѣ величія, какое выражается въ этихъ простыхъ словахъ, и когда это величіе я привожу въ связь съ доказательствами чудесъ Христовыхъ, какъ я сдѣлалъ въ прежде появившемся своемъ трактатѣ, тогда я нахожусь вынужденнымъ воскликнуть вмѣстѣ съ сотникомъ: «воистинну зотъ былъ Сынъ Божій!» ⁷¹⁾.

Но это еще не все. Мы видѣли, что Христось идетъ гораздо далѣе, чѣмъ въ цитированныхъ мѣстахъ, именно: что Онъ своимъ именемъ прощаетъ грѣхи, что Онъ утверждаетъ свое существованіе прежде Авраама и прежде начала міра (не въ просто идеальномъ смыслѣ, въ духѣ Бога, потому что это не отличило бы Его отъ Авраама или какой-нибудь другой твари, но въ реальномъ смыслѣ самосознающаго личнаго бытія), что Онъ ясно выражаетъ право на божескія свойства и честь и получаетъ ихъ, и самого Себя дѣлаетъ равнымъ съ великимъ Іеговою. Какъ можетъ существо, столь чистое и святое, столь совершенное и кроткое, вполнѣ свободное отъ всякаго слѣда фанатизма и мечтаній, какъ такое существо, какъ Христось, можетъ выражать въ чемъ-нибудь притязаніе на то, чѣмъ оно не было дѣйствительно, что докторъ Ханнингъ самъ открыто и съ большою торжественностью признаетъ? Отчего же поэтому не послѣдовать воззванію языческаго сотника, не соединиться съ исповѣданіемъ Петра, и поклоненіемъ скептика Оомы, и не сказать: «Господь мой и Богъ мой»? ⁷²⁾.

Унитаріанизмъ слишкомъ много придаетъ своимъ окончательнымъ выводамъ, и принужденъ придти къ логической дилеммѣ: или впасть въ невѣрующую хринологию, или сблизиться съ правовѣрующими. Это хорошо, сознательно чувствовалъ Паркеръ, и пошелъ по первой дорогѣ. Но такой человѣкъ, какъ Ханнингъ, который по всей вѣроятности находился подъ вліяніемъ святаго образа Христова, не могъ колебаться въ своемъ выборѣ, какъ мы можемъ заключить изъ всего духа его сочиненій и изъ послѣдней его краткой рѣчи, которую онъ произ-

несъ предъ своею смертію въ Леноксѣ, въ Массачузетѣ, въ 1842 г., гдѣ онъ сказалъ: «ученіе о воплощенномъ Словѣ показываетъ намъ Бога, какъ Онъ искренно соединился съ нашею природою, и явился въ человѣческомъ образѣ, и насъ дѣлаетъ участниками своего собственнаго совершенства.

Ханнингъ склонялся къ извѣстному крайнему аріанизму, и готовъ былъ допустить въ Иисусѣ родъ полубожества, и отвергнуть Его предвѣчное существованіе до начала міра. Но въ этомъ заключается нелѣпое предположеніе существованія твари прежде творенія, временнаго существа прежде времени, которое сотворено было не до начала міра, но явилось вмѣстѣ съ міромъ, какъ форма его бытія.

II. Гипотеза обмана. Реймарусъ.

Невѣріе враговъ христіанства, которое отрицаетъ все сверхъестественное и чудесное, конечно логичнѣе, чѣмъ полуневѣріе, но совершенно неосновательно въ своихъ предположеніяхъ. Оно ищетъ себѣ опоры или *въ обманъ*, или *фанатизмъ*, или *поэтической фикціи*. Для невѣрія это—единственно возможныя гипотезы, и послѣ ихъ опроверженія для него неостается ничего другаго, кромѣ абсолютнаго скептицизма, который отказывается отъ рѣшенія проблемы, и оканчивается нигилизмомъ и отчаяніемъ, или же возвращается къ древней достославной вѣрѣ христіанской Церкви всѣхъ временъ.

Реймарусово предположеніе обмана возмущаетъ всякое нравственное чувство и всякій здравый смыслъ до такой степени, что одного упоминанія объ немъ достаточно уже для его осужденія. Гипотеза обмана никогда серьезно не была проведена, и ни одинъ изъ ученыхъ, сохраняя чувство приличія, достоинства и самоуваженія, до нынѣ не рискнулъ открыто ее признать ⁷³⁾. Какимъ образомъ, обманщикъ, т. е. коварный, своекорыстный, развращенный человѣкъ, какимъ образомъ, спрашиваемъ мы отъ имени всего, что называется логикой, здравымъ человѣческимъ смысломъ и опытомъ, могъ онъ приобрести благороднѣйшій характеръ, какой только извѣстенъ въ исторіи, и отъ начала до конца выдержать, сохраняя совер-

шеннѣйшій свѣтъ истины и дѣйствительности? Какъ могъ онъ, вопреки сильнѣйшимъ предразсудкамъ своего народа и своего времени, создать и выполнить планъ, который по своей всеобъемлющей пользѣ и благодѣтельной удобопримѣнимости, по своему нравственному величію и превосходству, не имѣеть ничего себѣ подобнаго,—какъ, опять спрашиваемъ мы, онъ могъ создать и выполнить такой планъ и, мало того, пожертвовать даже за него своею жизнію?

Трудность предположенія обмана нисколько не уменьшится и тогда, когда упрекъ въ обманѣ будетъ снятъ со Христа, и перенесенъ на *апостоловъ* и *евангелистовъ*, потому что эти люди были всѣмъ, только никакъ не были пронырливыми льстецами и обманщиками; произведенія ихъ оставляютъ въ душѣ каждаго безпристрастнаго читателя такое неизгладимое, непреодолимое впечатлѣніе по своей неизысканной простотѣ и честности, какого рѣдко,—высшую степень котораго совсѣмъ напрасно, мы можемъ ожидать отъ произведенія какого-нибудь ученаго или неученаго писателя древняго или новѣйшаго времени. Что во всемъ мірѣ могло внушить имъ составленіе такого безбожнаго плана, когда они знали, что ихъ до самой смерти повсюду будутъ преслѣдовать? Какъ они могли образовать такой планъ, и успѣшно осуществлять его, стремясь къ выполненію заданной цѣли,—какъ они могли успѣшно осуществлять его, никогда не выходя изъ принятой роли, и никогда не обличая себя противорѣчіями ни на словахъ, ни на дѣлѣ?

Или кто можетъ также хотя на одно мгновеніе повѣрить, что въ теченіе этихъ осмнадцати столѣтій христіанская Церковь, обнимающая весь настоящій цивилизованный міръ, и въ своихъ нѣдрахъ заключающая и сильнѣйшіе умы и благороднѣйшія сердца, величайшихъ богослововъ, философовъ, поэтовъ, ораторовъ, государственныхъ людей и благодѣтелей человѣческаго рода, допустила бы галилейскому плотнику или двѣнадцати неученымъ рыбакамъ провести и обмануть себя? Поистинѣ, этотъ простѣйшій низкій видъ, въ которомъ является невѣріе, заключаетъ въ себѣ самое грубое оскорбленіе для всякаго здраваго смысла и достоинства человѣческой природы.

III. Объясненіе, выводимое изъ предположенія мечтательности или самообольщенія.

Представлять Иисуса Христа самообольщеннымъ мечтателемъ — хотя дѣло менѣе дикое, но все-таки неразумное: постоянная ясность, спокойствіе, самообладаніе, скромность, достоинство и терпѣніе Христа — это такія свойства, которыя представляютъ радикальную противоположность тому, что составляетъ отличительный признакъ мечтателя. Иудей того времени, который въ фанатической мечтательности вообразилъ бы себя Мессіей и Сыномъ Божиимъ, вмѣсто того, чтобы противостоятъ видамъ и намѣреніямъ народа, и не давать пищи всѣмъ временнымъ надеждамъ своихъ соотечественниковъ, навѣрное выступилъ бы, какъ позже Варъ-Кохэбъ, во главѣ возстанія противъ ненавистнаго деспотизма римлянъ, и попытался бы возстановить земное царство. Мечтательность, которая въ данномъ случаѣ должна граничить съ сумасшествіемъ, вмѣсто того, чтобы спокойно и терпѣливо сносить ожесточенную оппозицію вождей народа, выразилась бы въ бурной страсти, и разрѣшилась бы въ необдуманныхъ дѣйствіяхъ.

Духовное существо Христа на самомъ дѣлѣ удивительно. Онъ никогда не заблуждался въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ и вещахъ; никогда не обманывался внѣшнимъ видомъ; Онъ видѣлъ человѣка насквозь; Его взоръ всегда проникалъ во всѣ тайныя движенія сердца; Онъ никогда не ставилъ ненужныхъ вопросовъ, и никогда не давалъ неполныхъ, уклончивыхъ отвѣтовъ, но всегда давалъ такіе отвѣты, лучше которыхъ ничего нельзя ни придумать, ни выразить. Какъ часто однимъ словомъ Онъ заставлялъ молчать своихъ софистическихъ ораторовъ, придирчивыхъ и хитрыхъ священниковъ и книжниковъ, — словомъ, которое какъ гвоздь вонзалось имъ въ голову, или какъ молнія озаряла ихъ совѣсть, или же благоразумно обходилъ сѣти, которыя раставлялись для Него. Когда фарисеи и продіане спросили Христа: «слѣдуетъ ли давать дань римскому императору», имѣя при этомъ злое намѣреніе запутать Его въ политической споръ партій того времени, Онъ,

прозрѣвъ ихъ злобу, потребовалъ монету съ изображеніемъ римскаго императора и сказалъ: «воздавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу»,—произнесъ такія слова, которыя разрушаютъ всѣ трудные вопросы отношеній между Церковію и государствомъ,—слова, которыя можно назвать мудрѣйшимъ отвѣтомъ, который когда-нибудь давалъ человѣкъ. Когда саддукеи, отрицавшіе воскресеніе мертвыхъ, предложили Христу озадачивающій съ перваго раза вопросъ о брачныхъ отношеніяхъ въ загробной жизни, Онъ рѣшилъ казавшуюся для Его противниковъ трудность тѣмъ, что лишилъ ее почвы, на которой она утверждалась, сославшись прямо на ту часть ветхаго завета, которая не подвергалась ихъ сомнѣнію, и сказалъ: «о воскресеніи мертвыхъ не читали ли вы реченнаго вамъ Богомъ: Я Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Іакова? Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ» (Мѡ. 22, 31. 32. Сн. Исх. 3, 6). Этимъ краткимъ объясненіемъ Онъ раскрылъ глубокой смыслъ, сокрытый въ имени Бога, смыслъ, какого никто прежде никогда не видѣлъ въ немъ, и который однако, разъ обнаруженный, былъ такъ ясенъ и очевиденъ, что сами саддукеи принуждены были замолчать, а толпа изумлялась. И когда лицемеры—святоши по поводу нарушительницы супружеской вѣрности надѣялись поставить Христа въ противорѣчіе съ строгостью закона, Онъ отдалъ это дѣло на судъ ихъ собственной совѣсти словами: «кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ пусть первый броситъ камень на нее», и они, «будучи обличаемы совѣстью, стали уходить одинъ за другимъ, начавая отъ старшихъ до послѣднихъ» (Іоан. 8, 6—9). Въ смущеніи Христосъ никогда не терялъ душевнаго равновѣсія, ясности взора; ни одно изъ Его выраженій никогда не оскорбило самаго совершеннаго, тонкаго вкуса.

Ужели такой духъ, ясный какъ небо, живительный какъ воздухъ, острый и пронизательный какъ обоюдоострый мечъ, вполне здравый и мощный, всегда вѣрный самому себѣ, —ужели, спрашиваемъ мы, такой дивный духъ способенъ къ такому глубокому и роковому обольщенію на счетъ своего призванія? Пошлая, нелѣпая бредня!

Послушаемъ, что говорить самый замѣчательнѣйшій изъ унитаріевъ объ этой гипотезѣ. Докторъ Ханнингъ говорить: «упрекъ въ безумномъ самообольщенномъ мечтательствѣ есть послѣдній упрекъ, который направляютъ противъ Иисуса. Но гдѣ въ исторіи Иисуса мы находимъ хотя слѣды этого мечтательства? Ужели откроемъ мы его въ спокойномъ авторитетѣ Его предписаній, въ кроткомъ, благодѣтельномъ духѣ Его религіи, въ неизысканной простотѣ Его языка, простотѣ, въ которой Онъ раскрывалъ высокія дарованія и возвышенныя религіозныя истины? Или, быть можетъ, мы найдемъ его въ здоровомъ разсудкѣ, въ глубокомъ знаніи людей различныхъ классовъ, съ которыми Онъ входилъ въ соприкосновеніе, въ знаніи, которое Онъ обнаруживалъ вездѣ въ своихъ сужденіяхъ, и оцѣнкѣ ихъ? Не отыщемъ ли мы мечтательности въ тѣхъ дивныхъ выраженіяхъ, гдѣ Христосъ, говоря о своемъ правѣ и своей власти въ томъ мірѣ, устремлялъ сердца людей къ небу? Не встрѣтимъ ли Его мечтательности въ томъ фактѣ, что Самъ Онъ никогда рабски не предавался своей мечтѣ, и воображеніе своихъ учениковъ не воспламенялъ заманчивыми, живыми образами или подробными описаніями невидимой жизни? Дѣйствительно въ характерѣ Иисуса необыкновенно то, что Онъ отличался болѣе, чѣмъ простымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ. Эта черта проходитъ и чрезъ всѣ остальные превосходства Его характера. Какъ спокойно было Христово благочестіе! Укажите мнѣ, если можете, хотя одно запальчивое страстное выраженіе Его религіознаго чувства. Сердечная Его молитва дышетъ ли когда-нибудь лихорадочнымъ мечтательствомъ?... Самое благожеланіе Христа, при всей своей серьезности и глубинѣ, было скромно и спокойно. Въ своемъ состраданіи къ другимъ Онъ никогда не терялъ самообладанія, и никогда не увлекался до нетерпѣливыхъ поспѣшныхъ предприятий энтузіастической филантропіи, но дѣлалъ добро съ спокойствіемъ и величіемъ, свойственными Божественному предвѣднію ⁷⁴).

IV. Раціоналистическое объясненіе доктора Паулюса.

Защитники этой теоріи могутъ на все соглашаться, но при этомъ обвиняютъ однако въ обманѣ *учениковъ* Христа, которые Его характеромъ, Его словами и дѣлами были ослѣплены до того, что необыкновеннаго мужа приняли за Божественное существо, и необыкновенное медицинское леченіе считали за сверхъестественное дѣло, за чудеса.

Это — мнѣніе древняго нѣмецкаго раціонализма ⁷⁵). Онъ образуетъ параллель языческому раціонализму Эвгемера изъ киринейской школы, который боговъ греческой міеологіи считаетъ человѣческими существами, героями, царями и тиранами, которые приобрѣли себѣ божескую честь и поклоненіе потомства высшими познаніями или великими дѣлами ⁷⁶).

Это раціоналистическое объясненіе, впервые приложенное къ чудесамъ ветхаго завѣта Эйхгорномъ и другими, нашло полное свое развитіе и примѣненіе къ евангельской исторіи, украшенное необыкновенною ученостію и остроуміемъ, у покойнаго гейдельбергскаго профессора *Г. Е. Г. Паулюса* ⁷⁷). Этотъ нѣмецкій Эвгемеръ евангельскую исторію принимаетъ за дѣйствительную исторію, но объясняетъ ее при помощи критическаго разграниченія того, что онъ называетъ *фактами*, и того, что онъ считаетъ *намѣреніемъ и мнѣніемъ* дѣйствующаго или рассказывающаго лица; какъ факты, такъ и эти намѣренія и мнѣнія Паулюсъ объясняетъ естественными причинами, и считаетъ ихъ явленіями слишкомъ обыкновенными. Другими словами: сверхъестественныя событія, о которыхъ рассказываютъ евангелисты съ чистосердечною вѣрою, суть ошибочное пониманіе и невинныя историческія преувеличенія обыкновенныхъ фактовъ, не выходящихъ изъ области законовъ природы. Иногда погрѣшность зависитъ просто отъ читателя или толкователя, и такъ называемое чудо снимаетъ съ себя покровъ чудеснаго, и оказывается просто ошибкой перевода, какъ напр. хожденіе Христа *ἐπὶ τῆς Θαλάσσης* (Мѡ. 14, 25) ничего болѣе не означаетъ, какъ хожденіе Его *по берегу моря* или *высокомъ берегу моря*. Это, конечно очень легкое и есте-

ственное дѣло.—приписывается чуду хожденія *по морю* или *по водамъ моря* ⁷⁸).

Это объясненіе, при всемъ желаніи автора сдѣлать его «естественнымъ», на дѣлѣ становится неестественнымъ, и не обходитъ безчисленныхъ погрѣшностей противъ связи рѣчи, правилъ герминевтики и здраваго человѣческаго смысла.

Чтобы доказать это, мы считаемъ необходимымъ привести только нѣсколько примѣровъ изъ экзегетики доктора Паулюса и его школы. Слава Господа, въ ночь Его рожденія озарившая виледемскихъ пастуховъ, была не иное что, какъ *ignis fatuus*, или метеоръ, или даже можетъ быть фонарь, который свѣтилъ имъ въ глаза. Чудо при крещеніи Христа легко объясняется явленіемъ молніи и грома, и внезапнымъ исчезновеніемъ громовыхъ тучъ. Искусителемъ въ пустынь былъ хитрый фарисей, и евангелистами только по ошибкѣ былъ принятъ за діавола, котораго совсѣмъ нигдѣ не существуетъ, развѣ только въ воображеніи суевѣрныхъ людей. Мнимыя чудесныя исцѣленія Спасителя при тщательнѣйшемъ разсмотрѣніи оказываются простыми дѣлами человѣческой любви, или врачевнымъ искусствомъ, или счастливымъ случаемъ; такъ исцѣленіе слѣпаго совершилось при помощи дѣйствительной глазной мази,— обстоятельство, которое не было замѣчено охотниками до чудесъ свидѣтелями—очевидцами. Монету для взноса дани Петръ нашель не во рту рыбы, а выручилъ продажей рыбы на базарѣ. Превращеніе воды въ вино было невинною и благонамѣренною свадебною шуткою, и въ обманѣ общества при внезапномъ появленіи вина, о которомъ ученики напередъ позаботились, должна пасть вина на сумерки, а не на Христа. Чудесное насыщеніе пяти тысячъ народа легко объясняется допущеніемъ скрытыхъ запасовъ, или съѣстныхъ припасовъ, принесенныхъ народомъ съ собою въ карманахъ: Иисусъ же, какъ истинный другъ человѣчества, убѣдилъ богатыхъ удѣлить изъ своихъ избытковъ бѣднымъ. Дочь Гаира, нанпскій юноша, Лазарь и самъ Иисусъ воскресли не отъ дѣйствительной, а просто отъ мнимой смерти или обморока, и ангелы на гробѣ Спасителя были ни болѣе ни менѣе, какъ бѣлые полотнятыя

платки, принятые женами за небесныя существа. Наконецъ, и вознесеніе Господа на небо есть не что иное, какъ внезапное Его исчезновеніе за облаками, которыя случайно встали между Нимъ и Его учениками!

И этимъ самымъ евангелистамъ, которые были лишены обыкновеннаго дара наблюденія и даже здраваго человѣческаго смысла, удалось начертить характеръ, и написать исторію, которая затемняетъ собою произведенія самыхъ спѣсивыхъ историковъ, и въ продолженіи восемнадцати столѣтій на все христіанство производило непреодолимую прелесть очарованія! Нѣтъ дѣйствительно ничего удивительнаго въ томъ, что подобныя нелѣпости заблуждающейся, сбившейся съ толку учености и во зло употребленнаго остроумія едва переживали своихъ виновниковъ. Рѣшительная заслуга Штрауса состоитъ въ томъ, что онъ своимъ обширнѣйшимъ сочиненіемъ «Жизнь Иисуса» совершенно уничтожилъ работу своего предшественника,—и нанесъ ему ученымъ путемъ смертельный ударъ. Но и его собственную теорію постигнуть не лучшая участь. Равнымъ образомъ и Ренанъ въ своемъ трактатѣ «о критическихъ исторіографахъ Иисуса» съ полнымъ презрѣніемъ говорить объ этой «глупой экзегетикѣ», объ этомъ «жалкомъ методѣ толкованія,—толкованія, составленнаго изъ хитросплетеній,—и основывающагося на механическомъ примѣненіи нѣсколькихъ случайностей, какъ напр. экстазъ, молнія, громъ облака и под.»... Онъ говоритъ: «такъ называемое раціоналистическое толкованіе могло удовлетворять первому смѣлому требованію человѣческаго духа, когда онъ вступитъ въ запрещенную область разсудка; но это не могло долго продолжаться: нужно было ожидать, что опытъ скоро раскроетъ непростительные недостатки, сухость и невѣжество. Никогда лучше не осуществлялась остроумная аллегорія о дочеряхъ Миноса, которыя за свою острую критику народныхъ религіозныхъ вѣрованій превратились въ летучихъ мышей. Въ невѣжественномъ разрываніи легенды на ея части заключается столько же наивности и легкомыслія, и гораздо менѣ поэзіи, чѣмъ въ допущеніи цѣлой неразорванной легенды»⁷⁹). Такимъ

образомъ одинъ невѣрующій опровергаетъ другаго, и этимъ самымъ подводитъ мины подъ свою собственную систему.

V. Теорія поэтического творчества (фикціи).

Послѣдняя теорія, пытающаяся объяснить жизнь Иисуса Христа изъ идей поэтического творчества, выразилась въ двухъ формахъ: *миѳической* и *легендарной*. Первая основывается главнымъ образомъ на древнемъ миѳическомъ изображеніи языческихъ боговъ и полу-боговъ; послѣдняя — на средневѣковыхъ легендахъ о христіанскихъ мученикахъ и святыхъ.

Миѳическая гипотеза есть произведеніе *Давида Фридриха Штрауса*, и носитъ на себѣ печать терпѣливаго изслѣдованія и солидности, свойственныхъ нѣмецкому ученому, а легендарная гипотеза изобрѣтена *Иосифомъ Эрнестомъ Ренаномъ*, и проведена имъ съ блескомъ, щегольствомъ и легкомысліемъ, отличающими парижскаго беллетриста. Первая изъ нихъ написана для ученыхъ, а другая для народа; первая утверждаетъ на философскомъ основаніи спекулятивнаго или логическаго мышленія; послѣдняя составляетъ плодъ сантиментальной и поэтической фантазіи. «*Leben Jesu*» Штрауса такъ относится къ Ренановой «*Vié de Jésus*», какъ тяжелые доспѣхи средневѣковаго рыцаря къ парадному, праздничному мундиру солдата новѣйшаго времени, или какъ шестидесятифунтовая гиря въ хлопущкѣ, или какъ мѣдная статуя къ разукрашенной восковой фигурѣ; но обѣ гипотезы существенно выходятъ изъ однихъ и тѣхъ же натуралистическихъ предположеній, и приходятъ къ одному и тому же заключительному выводу. Обѣ теоріи съ одинаковою ненавистью относятся къ удивительнымъ, сверхъестественнымъ явленіямъ въ жизни Иисуса, и отъ живаго евангельскаго Иисуса оставляютъ одну только прозрачную тѣнь, одно *corpus mortuum*.

A) Миѳическая теорія Штрауса.

Докторъ Штраусъ написалъ два сочиненія о жизни Иисуса: одно обширнѣйшее назначено для ученыхъ, и впервые яви-

лось въ 1835 г., въ двухъ томахъ; другое небольшое, въ одномъ томѣ, предназначенное для народа, вышло въ 1864 г. ⁸⁰). Въ томъ и въ другомъ онъ, съ несущественными измѣненіями, проводитъ одну и ту же теорію. Первое изъ этихъ произведеній, безъ сомнѣнія, есть самое искусное и серьезное сочиненіе изъ всѣхъ когда-нибудь написанныхъ противъ христіанства, и представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ богатый магазинъ всѣхъ старыхъ аргументовъ невѣрія, направленныхъ противъ истинности и достовѣрности евангельской исторіи. Поэтому оно заслуживаетъ серьезнѣйшаго, чѣмъ какое нибудь другое сочиненіе, разбора и опроверженія. Штраусъ нашелъ себѣ краснорѣчиваго защитника въ странствующемъ геніи и сбившемся съ толку филантропѣ *Теодорѣ Паркерѣ*, который, подобно блестящему метеору, показался на американскомъ небосклонѣ, чтобы затѣмъ безслѣдно исчезнуть въ чужой странѣ ⁸¹).

Что уже Габлеръ, Фатеръ, де Ветте и другіе критики сдѣлали съ чудесами ветхаго завѣта и съ нѣкоторыми частями новаго, то Штраусъ выполнилъ по отношенію ко всей жизни Иисуса. Какъ по способу происхожденія, такъ и по дѣйствительности, онъ ставитъ евангельскую исторію на одну доску съ древними мифологіями грековъ и римлянъ.

Подъ *миѳомъ* мы понимаемъ представленіе религіозной идеи или истины въ формѣ вымышленнаго разсказа, и въ этомъ отношеніи онъ похожъ на басню и притчу, но отличается отъ нихъ бессознательнымъ смѣшеніемъ идеи съ фактомъ. Басня есть вымышленная исторія, основанная на очевидной невозможности, и (какъ напр. вымышленные говорящіе звѣри и под.) выдуманная съ цѣлью вывести какое-нибудь нравственное ученіе или правило благоразумія для читателя. Притча также есть съ намѣреніемъ выдуманная, но основанная на возможности, исторія, и потому по внутреннему своему характеру есть истинная исторія, имѣющая цѣлью освѣтить отвлеченную истину. Источники, изъ которыхъ миѳы берутъ свое начало, остаются въ неизвѣстности, и миѳъ образуется и развивается безъ размышленія, и съ самой простой увѣренностью, что разсказанная исторія дѣйствительно слу-

чилась. Способность къ образованію мифовъ—это, предварительно замѣтимъ, самый краснорѣчивый аргументъ противъ штраусовской теоріи—предлагаетъ *дѣтскій* возрастъ челоѣческаго общества, когда оно еще совершенно чуждо размышленія и критики. Эта способность работаетъ подобно дѣтской фантазіи, которая забавляется исторіями, изобрѣтаетъ исторіи, и вѣрить своимъ собственнымъ исторіямъ, не возвышаясь до малѣйшей недовѣрчивости или сомнѣнія, не задаваясь вопросами объ истинности или невѣроятности вымышленной исторіи. Въ такомъ видѣ, по теоріи нѣкоторыхъ знаменитыхъ ученыхъ, какъ напр. нѣмца Готфрида Мюллера, или англійскаго историка Грота, зародилась и развивалась греческая мифологія, какъ самородное растеніе и изобрѣтеніе дѣтской фантазіи, которая воздухъ и море, горы и долины, дерево и кустарникъ населила божествами, будучи вполне увѣрена въ дѣйствительности ихъ существованія. Тоже самое мы можемъ видѣть и въ весьма многихъ средневѣковыхъ христіанскихъ легендахъ, оставляя въ сторонѣ подлогъ и намѣренный обманъ, съ тѣмъ между прочимъ различіемъ, что легенды о мученикахъ и святыхъ въ большинствѣ случаевъ имѣютъ свое основаніе въ психологическомъ состояніи, или въ историческомъ фактѣ. Остальное—или невинная выдумка наивныхъ душъ, или *pia fraus* монаховъ и духовенства.

Штраусъ не отрицаетъ совершенно историческаго существованія Христа, какъ это дѣлается невѣжественными или злонамѣренными философами, и соглашается даже съ тѣмъ, что Онъ былъ религіозный геній первой величины. Но посредствомъ своихъ пантеистическихъ и натуралистическихъ предположеній и холоднаго процесса самаго придирчиваго критическаго анализа, при помощи которыхъ онъ думаетъ освѣтить противорѣчающія свидѣтельства очевидцевъ, онъ разрѣшаетъ всѣ сверхъестественныя и удивительныя явленія въ лицѣ Христа и въ Его исторіи, начиная съ Его рожденія, и оканчивая воскресеніемъ Его изъ мертвыхъ и вознесеніемъ на небо; онъ объясняетъ ихъ мифами или фантастическими предъставленіями религіозныхъ идей въ формѣ событія, которому,

какъ дѣйствительно случившемуся, искренно повѣрили авторы евангельской исторіи. Идеи, которыя символизируются въ разсказанныхъ фактахъ, особенно идея существеннаго соединенія Божества съ человѣчествомъ, въ своемъ примѣненіи къ человѣчеству вообще допускаются *in abstracto* какъ истинныя; но *in concreto*, или въ своемъ приложеніи къ отдѣльному лицу отрицаются. Авторство евангельскихъ мнѣевъ приписывается первому христіанскому обществу, которое, будучи сильно возбуждено къ высокому геройскому служенію іудейскими ожиданіями Мессіи, явившуюся необыкновенную личность Іисуса изъ Назарета приняло за обѣщаннаго Мессію, и въ теченіи тридцати или сорока лѣтъ послѣ Его смерти окружило и украсило Его невинными вымыслами чудесъ, о которыхъ говорится въ Евангеліяхъ. Всю эту теорію можно выразить въ слѣдующемъ силлогизмѣ: въ духѣ іудеевъ была господствующая идея, питавшаяся ветхозавѣтными писаніями, была идея того, что Мессія сотворитъ извѣстныя чудеса — будетъ исцѣлять больныхъ, воскрешать мертвыхъ и под.; ученики Іисуса были твердо увѣрены въ томъ, что Онъ дѣйствительно есть обѣщанный Мессія: слѣдовательно, Онъ долженъ совершить эти чудеса, а мнѣически настроенная способность инстинктивно изобрѣла и приписала ихъ Ему.

Въ выполненіи своей задачи Штраусъ прибѣгаетъ въ одно и то же время ко всѣмъ затрудненіямъ и возраженіямъ, которыя возбуждало противъ достовѣрности евангельской исторіи остроуміе невѣрующихъ разныхъ противоположныхъ философскихъ тенденцій, начиная съ Цельса и Порфірія, и оканчивая Реймарусомъ и Паулюсомъ; ради риторическаго эффекта онъ мастерски группируетъ ихъ; самыя запутанныя подробности излагаетъ съ удивительною ясностію; въ своей атакѣ онъ переходитъ отъ положительнаго утвержденія къ осторожному намеку, наконецъ соединяетъ всѣ силы для рѣшительнаго нападенія на крѣпость, которую врата адавы не одолѣютъ.

Мы разберемъ теорію Штрауса въ ея главныхъ положеніяхъ, на которыхъ она утверждается, и съ которыми падаетъ.

Во первыхъ, *философское* основаніе, на которомъ, какъ мы

сказали, опирается мнѣшечная гипотеза, состоитъ въ утверждаемой невозможности чуда, невозможности, которая коренится въ пантеистическомъ отрицаніи личнаго Бога, всемогущаго Творца неба и земли. Но этотъ основной принципъ заключается въ себѣ одно лишь голое предположеніе, къ доказательству котораго авторъ не сдѣлалъ даже ни одной попытки. Все это сочиненіе по своей философской подкладкѣ есть *petitio principii*, и прямо предполагаетъ вопросъ, задача котораго прежде всего другаго должна быть преимущественно рѣшена въ предисловіи. Какъ ни хвалится онъ своей свободой отъ догматической предзанятости, составляющей первое условіе для ученой біографіи Иисуса, однако начинаетъ прямо съ упорнаго предразсудка. Подобно Ренану, онъ ложно утверждаетъ, будто чудо есть прямое нарушеніе и уничтоженіе неизмѣнныхъ законовъ природы, и приводитъ въ беспорядокъ Богомъ установленное теченіе вещей. Но чудо характеризуется не такими свойствами; оно вполне есть проявленіе высшаго закона; оно только *сверхъестественно*, но *непротивъестественно*. Бушнелль въ своемъ классическомъ сочиненіи: «О природѣ и сверхъестественномъ» убѣдительно, по моему мнѣнію, доказалъ, что о нарушеніи естественныхъ законовъ природы мало можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ дѣйствуетъ Богъ, такъ какъ законы природы, по своимъ дѣлямъ будучи подчинены Божественному Провидѣнію, имъ управляются, видоизмѣняются и служатъ высшему царству человѣческаго духа. Законы природы не желѣзные цѣпи, которыми живой Богъ, такъ сказать, по рукамъ и по ногамъ связалъ себя,—какъ, кажется, представляютъ себѣ новѣйшіе натуралисты и матеріалисты, но это—эластичныя узы, которыя Онъ, по своей верховной волѣ, можетъ стягивать и растягивать.

Твореніе есть первое чудо; Всемогущій, вызвавшій міръ къ бытію, живетъ и теперь съ нѣсколькими неубывающей силой. Онъ есть Владыка природы, и можетъ открывать Себя въ своемъ царствѣ. Человѣкъ долженъ имѣть начало—даже по пантеистическому развитію теоріи гегельянско-штраусовской школы,—и его происхожденія нельзя объяснить посредствомъ низ-

шаго царства; оно можетъ быть объяснено только творческимъ актомъ. Какъ растение въ сравненіи съ камнемъ есть чудо, звѣрь опять большее чудо, чѣмъ растение, такъ человѣкъ долженъ быть большимъ чудомъ, чѣмъ неразумная тварь. Въ человѣкѣ далѣе есть духъ нематеріальный, по сравненію съ тѣломъ, духъ, заявляющій постоянно о своей высшей власти надъ природой. Если мы, по опредѣленію нашей воли, поднимаемъ руку, то законъ тяготѣнія на время теряетъ свою силу, или подчиняется высшему закону свободной дѣятельности, но не прекращается и не уничтожается. Всякая добродѣтель есть побѣда надъ природой (Римл. 7, 23), но отнюдь не уничтоженіе ея. Во всемъ этомъ, конечно, нѣтъ никакого въ собственномъ смыслѣ чуда, но тутъ разрѣшаются всѣ спекулятивные возраженія противъ чуда. Если человѣкъ можетъ дѣйствовать отвлѣчь на природу, и господствовать надъ нею, то почему же не гораздо болѣе можетъ дѣйствовать Богъ, независимый виновникъ и совершитель законовъ природы? Отъ этой аналогіи мы считаемъ себя въ правѣ идти далѣе.

Вѣра въ сверхъестественное вовсе не служитъ признакомъ слабого духа,—напротивъ она твердо содержится и раздѣляется сильными, замѣчательными умами всѣхъ націй и временъ. Св. Павелъ и Іоаннъ, бл. Августинъ и Златоустъ, Ансельмъ и Фома Аквинатъ, Лютеръ и Кальвинъ, Бэконъ и Ньютонъ, Паскаль и Гизо, Кеплеръ и Лейбницъ, Роте и Ланге, Эдвардсъ и Бушнелль—всѣ они единодушно стоятъ противъ Юма, Штрауса и Ренана, и представляютъ, чтобы не сказать болѣе, далеко сильнѣйшее основаніе въ пользу сверхъестественнаго, чѣмъ эти рыцари новѣйшаго натурализма; потому что все, что они противопоставляютъ вѣрѣ, которая такъ древня и такъ всеобща, какъ человѣческій родъ, состоитъ, конечно исключая давнымъ давно опровергнутыхъ аргументовъ Юма, изъ новыхъ апріористическихъ теорій и предположеній.

Это предубѣжденіе противъ чудесъ вполне исчезаетъ при встрѣчѣ съ чудодѣйственной силою Христа; *onus probandi* ложится на тѣхъ, которые держатся противоположной точки зрѣнія. Мы сказали, что Христосъ Самъ, въ сравненіи со

всѣми обыкновенными людьми, бывшими до Него и послѣ Него, есть чудо. Ученіе и жизнь Христа возвышаются не только надъ Его временемъ и націей, но и въ послѣдующее время не только никто не превзошелъ ихъ, но даже и не возвысился до нихъ.

Сами Штраусъ, Ренанъ и Паркеръ не могутъ отвергнуть этого факта, составляющаго чудо даже по пантеистической теоріи развитія, такъ какъ она требуетъ непрерывнаго прогресса и усовершенности человѣческаго рода. Чего же иного мы можемъ ожидать отъ такого удивительнаго лица, возвратителя жизни, виновника новаго нравственнаго творенія, основателя всеобщаго и вѣчнаго царства истины и правды, какъ не чудесныхъ дѣлъ, которыя такъ ясно утверждаются какъ Его собственными свидѣтельствами, такъ и свидѣтельствами Его учениковъ? Вѣрить въ *лице* Христа значитъ вѣрить въ Его *дѣла*, точно также какъ на вѣрѣ во всемогущаго Бога основывается вѣра въ твореніе, которое есть и останется первымъ и величайшимъ чудомъ и камнемъ преткнанія для натурализма. Кто отрицаетъ возможность чудесъ, тотъ отрицаетъ бытіе единаго живаго Бога и всемогущаго Творца.

Во вторыхъ, *критическое* основаніе теоріи миаа также непрочно, какъ и философское, и составляетъ самый слабый пунктъ въ сочиненіи Штрауса, котораго справедливо укорялъ даже его учитель Бауръ въ томъ, что онъ взялся критиковать евангельскую исторію, не подвергнувъ предварительно критику самое Евангеліе. Чтобы устранить необходимость предположенія, что Христосъ и апостолы были обманщики или обманутые, и чтобы предложить время, необходимое для образованія миаа, Штраусъ долженъ былъ допустить появленіе каноническихъ Евангелій почти на столѣтіе позже христіанства. Но Евангелія въ то время уже повсюду признавались за каноническія, и какъ такія употреблялись въ церковной практикѣ. Штраусъ долженъ идти здѣсь противъ многочисленнаго большинства патристическихъ свидѣтельствъ въ пользу апостольскаго происхожденія этихъ Евангелій; эти свидѣтельства своимъ числомъ и важностію далеко превосходятъ всѣ свидѣ-

тельства, какія могутъ быть приведены въ пользу какого-нибудь греческаго или римскаго классика. Чувствуя силу единодушнаго голоса христіанской древности и новѣйшихъ критическихъ изслѣдованій, Штраусъ порой готовъ былъ допустить подлинность Евангелія Іоанна; но когда увидѣлъ ничтожный результатъ этой уступки, онъ скоро опять призналъ и это Евангеліе подложнымъ, именно въ четвертомъ изданіи своего обширнѣйшаго сочиненія. Но въ пользу авторства Іоаннова свидѣтельствуютъ открытые древніе «Философумены» Ипполита, изъ которыхъ видно, что четвертое Евангеліе уже въ первой четверти втораго столѣтія было въ употребленіи даже у еретиковъ-гностиковъ. Весь споръ о происхожденіи и характерѣ каноническихъ Евангелій, споръ, въ который мы не желаемъ здѣсь входить подробно, со времени перваго появленія штраусовскаго сочиненія въ 1835 г., пережилъ шесть фазъ своего развитія, такъ что предположенія доктора Штрауса относительно необходимости предварительныхъ изслѣдованій объ истинной, научной біографіи Іисуса совершенно уже устарѣли. Что касается четвертаго Евангелія въ особенности, то, по настоящему состоянію спора, можно поставить единственную дилемму: истина или обманъ. Допущеніе безсознательнаго поэтическаго образованія міаа достигло своего предѣла въ послѣднемъ развитіи тюбингенскихъ критиковъ. Штраусъ допускаетъ въ этомъ случаѣ даже сознательный, намѣренный вымыселъ и философскую рефлексію, и доходитъ такимъ образомъ до крайностей безславной теоріи обмана ⁸²).

Но допустимъ, что четвертое Евангеліе подложно; если же мы отвергнемъ подлинность этого Евангелія, то все-таки остаются еще Дѣянія апостольскія и посланія Новаго Завѣта, подтверждающія всѣ основные факты жизни Христа, особенно чудо воскресенія, это величайшее дѣло, увѣнчавшее и запечатлѣвшее чудеса, чудо, безъ котораго апостольская церковь не могла бы и произойти. Самъ докторъ, Бауръ, который въ своей все-отрицающей и вмѣстѣ пересозидающей критикѣ зашелъ дальше, чѣмъ какой-нибудь другой скептикъ, и который большую часть новозавѣтныхъ книгъ заклеилъ именемъ

«тенденціозныхъ писаній», написанныхъ съ извѣстнымъ интересомъ спорившихъ партій и сектантовъ послѣапостольскаго времени, и наконецъ заключенныхъ въ систему древняго католицизма (теорія, которая, скажемъ мимоходомъ, совершенно несогласима съ безсознательнымъ миѳически — поэтическимъ происхожденіемъ Евангелій), — самъ докторъ Бауръ, говоримъ, признаетъ подлинность Апокалипсиса Св. Іоанна и четырехъ посланій ап. Павла, именно: къ римлянамъ (за исключеніемъ двухъ послѣднихъ главъ), къ коринѳянамъ и къ галатамъ, — признаетъ подлинными, происшедшими отъ апостоловъ писаніями. Этого довольно для нашей цѣли. Пожалуй, можно бы еще представить, что необразованный рыбакъ изъ Галилеи былъ такъ простъ и наивенъ, что изобрѣлъ исторію чудесъ, и выдалъ свои мечтанія за дѣйствительные факты. Но по отношенію къ Павлу это чисто психологически невозможно, — къ Павлу ученому, остроумному, проникательному, хорошо воспитанному діалектику — раввину и воспитаннику Гамалиила, къ Павлу, бывшему долгое время такимъ отъявленнымъ врагомъ христіанства. Какимъ образомъ могъ онъ, сильный и свѣтлый умъ, который можетъ помѣряться съ умомъ какого угодно древняго и новаго философа, рабски подчиниться поэтической фикціи, пустой мечтѣ той секты, которую онъ такъ фанатически, дыша убійствомъ, преслѣдовалъ, и какъ могъ онъ посвящать ей всѣ силы своей благородной жизни, которая сдѣлала его однимъ изъ величайшихъ благодѣтелей человѣчества?

Затрудненіе, представляющееся здѣсь невѣрующимъ біографамъ Іисуса, совершенно непреодолимо, и глава о воскресеніи Христа обнаруживаетъ самую слабую часть Штраусова сочиненія, гдѣ его гипотеза миѳа, дѣлающаяся здѣсь гипотезой мечты, вполнѣ разрушается. Штраусъ принужденъ даже допустить, что всѣ апостолы повѣрили воскресенію, и что только посредствомъ этой вѣры они могли отъ своего унынія послѣ смерти Іисуса подняться и перейти къ радости и энтузіазму, необходимымъ для распространенія Евангелія и основанія церкви, къ энтузіазму, пренебрегшему опасностями жизни. Но Штраусъ не могъ объяснить этого удивительнаго

перехода отъ страданія къ радости, наступившей уже на третій день послѣ смерти Иисуса. Тогда какъ онъ отрицаетъ чудо, и точно также отвергаетъ естественное объясненіе пробужденія отъ мнимой смерти, онъ прибѣгаетъ къ чисто психологическому воскресенію Христа въ мечтательной вѣрѣ учениковъ, включая сюда св. ап. Павла и тѣхъ, болѣе чѣмъ пять сотъ, которымъ Спаситель явился вмѣстѣ (1 Кор. 15, 6). Ужели пустой сонъ и фантастическій признакъ могли внезапно превратить самое печальное уныніе въ энтузіастическую радость, въ вѣру, завоевывающую міръ и притомъ у столь многихъ лицъ въ одно и то же время, и положить краеугольный камень для неразрушимаго зданія христіанской церкви! *Credat Judaeus Apella*. Если гдѣ нибудь, то здѣсь особенно мы должны склониться предъ непобѣдимую силу славнѣйшаго факта. Докторъ Бауръ, учитель Штрауса, и признанный учитель новѣйшей критической школы, хорошо чувствовалъ эту трудность, и въ заключеніе своего продолжительнаго и серьезнаго изученія почтительно признался, что обращеніе Павла составляетъ для него тайну, которая можетъ быть объяснена только «чудомъ воскресенія»⁸³). Эта замѣчательная уступка испровергаетъ все мифологическое зданіе. Если же допустить воскресеніе Христа, то и остальные чудеса не представляютъ болѣе никакой трудности.

Третье существенное заблужденіе гипотезы мифа состоитъ въ радикальномъ извращеніи естественнаго порядка и *отношенія между исторіей и поэзіей*, какъ это вообще бываетъ во всякомъ историческомъ времени, какимъ было и время, въ которое явился на землю Христосъ. Обыкновенно факты подають поводъ къ поемамъ, а не наоборотъ. Пророчества, какъ и ожиданія, могутъ отгвѣнять будущія событія; но они не могутъ создавать ихъ. Картины художника предшествуетъ реальный предметъ; прежде чѣмъ создается героическая поэма, долженъ явиться герой. «Путешествіе къ святымъ мѣстамъ пилигрима» Буньяна предполагаетъ христіанскій опытъ, который и создалъ эту прекрасную аллегорію. «Потерянный рай» Мильтона никогда не могъ породить вѣру въ паденіе чело-

вѣка, но самъ основывается на этой вѣрѣ и на томъ фактѣ, который онъ описываетъ со всею прелестью и блескомъ вдохновеннаго генія. Всѣ великіе перевороты въ мірѣ вызваны были не вымысленными лицами, но дѣйствительными, живыми людьми, сила которыхъ соотвѣтствовала ихъ вліянію. Американская и французская революціи въ XVIII, пуританская революція въ XVII, протестанская реформація въ XVI столѣтіяхъ, основаніе новыхъ, средневѣковыхъ и древнихъ царствъ, изобрѣтеніе искусствъ и открытіе новыхъ земель, — все это несомнѣнно и неперемѣнно связывается съ извѣстными историческими лицами, какъ виновниками или руководителями данныхъ событій.

Почему же христіанство, произведшее величайшій изъ всѣхъ нравственныхъ переворотовъ въ человѣческомъ родѣ, должно составлять исключеніе? Идеи безъ живыхъ людей, которые служатъ представителями и проводниками ихъ, суть тѣни и отвлеченности. Пантеистическая философія, на которой основывается критика Штрауса и Ренана, съ отрицаніемъ личнаго Бога, разрушаетъ вмѣстѣ собственное значеніе личности человѣка, и, оставаясь послѣдовательною, оканчиваетъ отрицаніемъ безсмертія души.

Но въ настоящемъ случаѣ трудность міеологической гипотезы значительно еще увеличивается тѣмъ, что евангельскую, допустимъ, поэму, по чистотѣ и превосходству стоящую безконечно высоко надъ всѣми древними міеологіями, создаетъ не такой могучій геній, какъ Гомеръ, но необразованная и относительно невѣжественная толпа.

Штраусъ предполагаетъ мессіанское общество въ какой-то *terra incognita*, вѣроятно въ самомъ центрѣ Палестины, — общество, которое, независимо отъ апостоловъ, спустя тридцать или сорокъ лѣтъ послѣ смерти Іисуса, выдумало евангельскую исторію. Но это чистый вздоръ, бредни ученаго мужа. Въ указанное время христіанство уже распространилось по всей римской имперіи, что ясно видно, какъ изъ посланій ап. Павла, такъ и изъ Дѣяній апостольскихъ, и всѣ христіанскія общества находились подъ руководствомъ, или самихъ апостоловъ,

или апостольскихъ мужей, которые были очевидцами фактовъ жизни Иисуса, и владѣли всѣмъ христіанскимъ преданіемъ. Кромѣ того, Евангелія, за исключеніемъ Евангелія Маттея, носятъ на себѣ не іудейско-христіанскій, а языческо-христіанскій характеръ, и написаны внѣ Палестины, на греческой или римской почвѣ, откуда открывается, что ихъ идеи распространились во всей римской имперіи, и должны были образовать часть первоначальнаго христіанства. Гипотеза миеа обрывается на половинѣ своей дороги, и находить себя вынужденною— апостоловъ сдѣлать ответственными за исторію, т. е. прямо ихъ обвинить въ обманѣ. Если Христось дѣйствительно не совершилъ ни одного чуда, то значить чудеса изобрѣли Его первые ученики, апостолы и евангелисты; иначе никакъ и не объяснить ихъ быстрого и всеобщаго распространенія и принятія ихъ христіанами изъ іудеевъ и язычниковъ на пространствѣ римской имперіи.

Но если мы допустимъ даже, что дѣйствительно существовало такое сформированное, центральное и притомъ самобытное миеическо-поэтическое общество во второмъ христіанскомъ поколѣннн, то остаются еще неразрѣшенными вопросы: какъ могло само по себѣ образоваться это мессіанское общество безъ Мессіи? Какъ могли увѣрять въ Иисуса Его ученики, не находя въ Немъ необходимыхъ признаковъ мессіанства? Если первое христіанское общество произвело Христа, то кто же послѣ этого произвелъ первыхъ христіанъ? Откуда явился у нихъ такой высокій идеаль? Мессіанскія надежды тогдашнихъ іудеевъ не были ль частными (національными), политическими и плотскими надеждами, стоявшими въ прямой противоположности тому, что проповѣдывалъ Христось? Слышали ли кто-нибудь о такой выдумкѣ, которая безсознательно была сочинена разнообразною, смѣшанною толпою, — о такой выдумкѣ, которая всѣми признавалась за дѣйствительную, фактическую исторію? Какимъ образомъ тѣ пятьсотъ лицъ, которымъ, какъ рассказывается, явился воскресшій Спаситель (1 Кор. 15, 6), въ одно и тоже время могли видѣть одинъ и тотъ же сонъ? Какъ они могли повѣрить этому сну, какъ до-

стовѣрной истинѣ, съ готовностью подвергнуть свою жизнь опасности? Какъ могла такая иллюзія устоять въ борьбѣ съ соединенною враждою іудейскаго и языческаго міра, и анализирующею критикою времени, въ борьбѣ не съ какою-нибудь дѣтски—простою, но съ высшею цивилизаціею и критическимъ изслѣдованіемъ, — именно, въ борьбѣ съ невѣріемъ и скептицизмомъ? Какъ странно, что неученые и неважные рыбаки, или еще гораздо болѣе — невѣжественные друзья и ученики Спасителя, а не философы и поэты классической Греціи и Рима, создали такую великую поэму, и изобразили такой характеръ, которому самъ Штраусъ отводитъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ религіозныхъ геніевъ и основателей религіозныхъ обществъ! Не гораздо ли лучше было бы для нихъ нарисовать для будущихъ поколѣній прикрашенный образъ какого-нибудь раввина, какъ напр. Гилмела или Фамилила, или кого-нибудь изъ пророковъ, напр. Илію или Іоанна крестителя, вмѣсто того, чтобы создавать образъ всеобщаго реформатора, превосходящаго всѣ національные и сектанскіе предѣлы?

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ поэты должны стоять выше изображаемаго ими героя. Іоаннъ Богословъ долженъ поэтому превосходить Иисуса, Котораго онъ представляетъ вочеловѣчившимся Богомъ. И вопреки всему этому наши скептики утверждаютъ однако, что этотъ герой есть самый чистый и величайшій изъ людей, которые когда-нибудь жили ⁸⁴⁾!

Далѣе, гдѣ въ евангельской исторіи можно указать слѣды пылкой фантазіи и миѳически-поэтического искусства? Напротивъ, не поразительно ли свободна она отъ всякихъ риторическихъ и поэтическихъ украшеній, отъ всякой примѣси субъективныхъ взглядовъ и чувствъ, даже тамъ, гдѣ выражаются симпатія, удивленіе и прославленіе? Священные писатели, очевидно, чувствовали, что ихъ исторія говорить сама за себя, и не можетъ быть прикрашена человѣческимъ искусствомъ и ловкостью. Ихъ разногласія, не касающіяся изображенія Христа въ сущности, а только частныхъ, отдѣльныхъ обстоятельствъ Его исторіи, доказываютъ отсутствіе всякаго тайнаго уговора, свидѣтельствуя о чистотѣ ихъ намѣренія, и подтверждаютъ

всеобщую достовѣрность ихъ показаній. На каждой своей страницѣ Евангелія носятъ печать несомнѣннаго происхожденія отъ апостоловъ, и заключаютъ въ себѣ непреодолимую прелесть для всякаго непредубѣжденнаго читателя. Евангельская исторія совершенно непосредственно, лицомъ къ лицу, говорить сама за себя, безъ примѣси собственныхъ разсужденій и субъективныхъ воззрѣній писателей. Немногочисленные, случайныя ссылки на географію, археологію и всемірную исторію служатъ только къ подтвержденію всеобщей достовѣрности евангельскихъ повѣствованій. Какъ рѣзко отличаются отъ настоящихъ Евангелій со всѣхъ этихъ сторонъ евангелія апокрифическія! Это поверхностныя, ребяческія, безвкусныя и безсвязныя произведенія больной религіозной фантазіи. Вотъ здѣсь-то, конечно, мы находимъ основаніе говорить о мнѣической или легендарной фкціи или прямо объ оболъщеніи и благочестивомъ обманѣ. Но эта-то именно противоположность и доказываетъ истину оригинальной исторіи, подобно тому, какъ фальшивая монета свидѣтельствуесть о находящейся на лицо настоящей монетѣ ⁸⁵).

По истинѣ евангельская исторія, не скрывавшаяся въ темныхъ уголкахъ (Дѣян: 26, 26), но открыто проповѣданная предъ глазами народа, предъ фарисеями и саддукеями, предъ Иродомъ и Пилатомъ, предъ іудеями и римлянами, предъ друзьями и врагами, въ Галлилеи, Іудеи и Самаріи, исторія, рассказанная непосредственными свидѣтелями и ихъ учениками съ такою искреннею честностью и простотою, среди бѣлаго дня проповѣданная отъ Іерусалима до Рима, принятая вѣрою тысячами іудеевъ и язычниковъ всѣхъ временъ, исторія, запечатлѣнная кровію апостоловъ, евангелистовъ и святыхъ изъ всѣхъ слоевъ общества и различныхъ степеней образованія, — эта исторія скрѣплена внѣшними и внутренними доказательствами гораздо больше, чѣмъ какая-нибудь другая исторія въ мірѣ.

Существованіе христіанской церкви съ ея непрерывной исторіей въ теченіи восемнадцати столѣтій есть неопроверженное свидѣтельство въ пользу евангельскаго Христа. Св. кре-

щеніе и св. евхаристія ежедневно свидѣтельствуютъ по всему міру о двухъ основныхъ христіанскихъ ученіяхъ: о св. Троицѣ и искупленіи нашихъ грѣховъ крестною жертвою. Штраусу хочется заставить насъ вѣрить въ потокъ безъ источника, въ домъ безъ фундамента, дѣйствіе безъ причины; потому что факты, которые онъ и Ренанъ считаютъ неоспоримыми, неудовлетворительны для того, чтобы хоть сколько-нибудь объяснить происхожденіе и прочность существованія христіанской церкви.

Таже самая отрицательная критика, которую Штраусъ при-мѣнилъ къ Евангеліямъ, съ одинаковою вѣроятностью уничтожила бы и самыя сильныя, предъ судомъ исторіи, свидѣтельства, и жизнь Сократа, Карла великаго или Лютера низвела бы на степень мифическихъ грезъ ⁸⁶).

Но скрытая причина этой строгой критики заключается въ пантеистическомъ или атеистическомъ отрицаціи личнаго, живаго Бога, которое обыкновенно всегда оканчивается отрицаніемъ личнаго безсмертія; потому что относительная личность человѣка зависитъ отъ самосознающей, самобытной, абсолютной личности Бога. Въ своихъ подробностяхъ мифологическая гипотеза такъ запутана и искусственна, что не можетъ быть проведена послѣдовательно. Она постоянно переступаетъ пограничную линію, которая отдѣляетъ мифъ отъ лжи, и въ критическихъ мѣстахъ, какъ напр. въ происхожденіи четвертаго Евангелія или въ чудѣ воскресенія, всегда приходитъ къ такой дилеммѣ: или признать истину, или придти къ низкой и постыдной гипотезѣ намѣреннаго обмана, — къ гипотезѣ, отъ которой теорія Штрауса, по собственному его утвержденію, отвращается съ ужасомъ и презрѣніемъ.

Эта дилемма еще яснѣе представится намъ, когда мы разсмотримъ новѣйшіе фазисы въ исторіи невѣрія, — разсмотримъ сочиненіе французскаго Штрауса.

В) Легендарная гипотеза Ренана.

Что касается популярности и мимолѣтныхъ впечатлѣній, то Ренанъ затмилъ всѣ, появившіяся до него, жизнеописанія

Христа. Его сочиненіе «Жизнь Иисуса», появившеся первымъ изданіемъ въ 1863 г., имѣло полный успѣхъ «сентиментальнаго романа» и, по всей вѣроятности, будетъ имѣть ту же участь спустя десять лѣтъ послѣ своего появленія ⁸⁷⁾. Мы не станемъ распространяться объ этомъ произведеніи, такъ какъ опроверженіе теоріи Штрауса есть вмѣстѣ опроверженіе и теоріи Ренана.

Въ сущности Ренанъ, какъ уже было нами замѣчено, сходится съ Штраусомъ, на котораго онъ ясно ссылается, какъ на свой главный авторитетъ въ дѣлѣ критическаго изслѣдованія обстоятельствъ и приведенія доказательствъ; но онъ очень справедливо замѣчаетъ, что выраженіе «миѳъ» лучше примѣнимо къ индійцамъ и древнимъ грекамъ, чѣмъ вообще къ преданіямъ евреевъ и семитическихъ народовъ; поэтому онъ и предпочитаетъ терминъ «легенда» или «легендарный рассказъ» — терминъ, который, открывая обширнѣйшее поле для свободы мнѣній, позволяетъ совершенно развиться дѣятельности и личному характеру Иисуса ⁸⁸⁾. Такой взглядъ ставитъ евангельскую исторію на одну доску съ исторіей св. Франциска и другихъ чудесныхъ святыхъ римской церкви, хотя Ренанъ, уже довольно непослѣдовательно, предпочитаетъ параллель между миѳомъ о своемъ любимцѣ, Шакья-Муни, основателѣ буддизма, и легендой объ Иисусѣ, что опять возвращаетъ его къ теоріи миѳа ⁸⁹⁾. Онъ рассматриваетъ такъ называемую легенду объ Иисусѣ, какъ плодъ великаго, совершенно произвольнаго заговора, который выполненъ былъ еще во время Его жизни. Ни одно великое историческое событіе не прошло безъ своего цикла басенъ, и Иисусъ, если бы даже и желалъ, не могъ заставить замолчать эти популярныя произведенія, какъ потребность выраженія народнаго духа ⁹⁰⁾. Впрочемъ, Ренанъ расходится съ Штраусомъ, допуская существенную подлинность главныхъ отдѣловъ четырехъ Евангелій, даже Иоаннова Евангелія, самаго спорнаго изъ всѣхъ Евангелій, — уступка, которая гибельна для его собственной теоріи настолько, насколько и для сродной съ нею миѳической теоріи; поэтому-то она и называется Штраусомъ существенною, основною ошибкою Ренана.

Вслѣдствіе этого Ренанъ оставляетъ неприкосновенною большую часть фактовъ изъ жизни Иисуса. Онъ предпринимаетъ нѣкоторымъ образомъ попытку воссозданія, и «туманный призракъ, сухой скелетъ миѣического Иисуса хочетъ облечь въ плоть и кровь».

Въ своемъ сочиненіи «О критическихъ исторіографахъ Иисуса» Ренанъ одобрительно цитируетъ слѣдующую замѣтку Коляни (Colani) противъ Штрауса: «Безъ сомнѣнія, апостолы, какъ скоро увѣровали въ мессіанскій характеръ Иисуса, къ заимствованнымъ у пророковъ чертамъ прибавили еще нѣсколько новыхъ къ своему дѣйствительному образу. Но какъ они могли придти къ вѣрѣ въ мессіанское достоинство Иисуса? Штраусъ этого не объяснилъ. Что онъ оставилъ изъ Евангелій, недостаточно для того, что можно было бы принять за основаніе для вѣры апостоловъ, и напрасна попытка приписать имъ склонность удовлетворяться самыми ничтожными доказательствами; доказательства вообще должны были быть очень сильны, чтобы побѣдить, возбужденное крестною смертію Иисуса, большое сомнѣніе. Другими словами: лице Христа должно нѣкоторымъ образомъ превзойти всякую обыкновенную мѣру, и большая часть евангельской исторіи должна быть истинна⁹¹). Кромѣ того, въ «Жизни Иисуса» Ренана находятся мѣста, поистинѣ краснорѣчиво свидѣтельствующія о поэтически-энтузіастическомъ почтеніи къ Иисусу, — обстоятельство, которое должно, или опровергнуть всю его легендарную гипотезу, или разрѣшиться въ пустую декламацию.

Такимъ образомъ на это произведеніе французскаго новеллиста мы можемъ смотрѣть, какъ на улучшенное изданіе нѣмецкаго автора, и видѣть въ немъ возрѣніе въ скептическомъ мірѣ на пути къ признанію истины.

Но между тѣмъ какъ Ренанъ, опираясь на свой ясный и здравый умъ, на живое французское воображеніе и свѣжее обзорѣніе священной земли, которую онъ называетъ «пятымъ евангеліемъ», превосходитъ Штрауса своимъ почитаніемъ историческаго характера евангельскихъ свидѣтельствъ, онъ равняется съ Штраусомъ въ своей враждѣ ко всѣмъ чудесамъ,

которыя, по его легкомысленному утверженію, «всегда имѣютъ своимъ источникомъ оболъщеніе и обманъ», а относительно учености, послѣдовательности мышленія и даже нравственности Ренанъ остается далеко позади Штрауса. Конечно, мы говоримъ здѣсь о нравственности его *теоріи*, и отнюдь не имѣемъ дѣла съ нравственностью его жизни или частнымъ характеромъ его. Въ сравненіи съ своимъ критическимъ учителемъ, Ренанъ просто дилетантъ и шарлатанъ. Онъ никогда не дѣлаетъ серьезной попытки доказать какое-нибудь изъ своихъ новыхъ и своеобразныхъ положеній; въ подробностяхъ онъ каждый разъ ссылается на Штрауса и на подлюжину стоящихъ ниже его сочиненій невѣрующихъ; совершенно игнорируетъ опроверженія ихъ и всю апологетическую литературу послѣднихъ тридцати лѣтъ; какъ оракуль онъ даритъ свѣту свои приговоры съ декламацией, рассчитанной на искусственный эффектъ. Его сочиненіе ни въ какомъ отношеніи не вышается до достоинства истиннаго знанія и учености. Въ существѣ дѣла это религіозный романъ, въ которомъ героемъ является Иисусъ,—романъ, отвѣчающій вкусу моднаго парижскаго свѣта ⁹²).

По Ренану Иисусъ родился въ Назаретѣ (не въ Вилеємѣ), но званіе «Сына Давидова» принялъ какъ необходимое условіе для успѣха въ своемъ намѣреніи. Онъ росъ среди плѣнительной мѣстности Галилеи, какъ невѣжественный селянинъ, но съ необыкновеннымъ гениемъ и безпорочною добродѣтелью. Онъ былъ неподобный, счастливый раввинъ (*rabbi-délicieux*), одаренный обворожительною красотою, былъ проповѣдникъ чистѣйшаго нравственнаго закона и врагъ различныхъ, тѣлесныхъ и душевныхъ болѣзней. Но какъ скоро Иисусъ почувствовалъ, что Онъ долженъ или удовлетворить простымъ мессіанскимъ ожиданіямъ своего народа, или отказаться отъ своей миссіи, то уступилъ желаніямъ своихъ друзей, и вмѣшался въ политику тонкаго и спасительнаго оболъщенія (?). Посредствомъ внезапнаго и необъяснимаго переворота въ характерѣ Иисуса этотъ величайшій изъ всѣхъ рожденныхъ женами сдѣлался болѣзненнымъ мечтателемъ, чудотворцемъ, оболъченнымъ въ

своихъ ожиданіяхъ, обманщикомъ, который по крайней мѣрѣ согласился на обманъ въ таѣъ называемомъ пробужденіи Лазаря, и за свое заблужденіе заплатилъ своею кровію⁹³). Его жизнь на первыхъ порахъ была прекрасною пастушескою идилліею, потомъ ужасною трагедіею и, наконецъ, заключилась для историка смертнымъ вздохомъ на крестѣ. Но впечатлѣніе, какое произвелъ этотъ высокій, хотя и заблудившійся, умъ и герой, было таѣъ глубоко, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ въ воображеніи своихъ невѣжественныхъ и легкомысленныхъ учениковъ. Такимъ образомъ смерть человѣка Иисуса послужила началомъ Его почитанія какъ воплотившагося Бога. Несомнѣнная истина воскресенія изъ мертвыхъ, думаетъ Ренанъ, «никогда достаточно не объясняется «по причинѣ противорѣчащихъ доказательствъ», кромѣ того только, что можно допустить, что «сильная фантазія Маріи Магдалины играла здѣсь главную роль». «Божественная сила любви!» декламируетъ онъ въ энтузіазмѣ, «священныя мгновенія, гдѣ страсть экзальтированной женщины даритъ міру воскресшаго Бога»⁹⁴!

Да, и какого Бога!—такого Бога, которому можетъ поклоняться только языческой идолослужитель, или грязная фантазія, или рехнувшійся умъ, — Иисуса, который съ одной стороны обожается какъ совершенный человѣкъ, «легенда о которомъ будетъ безконечно вызывать слезы, поклоненіе и почитаніе котораго будетъ безпрестанно продолжаться», и который въ то же время обвиняется въ тщеславіи, самообольщеніи, мечтательности и обманѣ!

Мы едва можемъ вѣрить своимъ глазамъ, когда видимъ, какъ Ренанъ, этотъ великій оріенталистъ, снова хватается за гипотезу пошлаго обмана, какъ будто это уже послѣднее слово науки; едва вѣримъ своимъ глазамъ, когда читаемъ, напри- мѣръ, искаженное повѣствованіе о томъ, будто воскресеніе Лазаря было втайнѣ условленнымъ между Иисусомъ и сестрами Лазаря, и одобреннымъ Имъ благонамѣреннымъ обманомъ, предпринятымъ съ цѣлію подѣйствовать этимъ на невѣрующихъ іудеевъ. Но это жалкое искаженіе дѣйствительнаго факта представляется еще совершенно новымъ изобрѣтеніемъ, о ко-

торомъ никогда не позволяли себѣ грезить ни Реймарусъ, ни Паулюсъ, ни Штраусъ, ни Цельсъ. Ренанъ не стыдится издѣваться надъ чувствомъ всего христіанства, не стыдится и обезчестить себя самого профанаціей святой предсмертной борьбы въ Геосиманіи ⁹⁵). Да проститъ ему Богъ преступное посягательство такой безстыдной необузданной фантазіи, предъ которымъ, какъ предъ хулою на Сына человѣческаго, и какъ предъ смертнымъ грѣхомъ, инстинктивно въ ужасѣ отступаетъ всякая благочестивая душа! Гораздо лучше бы вмѣстѣ съ Штраусомъ выпустить всю сцену въ геосиманскомъ саду, чѣмъ замарать грязью, и такъ нагло смѣяться надъ страждущимъ Спасителемъ въ то время, когда Онъ въ безпредѣльной любви понесъ всю вину человѣческаго рода.

Ренановъ Иисусъ есть самый противорѣчащій самому себѣ и невозможный характеръ, который когда нибудь могъ придти на умъ человѣку. Въ мірѣ можно встрѣтить весьма много счастливыхъ и несчастливыхъ несообразностей, непослѣдовательностей, и даже великіе и добрые люди иногда носятъ въ себѣ совершенно различныя черты характера. Но большое различіе между непослѣдовательностью и абсолютнымъ противорѣчіемъ, и не прежде, какъ когда всѣ законы логики и психологіи будутъ ниспровергнуты, не прежде, какъ когда огонь и вода, ядъ и здоровье стануть мирно жить другъ возлѣ друга, можно будетъ заставить вѣрить мыслящаго и разсудительнаго человѣка, что одно и то же лицо можетъ въ одно и то же время быть и сантиментальнымъ, сумасброднымъ, мечтательнымъ обманщикомъ, и мудрымъ, прекраснымъ раввиномъ, и святымъ безъ сравненія и воплощеннымъ Богомъ.

Евангельскій Христосъ требуетъ вѣры, а Иисусъ Ренановъ требуетъ самой крайней степени легковѣрія, истинно слѣпаго довѣрія. Историческій Христосъ есть нравственное чудо, а Христосъ романическій — нравственное чудовище и абсурдъ. Ренанъ подвергалъ себя соединенной силѣ всѣхъ возраженій противъ ложныхъ теорій евангельской исторіи, представленныхъ нами на предъидущихъ страницахъ настоящаго сочиненія. Ренановъ, самому себѣ противорѣчащій, образъ Иисуса, если его

обнажить отъ обстоятельной прелести блестящаго слога и сентиментальнаго обожанія Іисуса, наноситъ оскорбленіе здравому смыслу и человѣческому достоинству: онъ побуждаетъ самыя благороднѣйшія инстинкты нашей природы къ справедливому негодованію, и на самомъ дѣлѣ не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. Чтобы представить теорію Ренана во всей ея наготѣ, опровергнуть и осудить ее, слѣдуетъ только указать на нее.

Даже какъ художникъ Ренанъ потерпѣлъ рѣшительную неудачу, потому что его герою недостаетъ существенныхъ качествъ истины и пониманія, единства и равномѣрности характера,—недостатокъ, причина котораго заключается не въ отсутствіи художественнаго дара изображенія, который мы охотно признаемъ въ авторѣ, а въ томъ способѣ неизбѣжнаго осужденія, который долженъ постигнуть cadaго, кто съ неумышленными руками отважится вступить въ святая святыхъ исторіи, чтобы начертать образъ чистѣйшаго изъ чистыхъ и святѣйшаго изъ святыхъ ⁹⁶).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

«Nubecula est; transibit», — «облачко, оно пройдетъ, такъ сказалъ св. Аѳанасій объ Юліанѣ отступникѣ, который послѣ кратковременнаго правленія, въ теченіе котораго онъ выказалъ столько отъявленной вражды противъ христіанства, умиралъ (конечно, это не буквальные слова Юліана; но они вѣрно выражаютъ смыслъ его правленія) съ словами: Галилеянинъ, Ты побѣдилъ! ⁹⁷). Это же самое изреченіе по справедливости можно примѣнить и ко всѣмъ послѣднимъ попыткамъ ложныхъ теорій подкопать вѣру человечества въ его Божественнаго Владыку и Спасителя. Облака, большія и малыя, проходятъ, а солнце не перестаетъ свѣтить: мразъ имѣетъ свои опредѣленные часы; свѣтъ остается вѣчно. Ни одинъ аргументъ противъ видаемаго нами свѣтила, ни одно нападеніе на существо солнца

не стонить съ неба владыку дня, никогда не помѣшаетъ ему благословлять землю. И человѣческій глазъ по своей природѣ всегда будетъ обращаться къ солнцу, и пить лучи свѣта по мѣрѣ того, какъ они исходятъ отъ лица Иисуса, этого «свѣта міру». Богъ, повелѣвшій изъ тьмы возсіять свѣту, озарилъ и наши сердца, чтобы просвѣтить насъ познаніемъ славы Божіей въ лицѣ Иисуса Христа» (2 Кор. 4, 6).

Этими послѣдними и самыми изворотливыми усиліями невѣріе, кажется, исчерпало свои научныя средства. Оно можетъ только повторяться. Его различныя теоріи взвѣшены и оказались очень легкими. Одна теорія всегда опровергаетъ и уничтожаетъ другую, даже при жизни своего представителя и защитника. Въ сущности онѣ ничего не объясняютъ; напротивъ, онѣ только подмѣняютъ сверхъестественное чудо неестественною чудовищностью, и откровенную тайну замѣняютъ неразрѣшимую загадкою. Всѣ онѣ одинаково выражаютъ тенденціи подорвать всякую вѣру въ Божественное провидѣніе въ путяхъ исторіи, и въ заключеніе уничтожить вѣру во всѣ принципы истины и добродѣтели, и такимъ образомъ желаютъ лишить бѣдное, падшее человѣчество въ мірѣ, исполненномъ грѣховъ, искушеній и бѣдъ, единственнаго утѣшенія и единственной его надежды въ жизни и за гробомъ.

Докторъ Штраусъ, самый яснѣйшій и серьезнѣйшій изъ всѣхъ невѣрующихъ біографовъ Иисуса, кажется, чувствовалъ мимолѣтно сознаніе гибельности тенденцій своего разрушительнаго сочиненія и страшной отвѣтственности, имѣвшей обрушиться на него. «Результатами послѣднихъ изслѣдованій, говоритъ онъ (въ заключеніи догматическаго трактата своего обширнѣйшаго сочиненія) *Leben Jesu*), уничтожилась, кажется, большая и важнѣйшая часть изъ того, въ чемъ христіане были увѣрены по отношенію къ своему Иисусу; всѣ надежды, которыя христіанство черпало изъ этой вѣры, отняты у него, и оно лишено всякаго утѣшенія. Неистощимое сокровище истины и жизни, которымъ щедро питалось человѣчество въ теченіи осьмнадцати столѣтій, кажется, теперь опустѣло, самое возвышеннѣйшее повергнуто въ прахъ; у Бога Его милость, а у

человѣка его достоинства отняты; союзъ, связывавшій небо съ землею, разорванъ. Съ ужасомъ отвращается благочестіе отъ такого страшнаго преступленія, и изъ безконечнаго самосознанія своей вѣры дѣлаетъ приговоръ: пусть критика отваживается на все, чего желательно ей достигнуть; однако все то, что Писаніе говоритъ о Христѣ, и все то, во что вѣрится церковь, останется вѣчно истиннымъ, и изъ него ни одной іоты не погибнетъ ⁸⁸).

Штраусъ, конечно, потомъ дѣлаетъ попытку философскаго возстановленія того, что онъ, какъ воображаетъ себя, мнимо разрушаетъ своей софистической критикой, какъ историческій фактъ. Именно онъ хочетъ допустить абстрактную истину ортодоксальной христологіи, или истину единенія Божественной и человѣческой природы, но искажаетъ ее пантеистическимъ вздоромъ. Величественнѣйшему Начальнику нашего рода Штраусъ отказываетъ въ Божественныхъ свойствахъ и чести, и вмѣсто этого приписываетъ ихъ грѣшному и блуждающему человѣчеству. Слѣдовательно, онъ предлагаетъ намъ, какъ послѣдній результатъ своего изслѣдованія, вмѣсто живой дѣйствительности, метафизическій абстрактъ, вмѣсто историческаго факта—голую идею, вмѣсто нравственной побѣды надъ грѣхомъ и смертію—успѣхъ въ философіи, на мѣсто поклоненія единому истинному и живому Богу—пантеистическое служеніе героямъ или самообожаніе падшаго человѣческаго рода; онъ предлагаетъ вмѣсто питательнаго хлѣба—камень, вмѣсто Евангелія надежды и вѣчной жизни—Евангеліе отчаянія и смерти ⁸⁹).

Съ негодованіемъ и отвращеніемъ отвергаетъ христіанство такую жалкую замѣну, которая сама еще нуждается въ первомъ доказательствѣ своей силы—въ добрѣ, и которой никогда не суждено исправить ни одного человѣка. Человѣчество должно имѣть живаго Главу, дѣйствительно Владыку и Спасителя отъ грѣха и смерти. Отъ печальнаго разрушенія безчувственнаго невѣрія и безсодержательности ложной философіи человѣчество возвратится съ обновленной вѣрой и сильнымъ упованіемъ къ историческому Христу, обѣщанному Мессіи, воплощенному Богу, и воскликнетъ вмѣстѣ съ Петромъ: «Господи! куда мы

пойдемъ? У Тебя одного слово вѣчной любви, и мы повѣрили и узнали, что Ты Христось, Сынъ Бога живаго!»

Да, Онъ живетъ еще, этотъ Богочеловѣкъ и человѣческій Богъ, Онъ живетъ еще въ вѣчно свѣжихъ и о себѣ самихъ свидѣтельствующихъ доказательствахъ Евангелій, въ непрерывной исторіи восемнадцати столѣтій, въ сердцахъ, какъ и въ жизни умнѣйшихъ людей, и будетъ жить всегда и вѣчно. Лицо Христа и Его дѣло — это книга жизни, которая никогда не состарится. Христіанство живетъ и будетъ жить съ Нимъ, потому что Онъ живетъ вчера, сегодня и Онъ же во вѣки.

Иисусъ Христось есть самый достовѣрнѣйшій и славнѣйшій изъ всѣхъ фактовъ; облеченный красотою и величіемъ, который, какъ — «звѣздное небо надъ нами, и какъ нравственный законъ въ насъ», Онъ освящаетъ насъ, и наполняетъ насъ болѣе и болѣе возрастающимъ благоговѣніемъ и святою любовію. Онъ блистаетъ подобно полуденному свѣту, свидѣтельствуя о Самомъ Себѣ. Онъ слишкомъ совершененъ для того, чтобы сдѣлаться изобрѣтеніемъ фантазіи грѣшнаго и заблуждающагося человѣка. Его характеръ и все то, на что Онъ выражаетъ свое право, находятъ свое оправданіе въ возвышеннѣйшемъ ученіи, чистѣйшей нравственности, могущественнѣйшихъ чудесахъ, славнѣйшемъ духовномъ царствѣ, и ежедневно обнаруживаются въ явленіяхъ добродѣтели и преимущества всѣхъ тѣхъ, которые предаются обновляющей и спасительной силѣ Его духа, и стараются подражать Его примѣру. Этотъ историческій Христось предупреждаетъ всѣ наши сокровеншія духовныя и нравственныя потребности, и удовлетворяетъ имъ. Наша душа, если только она слѣдуетъ своимъ благороднѣйшимъ движеніямъ и пламеннымъ желаніямъ, инстинктивно обращается къ Нему, какъ игла къ магниту, какъ цвѣтокъ къ солнцу, какъ жаждущій олень на источники водные. Мы — созданіе Его, и «наше сердце не находитъ ни въ чемъ покоя до тѣхъ поръ, пока не успокоится въ Немъ. Онъ стоитъ выше нашихъ прославленій, Онъ вызываетъ наше удивленіе къ Себѣ, и побуждаетъ къ глубокому почтенію и поклоненію. Мы можемъ думать о Немъ только тогда, когда,

изгнавъ изъ своего сердца все, что низко и пошло, возбудимъ въ себѣ стремленіе ко всему доброму и благородному. Мы не можемъ взирать на Него, не благоговѣя духомъ. Уже край Его одежды исцѣляетъ того, кто прикасается къ нему. Одинъ часъ, проведенный въ общеніи со Христомъ, лучше, чѣмъ всѣ земныя радости. Онъ есть драгоцѣннѣйшій и необходимѣйшій даръ милосердаго Бога для падшаго міра. Въ Немъ заключаются всѣ сокровища мудрости; Онъ есть единственная дѣйствительная надежда, единственное истинное утѣшеніе въ этомъ и въ загробномъ мірѣ. Человѣчество скорѣе можетъ лишиться всей греческой, римской, нѣмецкой, французской, англійской и американской литературы, чѣмъ потерпѣть потерю исторіи объ Иисусѣ Назарянинѣ. Безъ Него исторія — необитаемая пустыня, неразрѣшимая загадка, хаосъ событийъ безъ смысла, связи и цѣли; съ нимъ же она — прекрасное, гармоническое Божественное откровеніе, медленное, но вѣрное развитіе плана безконечной мудрости и Божественной любви; вся древняя исторія направлена къ пришествію Мессіи; вся новая исторія получаетъ отъ Него свой свѣтъ и жизнь. Онъ — слава прошедшаго, жизнь настоящаго и надежда будущаго. Безъ Него мы не въ состояніи даже понять себя, какъ весьма вѣрно выражается это въ древнемъ іудейскомъ изрѣченіи: «тайна челоуѣка есть тайна Мессіи». Онъ есть великій центральный свѣтъ исторіи челоуѣчества и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтъ каждой христіанской души въ частности; Онъ одинъ только можетъ разрѣшить загадку нашего бытія, и утолить всѣ наши интеллектуальныя потребности истины, всякое наше нравственное желаніе чистоты и святости, пламенное сердечное стремленіе къ миру и къ счастью.

За всѣ сокровища и мудрость этого міра я не пожелаю поколебать вѣру самаго послѣдняго христіанина въ Божественнаго Владыку и Спасителя, но если я, при Божественной помощи, могъ бы обратить къ чистосердечной вѣрѣ въ Того, который для меня и для всѣхъ жилъ и за всѣхъ умеръ, хотя одного сомнѣвающагося въ истинахъ вѣры, то я зналъ бы, что жилъ не напрасно.

КРИТИЧЕСКІЯ ПРИМЪЧАНІЯ.

1) Монахъ и живописецъ *Фра Беато Анжелико да Физоле* (род. въ 1377 г., въ Физоле, во Флоренціи, умеръ въ Римѣ, въ 1455 г.), одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей, какихъ знаетъ исторія искусствъ, прозванный отъ серафимской красоты, подобной его патрону, «блаженнымъ и равноангельскимъ», рисовалъ голову Христа и Пресвятой Дѣвы Маріи не иначе, какъ молясь, преклонивъ колѣна. Эрнестъ Ренанъ въ своемъ сочиненіи: «Изученіе исторіи религіи и критика» (стр. 168 по англійскому переводу Ф. Б. Фротингама, Нью-Йоркъ, 1864 г.) сказалъ: «критику всего приличнѣе слѣдовать его (т. е. да Физоле) примѣру, и рѣшиться вступить въ свѣтлый кругъ извѣстныхъ предметовъ, предъ которыми въ благоговѣніи преклонялись въ теченіе столѣтій, не прежде, какъ пронизнувшись чувствомъ благоговѣйнаго поклоненія предъ ними». Жаль только, что французскій философъ говоритъ это въ смыслѣ политическаго обожанія героев. Но мы находимъ *только одного* человѣка, достойнаго божеской чести и обожанія, — Богочеловѣка, Иисуса отъ Назарета.

2) Докторъ *Гораций Бушнелль* (Hogase Buchnell), глубокомысленный пуританскій богословъ Новой Англіи, выражаетъ отношеніе между естественнымъ и сверхъестественнымъ въ божественномъ мироуправленіи однимъ уже заглавіемъ своего интереснаго сочиненія: «Nature and the Supernatural as together constituting the one System of God» (Нью-Йоркъ, 1858 г.), и проводитъ эту мысль способомъ, достойнымъ вниманія нѣмецкаго богослова. Докторъ Юганъ В. Невинъ (John W. Nevin) проводитъ эту же идею въ своемъ сочиненіи: «The Mystical Presence» (Филадельфія 1846 г., стр. 199) въ слѣдующихъ словахъ: «Природа и Откровеніе, міръ и христіанство берутъ свое начало изъ одного и того же божественнаго Духа, и потому суть не двѣ системы, связанные между

собою только внѣшнею связью: они образуютъ одно, всегда гармонически-цѣлое. Мысль о первомъ необходимо поэтому заключается во второмъ. Тайнство новаго творенія должно содержаться въ тайнствѣ древняго творенія, и ключъ, ведущій къ объясненію перваго, долженъ также открыть глубочайшую тайну послѣдняго».

3) Иоанна 6, 69: «Мы повѣрили и узнали» (*ἡμεῖς πεπιστεύκαμεν καὶ ἐγνώκαμεν*, *credimus et cognovimus*). Обратный порядокъ находится у Иоанна же, 10, 38: ...«чтобы вы узнали и повѣрили, что Отецъ во Мнѣ и Я въ Немъ». Также 1 Иоанн. 5, 13.

4) «Fides praecedit intellectum». Или, полнѣе, въ словахъ Ансельма кантрбѣрійскаго, въ девизѣ шлейермахеровской догматики: «Neque enim quaero intelligere, ut credam, sed credo, ut intelligam. Nam qui non crediderit, non experietur, et qui expertus non fuerit, non intelligat».

5) «Intellectus praecedit fidem». Это было основнымъ положеніемъ Абельяра, положеніемъ, которое, безъ ограниченія противоположной мысли, ведетъ къ рационализму и скептицизму.

6) Докторъ Ульманъ (Ullmann) въ своемъ сочиненіи: «Die Sündlosigkeit Iesu» (6-е изд., стр. 215) говоритъ: ...«такимъ образомъ уже совершенно человѣческое въ Иисусѣ ведетъ къ признанію въ Немъ божественнаго, если мы сравнимъ его со всѣмъ остальнымъ, что представляетъ человѣчество». Дорнеръ въ «Entwicklungsgeschichte der Lehre von der Person Christi» (2-е изд., 2 ч., стр. 124) говоритъ: «святость и мудрость Иисуса, съ которыми Онъ одинокимъ стоитъ среди грѣшнаго, многооблуждающаго человѣчества, указываютъ... на сверхъестественное происхождение Его лица. Для того, чтобы это явленіе могло быть постигнуто въ грѣшномъ мірѣ, необходимо должно вывести его изъ особеннаго и чуднаго творческаго дѣла божьяго, именно необходимо видѣть во Христѣ... избранникѣ Божиемъ, воплощеніе божественной любви, а слѣдовательно, и воплощеніе божественнаго существа, почему Онъ и является средоточіемъ, въ которомъ Богъ и человѣчество соединились во едино самымъ тѣснымъ союзомъ». Ср также Эбарда «Christliche Dogmatik» (1852 г., 2-я ч., стр. 24—31) и W. Nast «Commentary on Mattheu and Mark» (Cincinnati 1864 г., allg. Einl. S. 120).

7) Эта мысль не новая, — она извѣстна была въ древней Церкви, и уже довольно ясно понята и выражена *Иринеемъ*, который

однимъ только поколѣніемъ отдѣлялся отъ своего учителя Поликарпа, современника ап. Іоанна. Онъ говоритъ: «*Omnes enim venit (Christus) per semet ipsum salvare, omnes, inquam, qui per eum renascuntur in Deum, infantes et parvulos, et pueros et seniores. Ideo per omnem venit aetatem et infantibus infans factus, sanctificans infantes; in parvulis parvulus, sanctificans hanc ipsam habentes aetatem, simul et exemplum illis pietatis effectus et justitiae et subjectionis, in juvenibus juvenis, exemplum juvenibus fiens et sanctificans Domino*» etc. (Adv. Haereses lib. 2, cap. 22, § 4).

8) См. Лук. 1, 41—45; торжественная (*magnificat*) или хвалебная пѣснь Маріи, ст. 46 — 55; благословенная (*benedictus*) или хвалебная пѣснь Захаріи, ст. 67—79.

9) Хотя, несомнѣнно, Вилеємъ былъ мѣстопребываніемъ предковъ дома Давыдова (Руѳ 1, 1, 2), былъ укрѣпленъ Ровоамомъ (2 Парал. 11, 6), но всегда оставался неизвѣстнымъ городкомъ, и между городами Іуды, въ еврейскомъ текстѣ книги Іисуса Навина, не упоминается; не упоминается объ немъ также, по еврейскому же тексту, у Нееміи (11, 25—35). Ср. Михея 5, 2, гдѣ пророкъ современную ему незначительность Вилеєма ставитъ въ противоположность съ его будущимъ значеніемъ, какъ съ мѣстомъ рожденія Мессіи (по еврейскому тексту). «Но ты, Вилеємъ Ефратовъ, говоритъ пророкъ, ужели малъ для того, чтобы быть между тысячами іудовыми (это значить, чтобы быть главнымъ городомъ, гдѣ повелители надъ тысячами или подчиненными волѣнами имѣли бы свое мѣстопребываніе); изъ тебя выйдетъ мнѣ Тотъ, Которому опредѣлено быть владыкою во Израили; Его происхожденіе отъ начала времени, отъ дней вѣчности».

10) Ср. достойныя вниманія примѣчанія доктора Ланге въ его комментаріи на Матѳ. 2, 1—11, «*Bibelwerk*», ч. I, стр. 19 и слѣд. (Англо-американское изданіе Шаффа, ч. I, стр. 55 и слѣд.).

11) Лук. 2, 40: «*Τὸ παιδίον ἤξανε καὶ ἐκραταῖατο πνεύματι*. «Дитя росло и укрѣплялось въ духѣ»; то же самое выраженіе употреблено Ев. Лукою (1, 80) объ Іоаннѣ крестителѣ. Ср. также, относительно человѣческаго развитія Христа, Лук. 2, 52; Евр. 2, 10—18 и V, 8 ст., гдѣ говорится, что Онъ *выучился* послушанію, и чрезъ свое совершенство *сдѣлался* виновникомъ вѣчнаго спасенія (Лук. 2, 51).

12) Докторъ I. П. Ланге въ своемъ сочиненіи: «*Leben Iesu nach den Evangelien*» (Гейдельбергъ, 1844 г., ч. 2, стр. 127) гово-

рить: «Исторія представляетъ совершенное развитіе двѣнадцати-лѣтняго Иисуса. Это есть характеристическая черта Его отроческаго возраста, раскрытіе его юношеской жизни, отблескъ Его рожденія, знакъ и предъизображеніе Его будущаго геройскаго теченія. Эта исторія представляетъ дѣтство Его идеальнымъ также, какъ и вообще дѣтство изображается идеальнымъ. Ср. также съ мѣстами у Лук. 2, 42—52 примѣчанія Ольсгаузена въ его «Kommentar» (3 изд., ч. I, стр. 146 и слѣд.) и Остерзее въ сочиненіи Ланге: «Bibelwerk».

13) Лук. 2, 49: «Ἐν τοῖς τῶν πατρὸς μου δαί (δαі выражаетъ нравственную необходимость, которая тождественна съ истинной свободой) εἶπαί με. Отцы, а вмѣстѣ съ ними и большая часть новѣйшихъ толкователей, членъ τοῖς относятъ къ дому Божію или къ храму. Грамматически это можно допустить; но чрезъ это самое ограничивается настоящій смыслъ, и отнимается у него глубокое значеніе; потому что Христосъ случайно только или рѣдко могъ бывать въ іерусалимскомъ храмѣ. Почти всѣ англійскіе переводы Библии—Тиндала, Краммера, Генфера (Genfer) и Джемса (James) даютъ болѣе глубокій смыслъ словамъ «about my Father's business». Мы думаемъ, что правильнѣе будетъ въ этомъ текстѣ слово «business» опустить и лучше перевести совершенно буквально: «въ дѣлахъ (или предметахъ, вещахъ) Моего Отца». Предлогъ *ἐν* выражаетъ ту идею, которою Христосъ руководился въ продолженіе всей своей земной жизни,—въ храмѣ и внѣ храма.

14) Докторъ Горацій Бушнелль въ своемъ, уже цитированномъ нами сочиненіи: «Nature the Supernatural»... стр. 280; или «The Character of Jesus», стр. 19 и слѣд.

15) См. болѣе обстоятельно въ сочиненіи съ богатыми источниками Руд. Гофмана. «Leben Iesu nach den Apokryphen im Zusammenhange aus den Quellen erzählt und wissenschaftlich untersucht», Лейпцигъ, 1851 г. стр. 140—263.

16) Ренанъ въ своей «Жизни» или, лучше, въ своемъ романѣ «о Христѣ» представляетъ намъ топографическое описаніе прекрасныхъ окрестностей Назарета, имѣющихъ воспитывающее вліяніе,—окрестностей, которыми должно объясниться величіе Христа; но все это не можетъ уничтожить незначительность города, вошедшаго въ пословицу (Іоанн. 1, 48), и вообще его описаніе теряетъ много своей силы, когда мы представимъ себѣ узкія и кривыя улицы, покрытыя нечистотами, этими неразлучными спутни-

ками восточныхъ городовъ. «Назаретъ», говоритъ Ренанъ, «былъ небольшой городъ, расположенный въ ущельѣ, откуда открывался видъ на вершину цѣпи горъ; съ сѣвера прилежала долина Эсдралонъ. Въ настоящее время населеніе этого города простирается отъ 3—4000 человекъ, и это число никогда не можетъ слишкомъ колебаться. Окрестности его плѣнительны, и никакое другое мѣсто въ мірѣ неспособно наводить на такія мечты абсолютнаго блаженства, къ какимъ онѣ располагаютъ. Даже въ наше время Назаретъ служитъ драгоценнымъ мѣстопребываніемъ, — единственнымъ, можно сказать, въ Палестинѣ, гдѣ душа чувствуетъ себя нѣсколько облегченною отъ бремени, которое ложится на нее среди этого, ничѣмъ несравнимаго, запустѣнія. Тамошніе жители—люди дружественные и благонравные; сады дышатъ свѣжестью и зеленью... Красота женщинъ, собирающихся тамъ по вечерамъ—эта красота, замѣченная уже въ шестомъ столѣтіи, и считающаяся даромъ Пресвятой Дѣвы Маріи (Antonius Martyr, Stinevar. § 5), сохранилась удивительно хорошо. Это—сирійскій типъ въ совершенной его плѣнительной граціи».

17) Матѳ. 13, 54 — 56. Ср. также Марк. 6, 3: «Не это ли плотникъ, Сынъ Маріи»?.. Этотъ вопросъ съ перваго взгляда указываетъ на то, что Іисусъ занимался плотничествомъ. Это подтверждается и древними преданіями и обычаями іудейскихъ раввиновъ. Такъ ап. Павелъ былъ дѣлатель палатокъ (Дѣяній апост. 18, 3). Поэтому выходитъ, что профессія плотника не считалась унизительною, а напротивъ, считалась почтеннѣйшею и полезнѣйшею. Вопросъ жителей Назарета: «не это ли сынъ плотника?» должно назвать скорѣе вопросомъ удивленія, чѣмъ вопросомъ простаго любопытства. Они отвергали превосходство Іисуса надъ собою, но не равенство Его съ нимъ, и, зная Его происхожденіе и родственныя связи, не могли понять, какимъ образомъ Онъ возвысился надъ общимъ уровнемъ, и можетъ совершать удивительныя дѣла.

18. См. Г. Г. Гервинуса «Шекспиръ» (Лейпцигъ, 1850 г., ч. 1, стр. 38—41). Этотъ отличный критикъ и толкователь британскаго поэта изображаетъ Шекспира, какъ одного изъ лучшихъ и основательно-ученыхъ мужей того времени: «Теперь не будетъ рискованнымъ сказать, говорить Гервинусъ, что съ Шекспиромъ, по обширности многосторонняго знанія, очень немногіе изъ его современниковъ могли сравниться».

19) Генрихъ Стефенсъ, поклонникъ Шеллинга и христіанскій философъ, говоритъ такъ о человѣкѣ, и на этой мысли основываетъ свою «System der Anthropologie». Но въ полнѣйшемъ и абсолютномъ смыслѣ это должно найти свое примѣненіе ко Христу, какъ къ идеальному человѣку, въ которомъ и чрезъ котораго только могъ совершенствоваться человѣческій родъ.

20) On s'exstâsie sur les conquêtes d'Aleuxandre! Eh bien! voici un conquérant qui confisque à son profit, qui unit, qui incorpore à lui-même, non pas une nation, mais l'espèce humaine Quel miracle! L'âme humaine, avec toutes ses facultés, devient une annexe avec l'existence du Christ.

21) Съ исторіей искушенія Христа въ пустынѣ (Мѡ. 4 и Лук. 4) ср. мѣста, встрѣчающіяся у ап. Павла въ посланіи къ Евреямъ: 4, 15. «Ибо мы имѣемъ не такого первосвященника... но который, подобно намъ, искушенъ былъ во всемъ, кромѣ грѣха... (πελαρασμένον κατά πάντα καθ' ὁμοίότητα καρὸς ἀμαρτίας) и 5. 8: «Хотя Онъ и Сынъ (Божій), однако страданіями навывѣ послушанію и проч. (καίπερ ὡν υἱὸς ἠμαρτεν ἀφ' ὡν ἠπαρτεν τὴν ὑπακοήν и проч.).

22) Это *posse non peccare* схоластикова, или *impeccabilitas minor*. Этому соотвѣтствуетъ *posse non mori* или *immortalitas minor*, т. е. относительное или условное безсмертіе Адама въ раю, которое зависѣло отъ испытанія, и котораго, т. е. безсмертія, онъ лишился черезъ паденіе.

23) Это *non posse peccare* или *impeccabilitas major*. Съ этимъ тѣсно связано *non posse mori* или *immortalitas major*, абсолютное безсмертіе въ состояніи воскресенія, котораго никогда нельзя лишиться.

24) Докторъ *Иос. Бергъ*, профессоръ богословской семинаріи въ Нью-Брунсвикѣ, въ дружеской рецензіи на сочиненіе Шаффа о нравственномъ характерѣ Иисуса (въ своемъ сочиненіи «Evangelical Quarterly», апрѣль, 1861 г., стр. 289), стоитъ противъ взгляда о грѣховности Иисуса, какъ противъ взгляда, который представляется несогласнымъ съ абсолютною Его святостью. Грѣховность есть, конечно, *возможность* грѣха, какою она была у Адама въ состояніи невинности; но у Христа никоимъ образомъ она не доходила до *дѣйствительности* грѣха, ни первороднаго, ни вольнаго, дѣйствительнаго. Противъ такого представленія положительно говорить священный текстъ. Несомнѣнно, что архангелъ назвалъ Христа въ минуту Его зачатія *Святимъ* (τὸ ἁγνὸν

μενον ἄγιον, Лук. 1, 35), но не былъ ли также святымъ Адамъ, хотя и подлежалъ *возможности* паденія, какъ это выражается въ обширнѣйшемъ *вестминстерскомъ исповѣданіи* (17 вопросъ)? Притомъ, эта первоначальная святость не можетъ исключать идеи развитія, физическаго и нравственнаго возрастанія дитяти—Христа, что евангелистъ весьма ясно представляетъ (Лук. 2, 40, 52. См. также Евр. 5, 8). Отрицаніе *возможности* грѣха у Христа уничтожаетъ дѣйствительность въ Немъ человѣческой природы, и исторію искушенія низводитъ на степень гностическаго фантома и простаго призрака. Но именно потому, что Христосъ дѣйствительно и истинно былъ искушаемъ и не только діаволомъ въ пустынѣ (Мѡ. 4), но и въ теченіе всей своей земной жизни (Лук. 22, 28. Евр. 4, 15), только всегда оставаясь твердымъ и непобѣдимымъ во всѣхъ искушеніяхъ, Онъ становится какъ нашимъ *Спасителемъ*, такъ и *образомъ* подражанія (см. Евр. 5, 7—9).

25) Peter Bayne: «The Testimony of Christ to Christianity». Boston, 1862 г., стр. 105.

26) См. Дѣяній апостольск. 3, 14. 1 Петр. 1, 19; 2, 22; 3, 18. 2 Кор. 5, 21; 1 Иоанн. 2, 29; 3, 5, 7; Евр. 4, 15; 7, 26. Когда разсуждаютъ о безконечномъ превосходствѣ нравственнаго апостольскаго ученія предъ ученіемъ древнихъ грековъ, то, какъ хотите, нелѣпо ссылаться на разсужденія Ксенофонта о Сократѣ, желая этою ссылкой ослабить силу указаннаго единодушнаго свидѣтельства (какъ напр. дѣлаетъ это Штраусъ въ своемъ сочиненіи: «Christliche Glaubenslehre». 2 ч., стр. 192, а также, но нѣсколько умѣреннѣе Газе: «Leben Jesu», стр. 61). Никто, говоритъ Ксенофонтъ, не видѣлъ и не слышалъ когда-нибудь Сократа, дѣлающаго или говорящаго что-нибудь безбожное или нечестивое (οὐδεὶς πάποτε Σωκράτους οὐδὲν ἀσάβης οὐδὲν ἀνδρείον οὔτε πρᾶττοντος εἶδεν, οὔτε λέγοντος ἤκουσεν. Memorab. 1, 11). Въ самомъ лучшемъ смыслѣ это—только отрицательное сужденіе о внѣшнемъ поведеніи Сократа, а не о состояніи его сердца. Притомъ *утверждать* о человѣкѣ, что онъ былъ свободенъ отъ грѣха и заблужденій, и *указывать* на постоянную безгрѣшность характера въ дѣйствительной жизни, — вещи совершенно различныя. Еслибъ самый невинный, честный человѣкъ захотѣлъ найти такой характеръ, то неизбѣжно или примѣшалъ бы къ нему нѣкоторыя черты человѣческаго несовершенства, или преувеличилъ бы свое изображеніе, приписавъ ему такія черты, которыя лежатъ внѣ истинно-человѣческой сферы.

Но образъ Христа, какъ онъ изображенъ въ Евангеліи, производитъ въ насъ впечатлѣніе неизмѣннаго и совершеннаго первообраза и истины, и сохраняетъ безпорочную свою чистоту въ каждой чертѣ, во всякомъ положеніи, при каждомъ случаѣ.

27) Матѳ. 18, 19; 24—54. Лук. 23, 22—47. Матѳ. 27, 4.

28) Иоанн. 8, 46. См. также комментаріи и примѣчанія *Ульмана* въ уѣ. мѣст., стр. 92 и слѣд.

29) Изъ сочиненія доктора Гор. Бушнелля: см. цит. соч., стр. 325. — Безгрѣшность Иисуса отрицается докторомъ Д. Ф. Штраусомъ въ двухъ его разрушительныхъ сочиненіяхъ: «Das Leben Iesu», также въ его «Dogmatik im Kampfe mit der modernen Wissenschaft» (также въ его дополнительномъ къ «Das Leben Iesu» сочиненіи: «Der Christus des Glaubens und der Iesus der Geschichte. Eine Kritik des Schleiermacher'schen «Lebens Iesu», Берлинъ, 1865 г.), какъ предположеніе, несогласное ни съ однимъ изъ историческихъ изслѣдованій; въ послѣднемъ его сочиненіи безгрѣшность Иисуса отрицается, конечно, на основаніи а priori принятаго философскаго предположенія о невозможности безгрѣшности, или на основаніи пантеистическаго мнѣнія о неотдѣляемости грѣха отъ всякаго конечнаго бытія. Единственное эзегетическое доказательство, которому Штраусъ придаетъ особенное значеніе («Dogmatik». 2 B. S. 192 и опять въ его новѣйшемъ произведеніи: «Leben Iesu»), заключается въ словахъ Христа, служившихъ отвѣтомъ на привѣтствіе богатаго юноши: «Учитель благій!» — въ словахъ: «Никто не благъ, какъ только одинъ Богъ» (Мѳ. 19, 17). Въ этихъ словахъ, говоритъ Штраусъ, предикать «благъ» Христосъ ясно отвергъ отъ себя, какъ предикать, свойственный только одному Богу. Но Христосъ отвѣчаетъ здѣсь на предъидущій вопросъ и на заключающееся въ немъ ложное пониманіе понятія «благій». Онъ не отнимаетъ отъ Себя эпитетъ *благій* въ настоящемъ его смыслѣ, но только въ поверхностномъ смыслѣ богатаго юноши, который съ словомъ «благій» соединилъ слишкомъ узкое понятіе, и на Христа смотрѣлъ просто какъ на отличнаго равнина и добраго *человѣка*, а не какъ на существо, единое съ Богомъ. Христосъ не сказалъ: *Я не благъ*, но сказалъ: *никто не благъ*, т. е. *ни одинъ человѣкъ не благъ*, разсматриваемый самъ въ себѣ, а тѣмъ менѣе благъ въ сравненіи съ Богомъ. Другими словами: Онъ отвергаетъ не столько званіе *благій*, сколько особенно духъ и то расположеніе сердца, съ которыми въ Немъ видѣли образецъ свѣт-

ской мудрости и нравственности. Разсматривая слова Христа съ этой точки зрѣнія, мы находимъ въ нихъ указаніе на Его сверхчеловѣческую благость, только не прямо выраженное. Совершенно справедливо можно сказать, что въ данномъ случаѣ Иисусъ отклоняетъ отъ себя эпитетъ «благій» въ абсолютномъ смыслѣ неискушаемости, въ какомъ она прилична Богу (Іаков. 1, 13), тогда какъ Онъ, будучи истиннымъ человѣкомъ, развивался и постепенно совершенствовался среди искушеній и борьбы, оставаясь однако совершенно свободнымъ отъ дѣйствительнаго грѣха. Ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, что своимъ собственнымъ свидѣтельствомъ Христосъ противорѣчитъ своей невинности (см. комментар. къ разсматриваемому мѣсту у Ольсгаузена, Мейера и Ланге). Крещеніе Иисуса Іоанномъ не приводитъ къ необходимости признанія въ Немъ грѣха; потому что на Іорданѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Кеймъ (Keim), давались «не просто признаніе во грѣхѣ, но также и священные обѣты правды» («Der geschichtliche Christus», Drei Reden. 2 Aufl. S. 109). Крещеніе Іоанново не было исключительно крещеніемъ покаянія; оно было также крещеніемъ посвятителнымъ во вступленію въ приближающееся царство Мессіи. Къ этому можно прибавить и то, что крещеніе Иисуса, такъ же какъ и Его страданія и смерть, имѣетъ спасительное значеніе.

Французскій писатель, Ф. Пеко (F. Pesaüt) также отвергаетъ безгрѣшность Иисуса въ своемъ сочиненіи «Le Christ et la conscience». Пеко приводитъ слѣдующіе факты, свидѣтельствующіе, по его мнѣнію, о нравственномъ несовершенствѣ Иисуса: поведеніе Иисуса съ своею Матерью, когда Ему было двѣнадцать лѣтъ; упреки Матери на бракѣ въ Канѣ; изгнаніе торговцевъ и ростовщиковъ изъ храма; проклятіе бесплодной смоковницы; уничтоженіе стада свиней; жестокія нападенія на фарисеевъ и Его собственное отклоненіе отъ себя эпитета *благій* въ разговорѣ съ богатымъ юношей: все это — однѣ натяжки, которыя очень легко могутъ быть указаны, но не стоятъ того, чтобы сравнивать и примирять ихъ съ противорѣчащими сему ясными мѣстами текста. Съ другой стороны, самъ Пеко, что уже довольно непослѣдовательно, въ одномъ очень краснорѣчивомъ мѣстѣ добавляетъ слѣдующее: нравственный характеръ Христа далеко превышаетъ всякое сравненіе, стоитъ выше всякаго другаго характера какого бы ни было великаго человѣка древности, и совершенно проникнуть

Богомъ. Но какъ можно, оставаясь вѣрнымъ логикѣ, Христу приписывать столько совершенствъ, и въ тоже время подвергать сомнѣнiю истинность Его свободы отъ грѣха и равенства съ Богомъ? Истинность и честность составляютъ фундаментъ, на которомъ основывается добрый характеръ, безъ нихъ же не можетъ быть никакой рѣчи о нравственности. Ср. также противъ Пеко примѣчанiя доктора фонъ Остерзее въ его сочиненiи о Христѣ, стр. 166.

30) Шлейермахеръ въ своемъ сочиненiи: «Der christliche Glaube» (3 Aefl. 2 B., стр. 78, 1836 г.) говоритъ: «Христосъ отличался отъ всѣхъ другихъ людей своею полнѣйшею безгрѣшностью и своимъ, только Ему Одному принадлежащимъ, совершенствомъ», — положенiе, которое авторъ приводитъ и доказываетъ съ особенною силою не только въ своей догматикѣ, но также и во многихъ своихъ проповѣдяхъ. Равнымъ образомъ Карлъ Газе, въ своемъ сочиненiи «Leben Iesu» (4 Aufl., стр. 60, 1854 г.), утверждаетъ, что Христосъ былъ свободенъ отъ грѣха. Также цюрихскiй профессоръ Кеймъ, во второмъ изданiи своего христологическаго сочиненiя («Der geschichtliche Christus». Drei Reden, S. III ff.), проводитъ и доказываетъ ту же мысль предъ собранiемъ швейцарскаго общества проповѣдниковъ во Фраунфельдѣ, въ августѣ 1865 года. Такое единодушное признанiе имѣетъ значенiе, и серьезнаго, честнаго изслѣдователя должно съ логическою необходимостью привести наконецъ къ признанiю Божества во Христѣ.

31) Цицеронъ въ «Quaest. Tuscul. II, 22»: Quem (in quo erit perfecta sapientia) adhuc nos quidem vidimus neminem, sed philosophorum sententiis, qualis futurus sit, si modo aliquando fuerit, exponitur». Въ томъ же своемъ сочиненiи Цицеронъ (II, 4) въ самыхъ строгихъ выраженiяхъ изображаетъ рѣзкое раздвоенiе между ученiемъ и жизнью философовъ. Равнымъ образомъ и Квинтилианъ обвиняетъ ихъ въ прикритiи самыхъ грубыхъ пороковъ именемъ древней философи (Inst. I. Prooem.). Добродѣтель цѣломудрiя въ нашемъ, христiанскомъ, смыслѣ между язычниками была почти совсѣмъ неизвѣстна. Жена въ сущности была рабой низкихъ инстинктовъ мужа. Извѣстно, что въ Коринѣ безчестныя женщины, называвшiяся: *εταραι* или *αἰσείαι*, получивши религиозное освященiе, приставлены были въ храмѣ Афродиты для того, чтобы служить лобострастiю. Эти лица почитались выше семейной жены, и считались собственно представительницами женской кра-

соты. Вспомнимъ только объ Аспазіи, Фринѣ, Лаисѣ, Теодорѣ, которыя возбуждали къ себѣ удивленіе и почтеніе даже такихъ серьезныхъ философовъ, какъ Сократъ, и такихъ государственныхъ людей какъ Периклъ. На вопросъ Сократа: «Найдется ли кто-нибудь такой, съ которымъ ты говорилъ бы меньше, чѣмъ съ своей женой?» ученикъ его Аристовулъ отвѣчалъ: «никого нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, очень мало». Но еще отвратительнѣе было *râderastie* (мужеложство) — порокъ, возбуждающій отвращеніе даже въ людяхъ съ низкой, распущенной натурой, но порокъ, сдѣлавшійся національнымъ обычаемъ у грековъ, обычаемъ, которому предавались безнаказанно, съ безстыдствомъ; объ немъ говорили совершенно открыто, рекомендовали его, поэты и философы прославляли его, какъ такое дѣло, которое получило божественное освященіе въ блудодѣянніи Юпитера съ Ганимедомъ. Докторъ Деллингеръ (*Döllinger*), въ своемъ ученомъ и назидательномъ сочиненіи: «*Heidenthum und Iudenthum*» (стр. 684 и слѣд., 1857 г.), свои изслѣдованія объ этомъ предметѣ заключаетъ слѣдующими словами: «у грековъ порокъ — педерастія — является со всѣми симптомами большой національной болѣзни, нравственной, такъ сказать, заразы; онъ является у нихъ чувствомъ, дѣйствующимъ сильнѣе и непреодолимѣе, чѣмъ любовь къ женщинамъ у другихъ народовъ, — оно было неумѣреннѣе, страстнѣе въ своихъ порывахъ. Бѣшеная ревность, безграничное самопожертвованіе, чувственный жаръ, нѣжная шалость, ночныя бдѣнія у дверей возлюбленнаго, — словомъ, все, что только характеризуетъ карриватуру нравственной половой любви, соединяется въ этомъ порокѣ. Даже серьезнѣйшіе моралисты, обсуждая этотъ порокъ, остаются къ нему крайне снисходительны; они смстрѣли на эти вещи очень часто легкомысленно и шутя, и терпѣли преступниковъ въ своемъ обществѣ. Во всей литературѣ разсматриваемаго періода едва найдется хотя одинъ такой писатель, который рѣшился бы выразиться открыто противъ господства такой язвы. Напротивъ, ею заражено было все общество, вдыхая, такъ сказать, заразу съ воздухомъ». Вообще о языческой морали ср. это сочиненіе фонъ Деллингера съ сочиненіемъ С. Шмидта: «*Essai historique sur la société dans le monde romaine et sur la transformation par le chrlistianisme*» Paris, 1853 г., и съ сочиненіемъ Шаффа: «*Hystory of the Apostolie Church*», стр. 147 и слѣд., 157 и слѣд., 443 и слѣд., 545 и

слѣд. и «History of the Christian Church from Christ to Constantine», стр. 302 и слѣд.

32) Theodore Parker. «Discourses of Religion», стр. 294.

33) Ренанъ дѣлаетъ здѣсь нѣкоторое поразительное, хотя и перемѣшанное съ заблужденіями, признаніе. «Нравственность, говоритъ онъ въ пятой главѣ своего сочиненія «Vie de Jésus», не состоитъ изъ болѣе или менѣе хорошо выраженныхъ основныхъ положеній. Поэзія заповѣдей, дѣлающая ихъ пріятными, понимается болѣе, чѣмъ самая заповѣдь, чѣмъ абстрактная истина. Теперь нельзя отвергать того, что нравственныя основоположенія, заимствованныя Иисусомъ у своихъ предшественниковъ (Христосъ не скрывалъ [А. Мѳ. 5, 22 и мн. др. ?] этого ни отъ кого), въ Евангеліи производятъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ какое производили они въ ветхозавѣтномъ законѣ, Пирке-Аботъ или Талмудѣ. Не ветхозавѣтный законъ, не Талмудъ завоевали и преобразовали міръ. Сама по себѣ мало оригинальная (?) (желая выразить этимъ, что евангельская мораль цѣликомъ взята изъ ветхозавѣтнаго нравственнаго ученія), евангельская мораль тѣмъ не менѣе остается высочайшимъ твореніемъ, которое возникло въ человѣческой совѣсти, и составляетъ прекраснѣйшій кодексъ совершенной жизни, который когда-либо начертанъ былъ какимъ-нибудь моралистомъ (la morale évangélique n'en reste pas moins la plus haute création qui soit sortie de la conscience humaine, le plus beau code de la vie parfaite qu'aucun moraliste ait tracé)... Иисусъ Сирахъ и Гиллель высказали почти (?) одни и тѣ же возвышенныя изрѣченія, какія изрекъ и Иисусъ. Гиллель никогда не обращалъ на это вниманія, тогда какъ Основатель христіанства сдѣлалъ наоборотъ. Въ морали, какъ и въ искусствѣ, слова ничего не значутъ,—тамъ и здѣсь даютъ настоящую цѣну самыя дѣла. Идея, которая лежитъ въ картинѣ Рафаэля, составляетъ весьма маловажную вещь, платять деньги за самое изображеніе. Такъ и въ морали, истина тогда только приобретаетъ настоящее достоинство, когда она непосредственно обращается къ чувству, когда, приобретя значеніе, реализуется въ мірѣ какъ фактъ, какъ дѣло. Люди незавидной нравственности писали очень хорошія нравственныя основоположенія, и напротивъ, мужи великой добродѣтели ничего не сдѣлали такого, что могло бы сохранить въ мірѣ память объ ихъ добродѣтели. Пальма первенства принадлежитъ тому, кто силенъ былъ въ дѣлахъ и словахъ, кто чувствовалъ

истину, и цѣной своей жизни привелъ ее къ побѣдѣ. Съ этой дѣятельной точки зрѣнія Иисусъ стоитъ одинокимъ, внѣ всякаго сравненія; Его слава остается полною и всегда будетъ новою (Jésus, à ce double point de vie, est sans égal; sa gloire reste entière et sera toujours renouvelée).

34) Супружескія и семейныя отношенія должны быть исключены по причинѣ возвышенія Христа надъ всѣми подобными связями, и по причинѣ всеобщности Его жизни и Его миссiи, которыя требовали союза съ церковью искупленныхъ, какъ союза съ Его невѣстой, долженствовавшей замѣнить для Него союзъ съ какою-нибудь дочерью Евы.

35) Марк. 7, 37. Выраженіе народа *καλῶς πάντα πεποίηκε* (bene omnia fecit) должно быть принято въ смыслѣ общаго сужденія, выводимаго не изъ единственнаго, только что разсказаннаго случая, но изъ всего, что народъ слышалъ отъ Христа, и чему Самъ былъ непосредственнымъ очевидцемъ.

36) Матѣ. 27, 46. Не слѣдуетъ забывать, что Иисусъ говоритъ здѣсь пророческими и типическими словами Давида (Пс. 21, 2); тогда какъ вездѣ, гдѣ Онъ говоритъ на своемъ собственномъ языкѣ, называетъ Бога своимъ *Отцемъ*. Ср. также поучительныя примѣчанія докт. Ланге въ его комментаріяхъ къ этому мѣсту (Amerik. Ausg. S. 526, 530).

37) 4 Кор. 11, 1. Сн. 1 Солун. 1, 6: «И вы сдѣлались подражателями намъ и Господу»...

38) Матѣ. 4, 19; 8, 22; 9, 9; Марк. 2, 14; 8, 34; 10, 21; Лук. 5, 27; 9, 23, 59; 18, 22; Иоанн. 1, 43; 10, 27; 12, 26.

39) Матѣ. 12, 1—8; Марк. 2, 23—28; Лук. 5, 1—9; Иоанн. 5, 16—18.

40) Иоанн. 9, 3: «Ни онъ не согрѣшилъ, ни родители его; но это для того (онъ родился слѣпъ), чтобы явились на немъ дѣла Божіи».

41) См. разговоръ съ самаряною у Иоанн. 4, 5 и слѣд.; также притчу о сострадательномъ самарянинѣ, Лук. 10, 30—37.

42) Ульманъ: «Sündlosigkeit Jesu», стр. 67; I. П. Ланге «Leben Jesu» (13, стр. 27—34); Эбрардъ «Dogmatik» (томъ 2, стр. 13, 24). Тотъ же и Газе въ своемъ сочиненіи «Leben Jesu» (4 Ausg., стр. 63) идеальную красоту характера Христова полагаетъ въ «прекрасной соразмѣрности всѣхъ силъ и въ «совершенной божественной любви, представляющей въ чистѣйшей гуманности».

Епископъ Д. Вильсонъ (D. Wilson) въ своемъ «Evidences of Christianity» (2 том., стр. 116, бостонское изданіе 1830 г.) замѣчаетъ: «во Христѣ находились противоположныя и на нашъ, человѣческій, взглядъ явно противорѣчащія красоты (graces) характера въ равномѣрномъ отношеніи». Докторъ В. К. Ханнингъ (W. C. Channing), унитаристъ, въ своей проповѣди о «характерѣ Христа» (см. его соч. 4 ч., стр. 23) говоритъ: «эта связь духа смиренія въ его глубочайшей и привлекательнѣйшей формѣ съ чувствомъ несравненной и божественной славы составляетъ отличительный признакъ этого удивительнаго характера». Гизо въ своемъ сочиненіи «Méditations sur l'essence de la religion chrétienne» (1874 г. стр. 274) говоритъ: «Rien ne me frappe plus dans les Évangiles que ce double caractère de sévérité et d'amour, de pureté austère et de sympathie tendre qui apparait et régnе constamment dans les actes et dans les paroles de Jésus-Christ, en tout ce qui touche aux rapports de Dieu avec les hommes». Къ этому слѣдуетъ присовокупить еще свидѣтельство изъ одного превосходнаго апологетическаго сочиненія: «Apologetische Vorträge über die Grundwahrheiten des Christenthums», доктора Хр. Лютардта, гдѣ говорится слѣдующее: «Образъ Иисуса есть образъ высочайшей и чистѣйшей гармоніи, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. У всѣхъ другихъ людей бываетъ дисгармонія въ ихъ внутренней жизни. Оба полюса духовной жизни, знаніе и чувство, голова и сердце, двѣ силы нравственной жизни, мысли и воли—у кого онѣ находятся въ согласіи? Напротивъ того, у Иисуса мы находимъ живое выраженіе ихъ: здѣсь господствуетъ совершенная гармонія внутренней, духовной жизни. Внутренняя Его жизнь представляетъ абсолютный миръ. Точно также мы не можемъ представить себѣ въ Немъ какой-нибудь отдѣльной способности души, которая бы превышала и подавляла другія, но должны представить Его внутреннія, духовныя способности вполнѣ равномѣрными: то же самое нужно сказать и о всей Его духовной, нравственной жизни. Это есть вполнѣ гармоническая жизнь человѣка. Христосъ есть весь любовь, весь сердце, весь чувство; но вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ есть также и совершенный духъ, совершенная ясность и высота духа. Чувство и мысль у Него неразрывны. И во всемъ царствуютъ живость чувства и впечатлѣній, мысль и опредѣленіе воли, и однако живость Его духовной жизни никогда не является въ страстномъ возбужденіи; эта жизнь представляетъ полную картину

скромнаго величія, мирной простоты, возвышенной гармоніи» (Leipzig 1864, стр. 204).

43) «Politika», стр. 74 («Plat. Opera», ч. 4, стр. 360), сн. «Geschichte der apostolischen Kirche» Шаффа, англійск. изд. § 109, стр. 433 и слѣд. Даже Ж. Ж. Руссо былъ изумленъ этимъ, достойнымъ вниманія, предсказаніемъ языческаго мудреца о страданіяхъ Спасителя, Который умеръ смертію злодѣя и раба, чтобы спасти насъ. «Quand Platon», говорится въ «Emil», — «peint son juste imaginaire couvert de tout l'opprobre du crime et digne de tous les prix de la vertu, il peint trait pour trait Jésus-Christ: la ressemblance est si frappante, que tous les pères l'ont sentée, et qu'il n'est pas possible de s'y tromper».

44) Для нашей цѣли все равно, будемъ ли мы понимать подъ его «братьями» младшихъ сыновей Іосифа, или старшихъ сыновей Іосифа или двоюродныхъ братьевъ Іисуса. Во всякомъ случаѣ они являются какъ члены и родственники святаго семейства, будь то по рожденію (что ближе всего), или по усыновленію. — Ср. экзегетическій пунктъ автора сочиненія: «The Brothers of Christ» въ «Bibliotheca Sacra» за октябрь 1864 г., и примѣчанія въ его издан. соч. Ланге: «Commentary on Matthew», стр. 256 и слѣд.

45) Руссо, «Emil» IV, стр. 111. «Qui, si la vie et la mort de Socrate sont d'un sage; la vie et la mort de Jésus sont d'un Dieu!»

46) Jean Paul: «Ueber den Gott in der Geschichte und im Leben». Собраніе сочиненій, ч. 33, 6.

47) «Vie de Jésus», 7 изд., Парижъ, 1864 г., стр. 325: «Quels que puissent être les phénomènes inattendues de l'avenir, Jésus ne sera pas surpassé. Son culte se rajeunira sans cesse: sa légende provoquera les larmes sans fin; ses souffrances attendront les meilleurs coeurs; tous les siècles proclameront qu'entre les fils des hommes, il n'en est pas né de plus grand que Jésus». Всѣ эти и подобныя, высказанныя въ порывѣ энтузіазма, уступки очень часто встрѣчаются въ религіозномъ романѣ Ренана; но самъ же Ренанъ своимъ пантеистическимъ обоготвореніемъ человѣка разрушаетъ высказанное, разрушаетъ между прочимъ и тѣмъ, что напр. такую посредственную, обскурантную личность, какъ Шакиа-Муни, буддійскаго реформатора, онъ ставитъ на одну степень со Христомъ. См. также послѣднюю книгу его «Жизни Іисуса», и заключеніе его сочиненія: «Критическіе исторіографы Іисуса», гдѣ о Христѣ

онъ говорить такъ: «Чудотворецъ и пророкъ забудутся; человѣкъ и мудрецъ останутся, или лучше, вѣчная красота будетъ жить вѣчно въ этомъ высокомъ имени, какъ и во всѣхъ тѣхъ именахъ, которое человѣчество избрало для того, чтобы напомнить себѣ о ихъ существованіи, и возвышаться чрезъ ихъ примѣръ. Вотъ тутъ-то живой Богъ! Вотъ это предметъ, достойный обожанія!»

48) Докторъ Бауръ: «Das Christenthum und die christliche Kirche der drei ersten Jahrhunderte», 2 исправленное изд., появившееся не задолго передъ его смертію (1860 г.). Именно воскресеніе для Баура остается неразрѣшимою загадкою; но этотъ фактъ прямо составляетъ основаніе, на которомъ утверждается христіанская церковь, и которое донинѣ противится вратамъ ада.

49) Относительно полнаго объясненія этого свидѣтельства можно сослаться на поучительное экзегетико-догматическое сочиненіе В. Ф. Гесса (W. F. Gess, — гёттингскій профессоръ): «Die Lehre von der Person Christi entwickelt aus dem Selbstbewusstsein Christi und aus dem Zeugnisse der Apostel» (Basel. 1856 г.). Сочиненіе доктора Бушнеля о характерѣ Иисуса въ настоящемъ случаѣ недостаточно. Истинное Божество Христа онъ ставитъ не твердо; но, кажется, онъ считаетъ удовлетворительнымъ то мнѣніе, что Христосъ былъ болѣе, чѣмъ человѣкъ, и что Онъ не можетъ быть поставленъ на одну степень съ людьми. Послѣ того какъ онъ провелъ читателя по величайшимъ затрудненіямъ, и перевелъ за черту аріанскихъ воззрѣній, онъ предоставляетъ читателя самому себѣ и своимъ собственнымъ сужденіямъ о достоинствѣ ортодоксальнаго ученія о Христѣ.

50) Ср. словари именно Шмида (Schmid) и Брудера (Bruder) греческіе, или Багстера (Bagster) англійскій: Concordanz des N. Test. (последнее изд. въ 1855 г., въ Нью-Йоркѣ) подъ словомъ *θεος του ανθρωπου*.

51) Объ этомъ согласно говорятъ многіе новѣйшіе нѣмецкіе толкователи; равнымъ образомъ и остроумный англиканскій богословъ, докторъ Треншъ (Trench, нынѣшній дублинскій архіепископъ) замѣчаетъ: «Христосъ былъ сынъ человѣческой, потому что Онъ только реализировалъ все содержаніе идеи человѣка, какъ второй Адамъ, какъ Глава и Представитель всего человѣческаго рода,—единственно истинный и совершенный цвѣтъ, который развился когда-нибудь изъ корня и ствола человѣчества. Между тѣмъ Онъ объявляетъ свои права на это званіе, какъ на свою собствен-

ность, свидѣтельствуешь о своемъ лицѣ, опровергая заблужденія двухъ противоположныхъ полюсовъ, — заблужденія *евіонитовъ*, которымъ благоприятствовало исключительное употребленіе имени «Сынъ Давидовъ», и заблужденія тѣхъ изъ *иностиковъ*, которые отвергали дѣйствительность Его человѣческой природы. (Notes on the Parables, 9 изд., Лондонъ, 1858 г., стр. 84). Филонъ, іудейскій богословъ и философъ, современникъ Иисуса, Логосъ (вѣчное слово) называетъ истиннымъ человѣкомъ *ὁ ἀληθινὸς ἀνθρώπος*.

52) Мѡ. 9, 27; 15, 22; 12, 23; 21, 9; 22, 14 и слѣд.

53) Сн. Мѡ. 19, 28; 24, 30; 25, 31; 26, 64; Лук. 21, 27, 36.

54) Мѡ. 11, 27; 21, 37; 22, 42; 26, 63 и слѣд.; 27, 43; Мр. 12, 6; 13, 32; 14, 62; Лук. 10, 22; Іоанн. 5, 19—26; 9, 35—38; 10, 36; 11, 4; 14, 13; 17, 1; 19, 7.

55) Мѡ. 16, 16; Мр. 3, 11; Іоанн. 1, 18, 34. 49; 11, 27; 20, 31, также и многія мѣста въ дѣяніяхъ апостольскихъ и въ посланіяхъ, гдѣ выраженіе *ὁὸς τῶν Θεῶν* такъ же часто встрѣчается, какъ и другое выраженіе *ὁὸς τοῦ ἀνθρώπου* въ Евангеліи.

56) Мѡ. 3, 17; Лук. 3, 22; Мѡ. 17, 5; Лук. 9, 35.

57) Мѡ. 11, 27. Это мѣсто заключаетъ въ себѣ поразительную параллель съ возвышеннѣйшими краткими изрѣченіями въ четырехъ Евангеліяхъ, и доказываетъ существенное сходство синоптическогого и іоанновскаго изображенія Христа. Ср. примѣч. Шаффа къ американскому изданію *комментаріевъ на Евангеліе Матѡея* Ланге, стр. 126.

58) Іоанн. 3, 36; 5, 24; 6, 40, 47. 50—58 ст.; 11, 25.

59) Іоанн. 4, 26; 5, 36, 39; Мѡ. 15, 33; 16, 16 и слѣд.; 26, 63 и слѣд.

60) Мѡ. 26, 63—65. Шлейермахеръ слова Христа «Ты скажешь» считаетъ, принимая во вниманіе обстоятельства, при которыхъ они высказаны, величайшими словами, которыя когда-нибудь выходили изъ устъ человѣка, — это — прекраснѣйшая апотеоза; никакое Божество не можетъ быть истиннѣе того, которое само о себѣ говоритъ. См. его «Reden über die Religion», 4 изд., Берлинъ, 1831 г., стр. 292 и слѣд. Ср. также примѣчанія Лютардта, стр. 213 и слѣд.

61) Мѡ. 16, 19; 27, 11; Лук. 22, 30; Іоанн. 18, 36; сн. Даниил. 7, 14; Лук. 1, 33.

62) Іоанн. 5, 22, 25—27; Мѡ. 5, 31 и слѣд.

63) Мѡ. 18, 11; Лук. 9, 56; 19, 10; Иоанн. 3, 17; 5, 34; 10, 9; 12, 47. Сн. Лук. 1, 47; 2, 11; Иоанн. 4, 42 и слѣд.

64) По древнему справедливому выраженію: «Mundus non factus est in tempore, sed cum tempore».

65) Иоанн. 8, 58: Ἀμην, ἀμην (торжественное объявленіе важной истины) λέγω ὑμῖν πρὶν Ἀβραάμ γενέσθαι, ἐγὼ εἰμι. Должно обратить вниманіе не только на различіе времени, но и глагола; потому что γενέσθαι, *бываютъ, дѣлаться, получаютъ бытіе, вступаютъ изъ небытія въ бытіе*, указываетъ на происхожденіе или начало во времени, на прѣжнее небытіе, и только примѣнимо къ сотворенному существу; тогда какъ εἶναι хотя также ведетъ свое начало отъ Бога, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ и вѣчное существованіе, какъ и временное. Ср. ἦν Слова (Иоанн. 1, 1) съ ἐγένετο челоуѣка у Иоанна (1, 6). Г. А. Мейеръ (H. A. Meyer), лучший между современными грамматическими толкователями въ 58 ст. 8 гл. Иоанн. (стр. 249 и слѣд.) справедливо замѣчаетъ: «Такъ какъ Авраамъ не существовалъ прежде, но *получилъ существованіе* чрезъ рожденіе, то объ немъ поставлено γενέσθαι; напротивъ, гдѣ стоитъ εἰμι, тамъ должно понимать *бытіе, существованіе по себѣ*, которое свойственно Иисусу (такое существованіе прежде времени Онъ имѣлъ по своему Божественному существу), и не поставляется въ зависимость отъ предшествовавшаго бытія. *Настоящее время* означаетъ продолжающееся дѣйствіе изъ прошедшаго. См. Іер. 21, 5—8; пс. 89, 3; Винеръ, Грамм., стр. 309». Свое объясненіе Мейеръ ведетъ далѣе и опровергаетъ социніанское и рационалистическое ложное истолкованіе разсматриваемаго мѣста. Въ новѣйшее время сдѣлавшееся особенно моднымъ отрицаніе предвѣчнаго бытія абсолютно несогласимо съ яснѣйшими выраженіями Иоанна, Павла и самаго І. Христа.

66) Иоанн. 17, 5. Ср. свидѣтельство апостоловъ о предсуществованіи,—Иоанн. 1, 1—14; Колос. 1, 16; Евр. 1, 2, 3.

67) Мѡ. 9, 6; Лук. 5, 20—24; 7, 47, 48.

68) Иоанн. 10, 30. Настоящее мѣсто представляетъ болѣе чѣмъ простое одно нравственное единство всемогущества, которое основывается на единствѣ существа. Слово εἶς исключаетъ аріанизмъ; множественное число ἐσμεν—савелліанизмъ и патрипассіанизмъ.

69) Докторъ Генгстенбергъ (Hengstenberg въ своемъ сочиненіи Kommentar zum Evangelium Iohannis» Berlin, 1863 г., В. 3. S. 361 и слѣд.) справедливо замѣчаетъ: «люди, которые сами себя

дѣлають Богомъ, всегда или сумасшедшіе или бездѣльники. Кто иной, какъ только не сумасшедшій, осмѣлился поставить Иисуса въ тотъ или другой изъ этихъ классовъ?».

70) «Ни одному изъ сотней тысячъ читателей Евангелія», говоритъ Бушнелъ (L. L. O. S. 290), «не приходило на мысль обвинять Иисуса въ обманѣ или въ безмѣрномъ тщеславіи Его притязаній». Даже лучшіе между унитаристами невольно склоняются предъ этими притязаніями, хотя они совершенно противорѣчатъ ихъ мнѣніямъ.—См. достопримѣчательное, приведенное ниже мѣсто изъ соч. Ханнинга.

71) Заключение сочиненія Ханнинга (Channing): «Character of Christ» (Boston, T. IV, S. 20).

72) Объясненіе, какое даютъ этимъ словамъ Оомы нѣкоторые изъ богослововъ — унитаристовъ, просто нелѣпо, и заслуживаетъ вниманія только потому, что оно показываетъ неразрѣшимую трудность, въ которую ставятъ христологію унитаристовъ разсматриваемое мѣсто. Слова Оомы служатъ чистымъ выраженіемъ удивленія, вызваннаго фактомъ воскресенія: «Богъ мой!».

73) Гипотеза обмана впервые явилась у древнихъ языческихъ борцовъ съ христіанствомъ: у Цельса во второмъ, и императора Юліана отступника въ четвертомъ вѣкѣ; но это, собственно говоря, были болѣе легкомысленные и поверхностные, хотя ловкіе и остроумные насмѣшники, чѣмъ основательные изслѣдователи, и давнымъ давно опровергнуты, — первый Оригеномъ, а послѣдній Кирилломъ Александрійскимъ. Эта же самая гипотеза нашла себѣ защитниковъ въ лицѣ Вольтера, а потомъ въ школѣ французскихъ атеистовъ; какъ Вольтеръ, такъ и указанная школа своимъ безуміемъ и своею ненавистью къ христіанству превзошли своихъ предшественниковъ, но своихъ положеній никогда не могли поставить на степень научнаго доказательства. Первая серьезная попытка провести гипотезу обмана является, хотя также только отрывочно, у какаго то нѣмца, именно въ анонимномъ сочиненіи «Wolfenbütteler Fragmentisten»,—сочиненіи, сдѣланшемся извѣстнымъ позже Германа Самуила Реймаруса (профессоръ восточныхъ языковъ въ Гамбургской коллегіи, гдѣ онъ умеръ въ 1786 г.). Его «Fragmente», предназначенныя только для нѣсколькихъ немногихъ друзей, никогда не были обнаружены. Лессингъ нашелъ это сочиненіе въ Вольфенбютлерской библіотекѣ, и въ 1774 г. началъ печатать его безъ вѣдома автора; но началъ печатать это сочиненіе не потому,

какъ онъ говорилъ, что соглашался съ нимъ, а потому, что этимъ онъ желалъ пробудить духъ изслѣдованія. Эту уловку Лессинга *Землеръ*, отецъ нѣмецкой такъ называемой неологiи, остроумно сравнилъ съ поджогомъ города, — просто съ цѣлю испытать пожарную трубу. Въ наше время *Бруно Бауеръ* (не должно смѣшивать его съ весьма замѣчательнымъ докторомъ *Ф. Хр. Бауромъ*), теологическiй вѣтрогонъ, праздношатающiйся отступникъ, эту эксплодирующую теорiю попытался снова подогрѣть, и представить Евангелiя умышленною фабрикацiею. Но самъ Штраусъ (въ своемъ новомъ сочиненiи «*Leben Iesu für das Volk*») игнорируетъ его, какъ негоднаго для своего общества.

74) «*Discourse on the Character of Christ. Channing's Works, vol. IV, p. 17, 18.*

75) Такъ называемый *rationalismus vulgaris* или *communis*, или рационализмъ здраваго человѣческаго ума, различается отъ рационализма трансцендентальнаго или рационализма чрезвычайнаго разсудка или спекулятивнаго ума. Смыслъ обѣихъ системъ оканчивается однако безразсудностью. Докторъ *Марейнеке* (*Marheineke*) рационалиста или, какъ называетъ его Паулюсъ «умствующаго въ вѣрѣ», опредѣляетъ, какъ человѣка, который «вѣруетъ для того, чтобы было о чемъ помудрствовать, и мудрствуетъ, во что бы вѣрить, что одинаково равняется нулю». Гегелианская школа обратила въ послѣдствiи вульгарный рационализмъ въ насмѣшку, такъ что долгое время каждый ученый долженъ былъ стыдиться этого, нѣкоторымъ образомъ философскаго направленiя. Но лѣвая, невѣрующая, сторона этой школы въ концѣ концовъ снова впала въ эту и даже большiя несообразности.

76) См. *Diodorus Siculus, Bibl. Fragm. 1. 7; Cicero, «De natura deorum», 1. 42; Sextus Empir., Adv. math. IX. 17.*

77) Докторъ Паулюсъ родился въ Леонбергѣ, въ виртенбергскомъ королевствѣ, въ 1761 г., въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ, 11 лѣтъ спустя, увидѣлъ свѣтъ Божiй великiй философъ *Шеллингъ*. Паулюсъ былъ профессоромъ въ разныхъ университетахъ, наконецъ въ Гейдельбергѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1847 г., давнымъ давно переживъ свою извѣстность. Свою рационалистическую экзегетику онъ изложилъ въ сочиненiяхъ: «*Kommentare über die Evangelien*» и «*Leben Jesu*», которыя съ 1828 г. забыты.

78) Рационалистическое толкованiе словъ *περίπατων ἐπὶ τῆς θαλάσσης*, или *ἐπὶ τὴν θαλάσσαν* (какъ читаютъ въ новѣйшихъ, ис-

правленныхъ критическихъ изданіяхъ) МѠ. 15, 25, — совершенно непримиримо ни съ связью рѣчи, ни съ выраженіемъ въ 19 ст.: περιπατήσεν ἐπὶ τὰ ἕδατα, равно и со всѣми хорошими комментаторами. Справедливо, что греческій предлогъ ἐπὶ съ родительнымъ можетъ означать *у края, на краю*, но только тогда, когда стоитъ съ глаголомъ, выражающимъ *покой*, какъ напр. у Іоанна 21, 1: Ἐπὶ τῆς θαλάσσης τῆς Τιβεριάδος, но не тогда, когда стоитъ послѣ глагола, выражающаго *движеніе*, какъ глаголь περιπατεῖν, и еще менѣе, когда этотъ предлогъ ставится съ винительнымъ падежемъ, какъ вѣрно читается въ древнихъ манускриптахъ.

79) Ренанъ: «Religionsgeschichtliche und kritische Studien» въ англійскомъ переводѣ О. Б. Фротингама, Нью-Йоркъ, 1864 года, стр. 176 и слѣд.

80) *Давидъ Фридрихъ Штраусъ*, докторъ философіи (но не богословія) родился въ небольшомъ виртембергскомъ королевствѣ, въ Людвигсбургѣ (неподалеку отъ Штутгарта), — въ королевствѣ, которое произвело столько замѣчательныхъ мужей, такихъ поэтовъ, какъ *Шиллеръ* и *Виландъ*, такихъ философовъ, какъ *Шеллингъ* и *Гегелъ*, такого астронома, какъ *Кеплеръ*, и рядъ самыхъ благочестивыхъ теологовъ, начиная съ *Бренца* и *Бенгеля*, и оканчивая *Шмидомъ* и *Беккомъ*; но оно произвело также проводниковъ и вождей грубаго, трансцендентальнаго рационализма, каковы *Паумъсъ*, *Бауръ* и *Штраусъ*. Докторъ *Бауръ* (ум. въ 1860 г.), профессоръ церковной исторіи въ Тюбингенѣ, есть основатель такъ называемой *тюбингенской* отрицательной историко-критической школы, цѣль которой заключается въ радикальной перестройкѣ исторіи первоначальнаго христіанства на основаніи пантеистическаго (гегелианскаго) гностицизма или интеллектуализма. Вообще о Баурѣ нужно сказать, что это чело-вѣкъ весьма даровитый; подъ его вліаніемъ образовался Штраусъ, и сдѣлался неспособнымъ для духовнаго званія. Штраусъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ Баура, и развилъ необыкновенный талантъ и рѣдкое прилежаніе. Послѣ ученаго путешествія по сѣверной Германіи, Штраусъ сдѣлался репетентомъ въ тюбингенскомъ институтѣ; но въ 1836 г., послѣ обнародованія своего знаменитаго сочиненія «*Leben Jesu*», которое надѣлало много шума въ богословскомъ и литературномъ мірѣ, и въ тоже время сдѣлало его имя незавиднымъ на послѣдующее время, оставилъ это мѣсто, и вообще отказался отъ церковнаго служенія. Съ тѣхъ поръ Штраусъ вель бродячую, свѣтскую жизнь въ разныхъ мѣстахъ,

въ Людвигсбургѣ, Штутгартѣ, Гейльброннѣ, Веймарѣ, Кельнѣ, Мюнхенѣ, и затѣмъ снова поселился въ Гейльброннѣ, а потомъ въ Берлинѣ. Онъ женился на знаменитой актрисѣ Агвесѣ Шебестъ (его женитьбу юмористъ Юстинъ Кернеръ остроумно назвалъ «миѳомъ»), но скоро съ нею развелся не по причинѣ ея безнравственности, но, какъ говорятъ, вслѣдствіе неуживчивости ея характера. Въ 1839 г. Штрауса, въ качествѣ профессора догматики, вызвали было въ цюрихскій университетъ; но онъ встрѣтилъ пріятствіе въ занятіи кафедръ, по случаю возникшаго волненія крестьянъ кантона, которые, желая уничтожить радикальное правленіе, осадили тотъ городъ, который пригласилъ Штрауса съ тѣмъ, чтобы подкопать основы христіанской вѣры въ умахъ подрастающаго поколѣнія.

Штраусъ—человѣкъ ученый, получившій основательное классическое, всестороннее образованіе,—мастерски умѣющій излагать дѣло. Это человѣкъ очень яснаго, методическаго, логическаго и остраго ума, обладающій рѣдкимъ дарованіемъ критическаго анализа, но отнюдь не творческою силою. Это талантъ высокаго ранга, но никакъ не гений; онъ можетъ разрушать, но не созидать; онъ замѣчаетъ трудности и разности, но не видитъ никакого единства и гармоніи. Это адвокатъ, но адвокатъ ни на что не обращающій вниманія. адвокатъ, который уничтожаетъ показанія свидѣтелей, и неспособенъ достигнуть прочнаго результата. Словомъ, Штраусъ мастерски умѣетъ созидать развалины. Относительно нравственнаго его характера можно сказать, что это человѣкъ правильной, умѣренной и трудолюбивой жизни, но очень честолюбивъ, корыстенъ, себялюбивъ и безсердеченъ. Когда онъ былъ студентомъ, это былъ добродушный, даже суевѣрный человѣкъ, довѣрчиво внимавшій откровеніямъ ясновидящей, и рассказамъ о привидѣніяхъ, которыя двигали тогда Виртембергомъ, и группировались около Штраусова друга, достойнаго любви доктора и поэта, Юстина Кернера вейнсбергскаго. Здѣсь мы можемъ видѣть поразительное доказательство близкаго родства суевѣрія съ невѣріемъ, и легкаго перехода изъ одного въ другое. Тотъ же законъ повторяется въ широкихъ размѣрахъ, по тѣсной связи, и между невѣріемъ и новѣйшимъ, такъ называемымъ ложнымъ спиритуализмомъ съ его некромантіей и заклинаніемъ духовъ. Человѣкъ долженъ же чему-нибудь вѣрить; онъ долженъ вѣрить или

въ истиннаго Бога, или въ безмолвныхъ истукановъ, или въ Св. Духа, или въ привидѣнія.

Первое, обширѣйшее сочиненіе Штрауса «Leben Jesu» явилось въ Тюбингенѣ въ 1835—36 гг. въ двухъ частяхъ; четвертое изданіе оно выдержало въ 1840 г. На французскій языкъ оно переведено Эмилемъ Литтре (Emil Littrè), членомъ института (Paris 2 изд. 1856 г.), также и на англійскій языкъ миссъ Маріанъ Эвансъ (Marian Evans. Лондонъ. 1846 г., три части; потомъ оно напечатано было неизвѣстнымъ лицомъ въ Нью-Йоркѣ, въ 1850 г.). Со-вращенное сочиненіе Штрауса явилось подѣ тѣмъ же заглавіемъ съ прибавленіемъ: «für das deutsche Volk bearbeitet» (1864 г., Лейпцигъ), въ одномъ томѣ въ 633 стран., и выдержало уже нѣсколько изданій. Тогда какъ первое его сочиненіе «Leben Jesu» предназначено имъ для ученыхъ, послѣднее претендуетъ на популярность (что выражается въ заглавіи его), и желаетъ быть для нѣмцевъ тѣмъ, чѣмъ Ренановъ «Vie de Jésus» было для французовъ, далеко уступая ему во всемъ, что касается щегольства и популярности, хотя по учености и подробностямъ оно стоитъ несравненно выше произведенія Ренана. Штраусъ, тяжелый въ сравненіи съ Ренаномъ, кабинетный ученый, при всемъ своемъ искусствѣ изложенія своего «Leben Jesu», утомляетъ читателя. Онъ посвятилъ эту книгу своему покойному брату точно такъ же, какъ Ренанъ посвятилъ свое произведеніе своей умершей сестрѣ. Въ сочиненіи, предназначенномъ для народа, Штраусъ, за немногими исключеніями, утверждаетъ свои старыя положенія съ тою только разницею, что оно дышетъ еще сильнѣйшимъ озлобленіемъ противъ церкви и духовенства, чѣмъ его первое сочиненіе; онъ оставляетъ церковь, и обращается къ народу, разыгрывая роль теологическаго дезертира и духовнаго демагога. Въ предисловіи (12 стр.) онъ не стыдится съ наглостью указывать на примѣръ св. Павла, который обратился съ словомъ евангелія къ язычникамъ послѣ того, какъ отвергнуть быль іудеями. Штраусъ надѣется, что уничтоженіе въ народѣ вѣры въ чудеса неизбѣжно поведетъ за собою уничтоженіе духовнаго званія, какъ бесполезнаго, при настоящемъ состояніи просвѣщенія составляющаго просто опасное для общества бремя: «Кто хочетъ создать изъ церкви духовенство, тотъ долженъ прежде изъ религіи сдѣлать чудо», говоритъ онъ на 9-й страницѣ предисловія. Какой родъ религіи или философіи онъ поставилъ бы на мѣсто христіанства, можно заключить изъ

его открытаго отрицанія безсмертія души. Въ сочиненіи, посвященномъ памяти умершаго своего брата, Штраусъ хвалитъ его за то, что онъ никогда, даже на смертномъ одрѣ, не поддался обманчивому искушенію утѣшиться пустыми грезами другаго міра, и «даже въ такую минуту, когда угасла въ тебѣ всякая надежда жизни, говоритъ онъ, ты не поддался искушенію обмануть себя надеждой по ту сторону гроба». Еще раньше, въ заключеніи своей догматики (1840 г.), Штраусъ объявляетъ загробную жизнь послѣднимъ врагомъ, котораго имѣетъ побѣдить спекулятивная философія, и благородный поэтъ тогда же сочинилъ слѣдующіе стихи на эту безотрадную философію—по сю сторону гроба:

„Ich bin der Weg, die Wahrheit und das Leben,
Sprach der, ded Gott zum Führer uns gegeben.
Doch wie spricht der, mit dem ihr uns bedroht:
Ich bin der Weg, die Wahrheit und der Tod“.

(„Я путь, истина и жизнь, сказалъ Тотъ, котораго далъ намъ Богъ въ руководителя; между тѣмъ тотъ, которымъ вы угрожаете намъ, говоритъ: я путь, истина и смерть“).

Первое сочиненіе Штрауса «Leben Jesu» вызвало къ жизни цѣлыя бібліотеки ученыхъ защищеній евангельской исторіи, такъ что на него можно смотрѣть какъ на научно побѣжденное. Изъ числа замѣчательнѣйшихъ противниковъ теоріи Штрауса можно указать *Неандера, Ульмана, Толлюка, Ланге, Эбрарда, Юл. Мюллера, Гофмана, Гуа*. См. также рядъ ученыхъ статей *Георга Б. Фишера*, профессора при «Vale College»: «The Conflict with Skepticism and Unbelief», въ «New-Engländer», апрѣль, 1864 г.; изъ нихъ послѣдняя разсматриваетъ и опровергаетъ штраусовскую теорію міра. Въ своемъ новомъ произведеніи Штраусъ, конечно съ цѣлю, совершенно игнорировалъ многія изъ лучшихъ сочиненій, направленныхъ противъ его теоріи, какъ наприм. «Glaubwürdigkeit der evangelischen Geschichte» *Толлюка, Leben Jesu Ланге* и отличныя эзегетическія и критическія работы *Мейера, Блека* и др.

Въ скоромъ времени послѣ появленія популярнаго сочиненія «Leben Jesu» Штраусъ выпустилъ еще два дополнительныя политическія разсужденія,—одно («Der Christus des Glaubens und der Jesus der Geschichte», Berlin, 1865 г.) противъ не задолго предъ этимъ появившагося сочиненія *Шлейермахера*: «Vorlesungen über

das Leben Jesu», а другое, меньшее, противъ *Шенкеля* и *Гемстенберга* («Die Halben und die Ganzen, Berlin, 1865 г.). Оба эти сочиненія ничего новаго къ главному вопросу не прибавляютъ: но съ большою, можно сказать, съ демоническою острою показываютъ, какъ далека истина отъ заблужденія, и этимъ самымъ невольно служатъ въ пользу рѣшительной вѣры. Штраусъ, какъ самъ себя онъ называетъ, есть мефистофелевская кошка, которая пожираетъ жаркое ортодоксіи, но вмѣстѣ съ этимъ пожираетъ мышей и крысъ всѣхъ ложныхъ попытокъ—установить посредство между Христомъ и Веліаломъ. Господинъ Шенкель своимъ, достойнымъ сожалѣнія, дезертирствомъ въ лагерь врага заслужилъ это наказаніе отъ учителя отрицательной критики; быть можетъ, это откроетъ ему глаза и побудитъ къ возвращенію! Но Шлейермахеръ, не смотря на то, что ему рѣшительно доказали несостоятельность его соединенія супранатуралистической хринологіи съ рационалистической экзегетикой, личной вѣры во Христа съ произвольной критикой евангельской исторіи, все таки продолжалъ дорогу новой евангелической нѣмецкой теологіи. Онъ былъ священникомъ религіи сердца; онъ, по крайней мѣрѣ, ввелъ своихъ учениковъ въ *притворъ* храма Откровенія, и самъ наконецъ умеръ въ простой юношеской вѣрѣ въ примирительную смерть Спасителя. Штраусъ воображаетъ себя, будто неудача шлейермахеровской попытки доказываетъ вообще несогласимость между христіанствомъ и наукой, какъ будто христіанство связывается съ Шлейермахеромъ или какимъ-нибудь другимъ человекомъ, или зависитъ отъ нихъ, и будто бы самъ Штраусъ былъ наукой! «Христосъ вѣры» есть вмѣстѣ «Исусъ исторіи», Который вытерпѣлъ пробный огонь столѣтій, и теперь еще управляетъ кормиломъ всемірной исторіи, а «Исусъ рационализма и пантеизма» есть новѣйшая фикція, которая только все разрушала, и скоро займетъ свое мѣсто въ кладовой заблужденій человѣческаго духа.

81) *Федоръ Паркеръ* род. въ 1810 г. въ Массачузетѣ, умеръ въ 1860 г. во Флоренціи. «Discourse of Matters pertaining to Religion», 1849 г. См. его рецензію на сочиненіе Штрауса въ «Christian Examiner», апрѣль 1840 г. Его біографъ Вейсъ находитъ различіе между теоріями Штрауса и Паркера; но его воззрѣнія основываются отчасти на заблужденіи перваго. Различіе между ними заключается болѣе въ практическомъ направленіи американскаго агитатора, и спекулятивномъ направленіи нѣмецкаго ученаго. См.

Иоанна Вейсса: «Life and Correspondence of Theodore Parker» (Нью-Йоркъ, 1864 г., 2 части, и отличную рецензію этого сочиненія профессора Ноя Портера (въ «New-Englander, New-Haven, 1864 г., стр. 359 и слѣд.).

82) Въ своемъ новомъ сочиненіи «Leben Jesu» (стр. 79) Штраусъ относительно Евангелія Иоанна говорить: «Здѣсь, по всей вѣроятности, имѣеть мѣсто даже примѣсъ философской конструкціи и сознательнаго вымысла».

83) Докторъ Буаръ, во второмъ, вновь просмотрѣнномъ изданіи своего послѣдняго сочиненія: «Christenthum und die christliche Kirche in den ersten drei Jahrhunderten», явившагося въ свѣтъ не задолго предъ его смертію, дѣлаетъ замѣчательное признаніе, что обращеніе ап. Павла для него всегда оставалось загадкой, которая не можетъ быть удовлетворительно разрѣшена, ни психологическимъ, ни діалектическимъ анализомъ. «Ни психологическій, ни діалектическій анализъ, говоритъ онъ, не можетъ объяснить внутренней тайны акта, въ которомъ Богъ открылъ ему (Павлу) Своего Сына» (стр. 45). Въ связи съ этимъ онъ дозволяетъ даже себѣ говорить о «чудѣ» воскресенія, что «оно только могло разрѣшить сомнѣнія старѣйшихъ Павла апостоловъ, оно только могло, кажется, уничтожить вѣру даже въ вѣчную ночь смерти» (39), и «о чудѣ» обращенія Павла, которое представляется столь великимъ, что произвело въ немъ сильный переворотъ: изъ отъявленнаго врага христіанства онъ дѣлается рѣшительнымъ вѣстникомъ его, разбиваетъ ограниченность іудейскаго партикуляризма, и разрѣшаетъ его во всеобщую идею христіанства (стр. 45). Мы не можемъ не одобрить искренности этого величайшаго между новѣйшими рационалистами скептика, и надѣемся, что онъ избавился отъ «вѣчной ночи» отчаянія, этого естественнаго конечнаго результата скептицизма.

84) Тоже самое возраженіе противъ теоріи вымысла выражено было невѣрующимъ Ж. Ж. Руссо въ его «Emil»: «Jamais des auteurs juifs n'eussent trouvé ni ce ton, ni cette morale; et l'évangile a des caractères de vérité si grands, si frappeus, si parfaitement inimitables, que l'inventeur en serait plus étonnant que le héros». Теоодоръ Паркеръ, обращаясь къ полному отрицанію существованія Иисуса, которое ни одному мыслящему человѣку не приходило на умъ, представляетъ доказательства противъ частнаго отрицанія, говоря: «Измѣривъ Иисуса не по той тѣни, которую Онъ бросилъ на міръ; нѣтъ,

но по свѣту, который Онъ на него излилъ. Намъ говорить, что такой человѣкъ никогда не жилъ, и вся исторія объ немъ есть ложь. Допустимъ, что Платонъ и Ньютонъ никогда не жили. Но кто же сотворилъ ихъ чудеса и мыслилъ ихъ мыслями? Для того, чтобы выдумать Ньютона, надо быть самому Ньютономъ. *Какой человекъ могъ измыслить Иисуса? Только одинъ Иисусъ.* Ренанъ, вопрека своей собственной теоріи, въ своей «*Vie de Jésus*» (гл. 28, стр. 367) говоритъ: «Далекій отъ того, чтобы быть произведеніемъ своихъ учениковъ, во всѣхъ отношеніяхъ Иисусъ является выше, больше ихъ. За исключеніемъ Павла и Іоанна, они—люди безъ генія.. Вообще характеръ Иисуса не преувеличенъ и далекъ отъ того, чтобы быть разукрашеннымъ». Какъ, подумаешь, прискорбно, что міръ, въ теченіи осмнадцати столѣтій, долженъ былъ ожидать возстановленія истиннаго изображенія Иисуса, довольствуясь во все это время несовершенными и искаженными отрывками изъ повѣствованій Его невѣжественныхъ учениковъ!

85) Въ своихъ «*Gesprächen mit Eckermann*» (3. ч. стр. 371) всемірный поэтъ Гёте признаетъ подлинность, достовѣрность и несравнимое величіе Евангелій, говоря: «я принимаю Евангелія за несомнѣнно подлинныя сочиненія, потому что въ нихъ отражается дѣйствительно отблескъ той высоты, которая исходитъ отъ лица Христова, и которая носитъ въ себѣ Божественный характеръ, явившій на землѣ дѣйствительно Божественное». *Гизо* въ своихъ «*Méditations*» въ первыхъ строкахъ 252 стр. дѣлаетъ слѣдующее весьма мѣткое и справедливое замѣчаніе о Евангеліяхъ: «Неодолимая сила этихъ книгъ и ихъ свидѣтельствъ испытана и доказана. Онѣ побѣдили язычество, завоевали Грецію, Римъ и варварскую Европу и постоянно будутъ завоевывать міръ. Силѣ книгъ вполне соответствуетъ искренность ихъ авторовъ. Мы можемъ оспаривать ученость и критическое остроуміе первыхъ исторіографовъ Иисуса; но нападать на ихъ добрую вѣру невозможно,—она вытекаетъ изъ ихъ словъ: они вѣровали въ то, о чемъ говорили, и свое свидѣтельство запечатлѣли своею кровію.

86) Это по отношенію къ Юму успѣшно примѣнилъ англиканскій епископъ *Whately* въ своемъ сочиненіи «*Historic Doubts relative to Napoleon Bonaparte*» (Оксфордъ, 1821 г.), а по отношенію къ Штраусу докторъ *Вурмъ* (подъ именемъ *Казуара*) въ своемъ сочиненіи «*Leben Luthers*» (1839 г.), на которомъ выставилъ: «*Мексика 1936 г.*», желая этимъ выразить, что развѣ спустя только

сто лѣтъ послѣ появленія штраусовской «Leben Jesu» теорія автора достигнетъ успѣха въ Новомъ свѣтѣ. Это очень ловкая пародія, которая вѣрно очерчиваетъ методъ Штрауса, и примѣняетъ ее къ тѣмъ документамъ, которые относятся къ жизни Лютера, и часто противорѣчатъ себѣ; напр. относительно мѣста его рожденія, было ли то Мера, или Эйсlebenъ, или Мансфельдъ (сравн. Виелеемъ и Назаретъ), и относительно времени и способа его возвращенія въ Эрфуртъ, — была ли тому причиной дуэль, или гроза и т. д. Равнымъ образомъ и профессоръ *Нортонъ* (Norton), американскій унитарій, въ своемъ сочиненіи «Internal Evidences of the Gospels» обратилъ это оружіе противъ Штрауса, и послѣ этого штраусовскими же методомъ доказалъ ясно, что Юлій Цезарь не былъ убитъ.

87) *Иосифъ Эрнестъ Ренанъ* родился 27 февраля 1823 г. въ Третье, въ Бретани, отъ незнатныхъ (нѣкоторые говорятъ отъ иудейскихъ) родителей, и былъ воспитанъ въ парижской теологической семинаріи св. Сульпиція для духовнаго званія римской церкви. Но еще до посвященія въ духовное званіе Ренанъ отказался отъ него; причиной этому были нѣкоторыя религиозныя недоразумѣнія, которыхъ его начальство или не могло или не хотѣло разрѣшить. Тогда Ренанъ посвятилъ себя сравнительному изученію семитическихъ языковъ, и успѣлъ въ этомъ дѣлѣ на столько, на сколько успѣлъ и берлинскій профессоръ *Воппъ* (Wopp) въ изученіи индо-германскихъ или арійскихъ языковъ. Въ 1847 г. Ренанъ получилъ Вольнеевскую премію за сочиненіе, которое расширило исторію семитическихъ языковъ, и доставило ему славу одного изъ первыхъ современныхъ европейскихъ ориенталистовъ. Въ 1856 г. онъ избранъ былъ на мѣсто Августа Тьерри членомъ французскаго института. Въ 1860 г. императоръ Наполеонъ поручилъ ему вмѣстѣ съ миссіей отправиться для археологическихъ изслѣдованій вѣроятнаго положенія финикійскихъ городовъ; результаты своихъ изслѣдованій Ренанъ обнаружилъ въ большомъ собраніи эпитафій изъ временъ ассирійскаго владычества до времени Селевкидовъ. По возвращеніи своемъ въ Парижъ онъ назначенъ былъ профессоромъ еврейскаго языка въ парижской коллегіи; но лишился этого мѣста за свою вступительную рѣчь, въ которой онъ, во имя свободы науки, нападалъ на традиціонную ортодоксію клерикальной партіи, и досточтимый догматъ о Божествѣ Христа.

«Vie de Jésus» Ренана въ главныхъ чертахъ начерно набросана

была имъ во время его путешествія по востоку, которое онъ совершалъ съ своею сестрою, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ святыхъ мѣстъ, и въ 1863 г. онъ выпустилъ въ Парижѣ, какъ первую часть одного, предположеннаго въ четырехъ частяхъ, сочиненія «о происхожденіи христіанства». Оно составило эпоху въ религиозной французской литературѣ, и распространилось неизменно успѣшно на европейскомъ континентѣ, въ Англіи, даже въ Америкѣ (тутъ на ряду съ англійскимъ переводомъ явилось также два нѣмецкихъ). Предо мною лежатъ седьмое французское изданіе (Paris, 1864) и англійскій переводъ Х. Г. *Вильбура* (Wilbour) (Нью-Йоркъ, 1864 г.).

Сочиненіе Ренана есть мастерская, элегантная и эффектная эстетико-реторическая композиція, и въ этомъ отношеніи оно далеко превосходить родственныя съ нимъ нѣмецкія произведенія. Оно обладаетъ всѣми прелестями религиознаго романа, и иному легкомысленному французу, до появленія его неподозрѣвавшему, что Иисусъ представляетъ такой необычайный характеръ, можетъ оказать благодѣяніе, доставивъ ему случай и побужденіе изучить Новый завѣтъ. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ изъ зла еще можетъ выйти добро. Но какъ критическое или ученое произведеніе, сочиненіе Ренана на самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакого значенія. При изложеніи критическихъ подробностей, Ренанъ, имѣя подъ руками шесть другихъ сочиненій, цѣликомъ ссылается на «*Leben Jesu*» Штрауса (французскій переводъ Литтре), и этимъ довольствуется для того, чтобы высказать свое мнѣніе съ самоувѣренностью оракула; рядомъ съ этимъ приводитъ множество новозавѣтныхъ и талмудическихъ цитатъ, изъ которыхъ нѣкоторыя прямо доказываютъ противоположное тому, что утверждается авторомъ въ текстѣ. О многихъ опроверженіяхъ, направленныхъ противъ Штрауса, Ренанъ не говоритъ ни слова. Онъ, по примѣру Штрауса, изготовилъ въ назиданіе французскаго народа, меньшее изданіе своей «*Vie de Jésus*», гдѣ, по собственнымъ его словамъ, онъ представляетъ Иисуса въ «чистомъ бѣломъ мраморѣ» (ему слѣдовало бы сказать въ марципанѣ), безъ порока и погрѣшностей. Изъ многихъ противниковъ Ренана можно упомянуть о *Е. де Прессансе* во Франціи, *Остерзее* въ Голландіи, *Лютардтъ* въ Германіи и *Г. В. Шмитъ* въ Соединенныхъ Штатахъ.

88) См. сочиненіе Ренана о «критическихъ біографіяхъ Иисуса»,

въ его «Изученіи религіозной исторіи и критики». Стр. 189. (Въ англійскомъ переводѣ Фротингама, въ Нью-Йоркѣ 1865 г.).

89) Въ процитованномъ выше сочиненіи (стр. 197) Ренанъ говоритъ: «Легенда о буддѣ Шакіа-Муни, даже образомъ своего происхожденія, болѣе всего походитъ на легенду о Христѣ; потому что буддизмъ вообще представляетъ религію, въ своемъ развитіи болѣе всего сходную съ христіанствомъ». Простой фактъ неизвѣстности покрытаго мракомъ тумана Шакіа-Муни въ цивилизованномъ мірѣ дѣлаетъ употребленное французскимъ беллетристомъ сравненіе съ нимъ Иисуса богохульнымъ и крайне смѣшнымъ.

90) «Vie de Jésus» гл. 15, стр. 172. «La légende était ainsi le fruit d'une grande conspiration toute spontanée et s'élaborait autour de lui de son vivant. Aucun grand événement de l'histoire n'est passé sans donner lieu à un cycle de fables, et Jésus n'eût pu, quand il l'eût voulu, couper court à ces créations populaires».

91) «Изученіе исторіи и критики религіи», стр. 192.

92) Въ ученномъ и критическомъ отношеніяхъ всѣ компетентныя критики неуважительно относятся къ сочиненію Ренана. Докторъ Г. Б. Шмитъ (нью-йоркскій) въ своей превосходной критикѣ на «Жизнь Иисуса» Ренана (*American Presbyterian and Theological Review*, январь 1864 г., стр. 145) справедливо замѣчаетъ: «по учености, уму и послѣдовательности нѣмецкое сочиненіе Штрауса стоитъ несравненно выше легкаго и вздорнаго французскаго романа». Это же мнѣніе высказалъ и профессоръ Фишеръ (*New Englander*, 1864 г., стр. 264): «Ничего нѣтъ ужаснѣе нападеній Ренана на христіанство. Сочиненіе его слишкомъ далеко отъ притязаній на научный методъ, и не въ состояніи произвести продолжительное впечатлѣніе. Въ сравненіи съ сочиненіемъ Штрауса оно имѣетъ меньше значенія, и мы не сомнѣваемся въ томъ, что послѣднимъ результатомъ произведеннаго имъ движенія и критики, которой оно должно подвергнуться, будетъ то, что яснѣе, чѣмъ когда-нибудь, откроется трудность опровергнуть свидѣтельства откровенія». *Маркъ Додсъ* (*Marcus Dods*), въ предисловіи къ Единбургскому переводу Ланге «Жизнь Иисуса» (В. 1, S. 14), сочиненіе Ренана называетъ «самымъ жалкимъ литературнымъ заблужденіемъ нашего вѣка», и замѣчаетъ, что «достойное сожалѣнія невѣжество обнаруживается со стороны французской публики въ томъ, что сочиненіе, которое въ Германіи сдѣлалось бы, при своемъ появленіи въ свѣтъ, двадцатью годами старѣе себя, могло возбу-

дить такой интерес». *Самуилъ I. Андресъ* (Andrews), въ своемъ предисловіи къ новому изданію своего безпритязательнаго, но глубокомысленнаго, старательнаго и заслуживающаго довѣрія сочиненія «Life of our Lord upon Earth» (Нью-Йоркъ, 1864 г., стр. 6), сочиненіе Ренана ставитъ ниже всякой критики, присовокупляя къ этому: «я уже не упоминаю о томъ, что это сочиненіе ни одною стороною ничего не прибавляетъ къ нашему знанію евангельской исторіи, хотя бы даже во внѣшнихъ чертахъ; гораздо менѣе представляетъ намъ пособія къ уразумѣнію глубокаго ея смысла».

93) «Иисусъ сдѣлался чудотворцемъ только въ позднѣйшій періодъ своей жизни, сдѣлался имъ противъ своей воли». Онъ былъ чудотворцемъ и заклинателемъ духовъ вопреки своей воли. Чудеса бывали обыкновенно дѣломъ болѣе публики, чѣмъ того, кому они приписываются.... Чудеса Иисуса были насиліемъ, которое исторгало у Него Его время, были уступкой, которую Онъ, по необходимости, дѣлалъ духу своего вѣка. Заклинанія духовъ и чудотворенія исчезли, но религиозный реформаторъ будетъ жить вѣчно» (16 гл.). Такимъ образомъ Иисусъ самъ сдѣлался орудіемъ благочестиваго обмана! Конечно, въ духѣ французской деликатности и по требованію здраваго разсудка неприлично было бы сказать, что Иисусъ былъ обманщикъ; но эта скрытая уловка довольно ясна для каждаго мыслящаго читателя.

94) Въ заключеніе 26 гл. Ренанъ: «Son corps avait-il été enlevé, ou bien l'enthousiasme, toujours crèdule fit il éclore après tout l'ensemble des récits par lesquels on cherche à établir la foi à la resurrection? C'est ce que, faute de documents contradictoires nous ignorons à jamais. Disons cependant que la forte imagination de Marie de Magdala joua dans cette circonstance un rôle capital. Pouvoir divin de l'amour! moments sacrés où la passion d'une hallucinée donne au monde un Dieu resuscité».

95) Читатель можетъ не повѣрить, если самъ не прочтетъ слѣдующаго мѣста изъ «Vie de Jésus» (гл. 22), которое мы не безъ отвращенія выписываемъ: «Воображенію Иисуса (въ Геесиманіи) представились священные источники, изъ которыхъ Онъ освѣжалъ себя, виноградныя и фиговыя деревья, подъ которыми Онъ сидѣлъ; les jeunes filles qui auraient peut-être consenti à l'aimer? Maudit-il son âpre destinée qui lui avait interdit les joies concédées à tous les autres? Regretta-t-il sa trop haute nature, et victime de sa grandeur pleura-t-il de n'être pas resté un simple arti-

san de Nazareth?) Ренанъ сцены въ Геосиманіи представляетъ за нѣсколько дней до ночи страданій Иисуса совершенно произвольно, какъ вопреки единогласнымъ свидѣтельствамъ евангелистовъ, такъ вопреки всякой вѣроятности самаго событія. Но мнѣніе этого сумасброднаго критика ниже всякаго опроверженія. Доказательства для такой безбожной болтовни Ренанъ цитируетъ изъ Евангелія Луки 7, 37; Иоанна 4, 7; 8, 3. *Гизо*, очевидно имѣя въ виду это мѣсто сочиненія Ренана, посвящаетъ особую главу своихъ «Размышлений» Иисусу и женамъ, и доказываетъ, что нигдѣ нельзя видѣть меньше человѣческаго и больше божественнаго, какъ въ поведеніи Христа съ близкими къ Нему женщинами, и въ абсолютной чистотѣ, которую характеризуютъ Его выраженія о нарушеніи супружеской вѣрности, и святости брака. См. Мѳ. 5, 27. 28; 19, 4—9 и др.

96) Докторъ Г. Б. Шмитъ, ньюіоркскій, въ приведенной нами выше статьѣ своей (92 примѣч., стр. 157 и 169) совершенно вѣрно разсуждаетъ о сочиненіи Ренана, говоря: «Если должно высказать свое сужденіе о томъ взглядѣ, какой Ренанъ имѣетъ на Иисуса, то не слѣдуетъ дѣлать никакихъ обивяковъ, увертокъ, и употреблять красныхъ оборотовъ рѣчи. Это совершенно низко, пошло. Это ослабляетъ частность и самую достовѣрность лица Иисуса. Это заставляетъ прибѣгать къ крайнимъ средствамъ. Это — свойство іезуитизма. Оправданіе такого взгляда и поверхностно, и постыдно. Самая плохая мораль французскихъ сочиненій не можетъ его перещеголять. Только французъ послѣ всего этого можетъ еще обожать своего героя, какъ идеаль человѣчества. И потомъ среди такихъ отвратительныхъ картинъ можетъ еще расточать такіа фразы, какъ напримѣръ «наше глубочайшее уваженіе», «строгая добросовѣстность», «абсолютная искренность», въ противоположность всякимъ обманамъ, которые приписываются Иисусу,—это значить до крайности доводить пустой вымыселъ, предъ которымъ каждый добросовѣстный человѣкъ невольно отступаетъ съ ужасомъ,—вымыселъ, который каждымъ вѣрующимъ христіаниномъ заклеимится именемъ богохульства. Для Иисуса—какъ и для всякаго обыкновеннаго человѣка — было бы въ тысячу разъ лучше умереть въ безызвѣстности, чѣмъ выдать себя за явнаго обманщика, и служить орудіемъ жи или пищи для мечтаній, опираясь на заговоръ. Однако тутъ еще не все и не самое еще худшее. Роль Мессіи вынуждаетъ Иисуса къ тому, чтобы Онъ выдалъ себя за изна-

теля бѣсовъ и чудотворца. Исусъ, по описанію Ренана, есть выдумка натурализма, есть произведеніе, котораго нельзя ни представить, ни осуществить. Здѣсь есть только внѣшняя форма и сущность человѣческой жизни, но нѣтъ сознанія личнаго бессмертія, и при послѣднемъ анализѣ мы имѣемъ только гѣнь смерти. Въ этомъ-то и заключается сущность натурализма. Исусъ, по представленію Евангелій, посланій апостольскихъ и ученію Церкви, заключаетъ въ себѣ соединеніе божественнаго и человѣческаго существъ, Царь и Первосвященникъ вѣчнаго царства, есть существо сверхъестественное; натурализмъ же долженъ изгнать Христа изъ сердца человѣческаго, христіанскаго и изъ Церкви, изъ сознанія и жизни прежде, чѣмъ онъ изгонитъ супранатурализмъ изъ исторіи человѣчества».

97) Послѣднее восклицаніе Юліана отступника: «Галилеянинъ, Ты побѣдилъ!» для того, чтобы оно имѣло право на достовѣрность, должно основываться на поздвѣйшемъ авторитетѣ, особенно если принять во вниманіе свидѣтельство безпристрастнаго Амміана Марцеллина о послѣднихъ часахъ жизни императора. Во всякомъ случаѣ это восклицаніе заключаетъ въ себѣ философію правленія Юліана.

98) См. заключеніе его обширнѣйшаго сочиненія «Leben Jesu», ч. II, стр. 662 изслѣд. (4-е изд. 1840 г.). См. съ его популярнымъ «Leben Jesu», стр. 267.

99) «Въ индивидуумѣ», говоритъ Штраусъ въ своемъ обширнѣйшемъ сочиненіи «Leben Jesu» (ч. II, стр. 710, 4-е изд.), «въ одномъ Богочеловѣкѣ свойства и дѣла, приписываемыя Христу церковнымъ ученіемъ, находятся въ противорѣчій: они согласуются только въ родовомъ понятіи. Человѣчество представляетъ соединеніе двухъ природъ: вочеловѣчившійся Богъ, духъ безконечный обнаруживается въ конечномъ, — Онъ есть духъ конечный, напоминающій себѣ о своей безконечности; Онъ есть дитя видимой матери и невидимаго Отца; Онъ чудотворецъ смотря потому, насколько въ продолженіи исторіи человѣчества духъ все полнѣе и совершеннѣе овладѣваетъ человѣческою природою, насколько эта послѣдняя становится по отношенію къ духу, къ его дѣятельности, бессильнымъ матеріаломъ; человѣчество безгрѣшно на столько, насколько безгрѣшенъ ходъ его развитія; оскверненіе всегда приражается только къ индивидууму, но въ цѣломъ родѣ и его исторіи оно не имѣетъ силы; человѣчество умираетъ, воскресаетъ и

возносится на небо смотря потому, какъ изъ отрицанія естественной природы возникаетъ высшая духовная жизнь, какъ изъ уничтоженія его ограниченности, его конечности, какъ личнаго, національнаго и мірскаго духа, истекаетъ единство съ безграничнымъ духомъ неба. Черезъ вѣру въ этого Христа, именно черезъ вѣру въ Его смерть и воскресеніе, человѣкъ становится праведнымъ предъ Богомъ, т. е. черезъ воплощеніе идеи человѣчества въ себя... и индивидуумъ становится причастнымъ богочеловѣческой жизни». Популярное сочиненіе Штрауса «Leben Jesu» приходитъ къ тому же заключенію (см. стр. 267). Но идея единства божественнаго и человѣческаго заключаетъ въ индивидуумѣ столько же противорѣчій, сколько и въ цѣломъ родѣ. Что заключается истиннаго въ идеѣ или въ принципѣ, то должно осуществиться или, по крайней мѣрѣ, можетъ быть способно къ осуществленію въ конкретной живой дѣйствительности, въ фактѣ. Штраусъ думаетъ, что мы отвернемся отъ грѣховнаго Спасителя, и увѣруемъ въ безгрѣшный человѣческій родъ, который однако повсюду исполненъ грѣховъ! Его униженіе достоинства личности, отъ котораго (униженія) онъ самъ на короткое время однажды отказался (см. его сочиненіе «Das Vergängliche und Bleibende im Christenthum», 1839 года), совершенно лишено историческаго характера. Исторія носитъ на себѣ аристократическій характеръ, и любитъ выражать свою полноту во всѣхъ своихъ областяхъ именно въ отдѣльной личности; преимущественно же нужно сказать это о религіозной области. Мы уважемъ только на такія, напримѣръ, имена, какъ Авраамъ, Моисей, Давидъ, ап. Павелъ, бл. Августинъ и др. (см. текстъ стр. 40 и слѣд.). Опытъ учить, что всякое время, всякое великое движеніе и всякая нація имѣютъ своихъ представительныхъ личностей, которыя концентрируютъ въ себѣ жизнь цѣлаго, и часто повелительно дѣйствуютъ на цѣлыя столѣтія. Эта аналогія указываетъ намъ на одну, представляющую все человѣчество, Главу,—Адама въ естественномъ и Христа въ духовномъ порядкѣ. Божественное человѣчество Штрауса—это потокъ безъ источника, или туловище безъ головы, метафизическая абстракція, пустой, обманчивый призракъ.

СОБРАНИЕ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ

О ВЫСОКОМЪ ДОСТОИНСТВѢ ХАРАКТЕРА, ЖИЗНИ И ДѢЛЪ

ИСУСА ХРИСТА

СО СТОРОНЫ НЕВѢРУЮЩИХЪ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Въ дополненіе къ нашимъ доказательствамъ Божества Иисуса Христа присовокупимъ расположенное въ хронологическомъ порядкѣ и снабженное объяснительными замѣчаніями собраніе заслуживающихъ вниманія свидѣтельствъ о лицѣ Иисуса, оставленныхъ невѣрующими.

Докторъ *Навананнъ Ларднеръ* (род. въ 1648 г., ум. въ 1768), сочинянинъ или унитарій по своимъ воззрѣніямъ на лице Христа, своимъ капитальнымъ и драгоцѣннымъ сочиненіемъ «О достовѣрности евангельской исторіи» (17 книгъ, 1727—1757 г.), оказалъ весьма важную, направленную противъ деизма его времени, услугу дѣлу откровенной религіи. Въ этомъ сочиненіи онъ съ неутомимымъ прилежаніемъ и критическимъ разборомъ собралъ древнія языческія, іудейскія и христіанскія свидѣтельства въ пользу исторической достовѣрности Апостольскихъ писаній. Подобная услуга могла быть оказана истинному ученію о лицѣ Христа при помощи искуснаго сопоставленія свидѣтельствъ о Его Божествѣ, которыя мы находимъ въ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ, богослуженіи и учрежденіяхъ всѣхъ христіанскихъ вѣковъ, въ ихъ исповѣданіяхъ, и которыя ежедневно выражаются въ практическихъ плодахъ вѣры во Христа среди всѣхъ классовъ и положеній людей.

Предлагаемый трудъ ограничивается свидѣтельствами *противниковъ* древней вѣры Церкви въ ея божественнаго Главу и Спасителя. Признаніе врага при рѣшеніи извѣстнаго вопроса заслуживаетъ иногда больше значенія, чѣмъ свидѣтель-

ство друга. Въ челюсти мертвого льва нашли когда-то медь. «Отъ ядущаго ядомое изыде, отъ крѣпкаго изыде сладкое» (Суд. 14, 14).

Свидѣтельства, которыя мы хотимъ предложить, важны и интересны во многихъ отношеніяхъ. Они показываютъ—особенно свидѣтельства новѣйшаго времени,—что въ глубинѣ человѣческаго сердца кроется инстинктивное и съ каждымъ днемъ возрастающее благоговѣніе и удивленіе предъ незапятнанной чистотой и совершенствомъ Христа, какъ святѣйшимъ изъ святыхъ въ исторіи человѣческаго рода. Невѣрующіе могутъ отвергать чудеса Христовы, но они не могутъ отвергать Его могущества, не могутъ нападать на Его характеръ, не рискуя подавить благороднѣйшія свои чувства, и лишиться всякаго права на нравственное уваженіе со стороны своихъ ближнихъ. Кажется, мы нисколько не ошибемся, если скажемъ, что съ каждымъ днемъ становится болѣе ощутительнымъ то чувство, что Христосъ стоитъ несравненно выше всѣхъ людей, когда-нибудь жившихъ на землѣ, и что всякое посягательство на униженіе Его лица наноситъ оскорбленіе чести и человѣческому достоинству. И это чувство, это убѣжденіе дѣлается сильнѣе и глубже по мѣрѣ того, какъ исторія человечества идетъ впередъ. Впечатлѣніе, произведенное Христомъ на міръ, далеко отъ того, чтобы лишиться почвы, на которой стоитъ; напротивъ, съ каждымъ дальнѣйшимъ успѣхомъ цивилизаціи оно получаетъ новую силу и овладѣваетъ лучшими умами даже въ средѣ враговъ Христовыхъ. Съ другой стороны, свидѣтельства невѣрующихъ обнаруживаютъ большую непослѣдовательность невѣрія во всей ея наготѣ. Невѣріе признаетъ абсолютную чистоту и истинность лица Христова, и въ тоже время отвергаетъ свое собственное свидѣтельство вѣры; оно прославляетъ совершенство Христа какъ человѣка, и въ тоже время отрицаетъ Его божество, на которомъ основывается это совершенство, и которымъ только и можетъ быть удовлетворительно объяснено оно, среди окружающаго всеобщаго несовершенства міра.

Это противорѣчіе, на которое мы уже нѣсколько разъ ука-

зывали въ первой половинѣ настоящаго своего сочиненія, съ очевидною ясностью и съ особеннымъ примѣненіемъ къ Ренану изображено замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ и историкомъ Гизо, посвятившимъ свою старость и свой досугъ защищенію откровенной религіи. Просимъ позволенія заключить эти предварительныя наши замѣчанія слѣдующей, заслуживающей вниманія, цитатой изъ новѣйшаго его сочиненія: «Разсужденіе о сущности христіанской религіи» (*Méditations sur l'essence de la religion chrétienne*, Парижъ и Лейпцигъ 1864 г.), стр. 324—327.

«Не желающіе вѣровать въ Иисуса и признать сверхъестественность Его характера, Его жизни, Его дѣлъ, конечно минуютъ эту трудность (т. е. трудность дать соответствующее на человѣческомъ языкѣ выраженіе для опредѣленія внутренняго и постояннаго соединенія божественнаго и человѣческаго элементовъ въ лицѣ Христа). Отвергнувъ божество и чудеса, въ исторіи Иисуса Христа они видятъ обыкновенную исторію, которую рассказываютъ и анализируютъ какъ всякое жизнеописаніе. Но они впадаютъ въ противоположную крайность и встрѣчаются съ другими недоразумѣніями, увеличивающими затруднительность ихъ положенія. Можно съ ихъ точки зрѣнія оспаривать сверхъестественность бытія и могущество Христа; но совершенство, возвышенность Его дѣйствій и Его ученія, Его жизни и Его нравственнаго закона неоспоримы; мало того: они не только неоспоримы, но всегда возбуждаютъ невольное удивленіе и глубокое благоговѣніе. Оказывается, что когда смотрятъ на Иисуса Христа, какъ на обыкновеннаго человѣка, Ему приписываютъ то самое превосходство, въ которомъ отказывали ему чрезъ отрицаніе божества. Но какою безсвязною, исполненною противорѣчій и лжи, какъ нравственно невозможною становится тогда Его исторія! Какой рядъ предположеній, не примиримыхъ съ фактами, допускаютъ невѣрующіе! Мужъ, величіе и вовершенство котораго признаютъ они, превращается въ обманщика, который въ тоже время самъ обманывается собственными мистическими мечтами, заставляющими его даже вѣрить своимъ чудесамъ!»

• Исторія І. Христа есть такимъ образомъ ни что иное, какъ сплетеніе басенъ и лжи, и при всемъ томъ герой этой исторіи остается существомъ совершеннымъ, высокимъ, несравненнымъ,—это величайшій геній, благороднѣйшее сердце, которыхъ видѣлъ когда нибудь міръ! Это образецъ добродѣтели и всякой нравственной красоты, это верховный и законный глава человѣчества. Равнымъ образомъ и ученики Его достойны высочайшаго удивленія; они упорно противостали всему, все вытерпѣли для того только, чтобы остаться вѣрными своему учителю и совершить дѣло Его, и это дѣло дѣйствительно совершено: языческій міръ сдѣлался христіанскимъ, и весь свѣтъ ничего лучшаго не можетъ сдѣлать, какъ послѣдовать его примѣру!

• Вмѣсто этого невѣрующіе предлагаютъ намъ неразрѣшимую, исполненную противорѣчій проблему, уничтожить которую они такъ сильно стараются.

• Исторія имѣетъ двоякое основаніе,—это съ одной стороны положительныя свидѣтельства или документы касательно фактовъ и лицъ, и съ другой—свидѣтельства предполагаемыя или нравственная вѣроятность, вытекающая изъ связи фактовъ и дѣйствій лицъ. Оба основанія, примѣняемыя къ исторіи Иисуса Христа въ томъ видѣ, какъ ее въ настоящее время рассказываютъ, или вѣрнѣе какъ ее сочиняютъ невѣрующіе, не выдерживаютъ строгой критики. Съ одной стороны такая исторія становится въ открытое и странное противорѣчіе съ свидѣтельствами людей, видѣвшихъ Иисуса, или тѣхъ, которые жили въ близкое время къ лицамъ, которыя Его видѣли; съ другой стороны, она тотчасъ сталкивается съ законами природы, господствующими надъ дѣйствіями людей, управляющими теченіемъ случайностей. Такіе историческіе приемы не заслуживаютъ даже названія исторической критики: это уже будетъ философская система и романтическая исторія, которая замѣняетъ своими бреднями дѣйствительные факты и нравственныя свидѣтельства; изображаемый ею Иисусъ есть ложный и невозможный Иисусъ, произведеніе человѣческихъ

рукъ, Иисусъ, пытающійся столкнуть съ престола истиннаго, живаго Иисуса, Сына Божія *).

«Мы можемъ выбрать одно изъ двухъ: философскую систему или тайну христіанской религіи; романъ, произведеніе человѣка или божественное опредѣленіе».

Понтій Пилать и его жена.

МѠ. 27, 19, 24.

«Между тѣмъ, какъ сидѣлъ онъ (Пилать) на судейскомъ мѣстѣ, жена его послала ему сказать: не дѣлай ничего этому праведнику; потому что я нынѣ во снѣ много пострадала за Него».

«Пилать, видя, что ничто не помогаетъ, но смятеніе увеличивается, взялъ воды, умылъ руки предъ народомъ, и сказалъ: невиненъ я въ крови этого праведника; смотрите вы».

Здѣсь заслуживаетъ вниманія то, что язычница, женщина, имѣетъ столько смѣлости, чтобы принять сторону нашего Спасителя въ то время, когда Его ученики оставили Его, а народъ и начальники іудейскіе жаждали невинной крови. Равнымъ образомъ замѣчательно и то, что она и ея слабій, облеченный авторитетомъ римскаго права и суда мужъ признаетъ осужденнаго Иисуса «праведникомъ» (*dikaios kaineos*). Кто знакомъ съ бессознательными предчувствіями язычниковъ, тотъ тотчасъ снесетъ это выраженіе съ знаменательнымъ выраженіемъ платоновой «Республики», гдѣ этотъ великій греческій философъ изображаетъ идеаль праведнаго мужа (*dikaios*) такимъ, который «не сдѣлалъ ничего несправедливаго, который не показалъ даже вида какойнибудь неправды» (*μηδέν γαρ ἀδικῶν δόξαν ἔχεται τῆς μεγίστης ἀδικίας*), но который будетъ страдать, котораго будутъ бичевать, свяжутъ, лишать зрѣнія, и, послѣ того, какъ претерпитъ всевозможныя страданія, прибьютъ

*) „C'est un Jésus-Christ faux et impossible, fait de main d'homme, qui prétend à détrôner le Jésus-Christ réel et vivant fils de Dieu“. Это преимущественно можно примѣнять къ легендарному Иисусу Ренана, въ меньшей мѣрѣ и къ мнѣческому Иисусу Штрауса.

къ столбу; начало же и образецъ справедливости опять возстановятся» (Соч. Платона т. IV, стр. 74 и слѣд. и 360 стр.). Аристотель также говоритъ о совершенномъ праведникѣ, что «онъ возвысится надъ фактически существующими политическими порядками и учрежденіями, что онъ разрушитъ ихъ тамъ, гдѣ только явится». Здѣсь предсказанія греческихъ мудрецовъ и величіе римскаго права соединяются въ римской женщинѣ, въ женѣ представителя кесарской власти въ Иерусалимѣ какъ бы для того, чтобы засвидѣтельствовать предъ безбожными людьми невинность и праведность Христа въ самыя мрачныя минуты суда надъ Нимъ. Клавдія Прокла, какъ называютъ ее преданіе въ евангеліи Никодима (2 гл.) и Никифоръ Каллисть (истор. 1. 30), по всей вѣроятности, была прозелитка іудейскаго закона, или одна изъ тѣхъ богобоязненныхъ язычницъ, которыя, не принимая открыто іудейской религіи, въ темнотѣ искали «невѣдомаго бога» и усердно стремились къ нему. Что касается Пилата, то онъ умылъ свои *руки*, но не *сердце*, и потому-то, выдавъ Христа, Котораго онъ призналъ невиннымъ, самъ осудилъ Себя *).

Сотникъ у креста.

Мѡ. 27, 54; сн. Марк. 15, 39.

«Сотникъ и тѣ, которые съ нимъ стерегли Иисуса, видя землетрясеніе и все бывшее, весьма устрашились и говорили: *воистину Онъ былъ Сынъ Божій*».

Лук. 23, 47.

«Сотникъ, видя происходившее, прославилъ Бога и сказать: *истинно человекъ этотъ былъ праведникъ*».

Сотникъ, о которомъ здѣсь говорится, есть то самое лицо, подъ командой котораго, по римскому обычаю, приводилась въ исполненіе смертная казнь (потому-то у Сенеки онъ названъ *centurio supplicio praepositus*, или у Тацита *exactor*

*) Изъ дополненій къ комментар. на еванг. Маттея Ланге. Америк. изд., Нью-Йоркъ, 1865 г., стр. 511 и слѣд.

mortis). Этотъ сотникъ, затѣмъ начальникъ Капернаума и Корнилій, начальникъ Кесаріи, образуютъ въ новомъ завѣтѣ триумвиратъ вѣрующихъ язычниковъ — воиновъ. Исповѣданіе: «воистинну Онъ былъ (или этотъ человекъ, по евангелію Марка и Луки) Сынъ Божій» (*θεοῦ υἱός*) можетъ быть (по Мейеру) принято въ политеистическомъ смыслѣ, или же эти слова можно принять за равносильныя значенію слова *polytheists*, которое подтверждается отсутствіемъ опредѣленнаго члена предъ словомъ *υἱός*, и параллельнымъ мѣстомъ у Луки, который вмѣсто словъ *θεοῦ υἱός*, находящихся у Маттея и Марка, поставилъ слово *δικαίος*. Но Ланге и Альфордъ крѣпко держатся того мнѣнія, что сотникъ употребилъ приведенное выраженіе въ іудейскомъ или христіанскомъ смыслѣ, и призналъ Иисуса Мессіей. Можно думать, что онъ уже прежде былъ знакомъ съ іудейскими ожиданіями и съ отзывами Христа о Самомъ Себѣ *).

Иуда предатель.

МѠ. 27, 3. 4.

«Тогда Иуда, предавшій Его (Иисуса), увидѣлъ, что Онъ осужденъ, и раскаявшись, возвратилъ тридцать сребренниковъ первосвященникамъ и старѣйшинамъ, говоря: *согрѣшилъ я, предавъ кровь невинную*».

Признаніе отчаявшагося предателя точнѣе можно такъ перевести: «я согрѣшилъ, потому что предалъ невинную кровь». Въ связи съ свидѣтельствомъ Пилата и съ свидѣтельствомъ синедриона, который не могъ взвести на Иисуса другаго обвиненія, кромѣ того, что Онъ называлъ Себя Мессіей, признаніе Иуды служить полнымъ оправданіемъ Иисуса. Если бы Иуда, всегда близко обращаясь съ Иисусомъ, не зналъ нравственной чистоты своего Учителя, какою она проявлялась въ теченіе тридцатилѣтней Его земной жизни, то навѣрное онъ

*) См. комментарий Ланге на еванг. Маттея.

нашелъ бы себѣ оправданіе, и не чувствовалъ бы угрызенія совѣсти *).

Іосифъ Флавій.

Изъ его сочиненія «Иудейскія древности», кн. 18, гл. 3, отд. 3.

...«Въ это время жилъ Иисусъ, мужъ мудрый, котораго едвали можно назвать человѣкомъ, потому что Онъ совершалъ чудесныя дѣла (*παράδοξων ἔργων ποιητής*), — учитель такихъ людей, которые принимали истину съ радостью. Онъ привлекъ къ себѣ многихъ послѣдователей какъ изъ іудеевъ, такъ и изъ грековъ. Онъ былъ Христосъ (*ὁ Χριστός οὗτος ἦν*). И послѣ того какъ Пилатъ, по доносу знатнѣйшихъ нашихъ мужей, присудилъ Его къ крестной смерти, однако не оставили Его тѣ, которые и прежде Его любили: Онъ опять являлся имъ живой въ третій день; потому что божественные пророки предсказали объ этихъ и многихъ другихъ, относящихся къ Нему, дѣлахъ. И секта христіанъ, такъ по Нему названная, пребываетъ до настоящаго дня».

Это замѣчательное свидѣтельство извѣстнаго іудейскаго священника и историка, жившаго въ послѣдней половинѣ перваго столѣтія, находится во всѣхъ извѣстныхъ рукописяхъ его сочиненія; какъ въ печати, такъ и въ манускриптахъ, дважды цѣликомъ цитируется Евсевіемъ безъ всякаго подозрѣнія въ неподлинности, и принимается поэтому многими учеными богословами, какъ несомнѣнно принадлежащее Іосифу. Къ этому можно еще прибавить и то, что Іосифъ въ полной своей іудейской исторіи, доходящей до 66 г. по Р. Хр. и написанной почти около 93 г., не легко могъ обойти исторію Христа, тѣмъ болѣе, что онъ упоминаетъ въ другихъ частяхъ своего сочиненія объ Іоаннѣ крестителѣ и Іаковѣ праведномъ, какъ о заслуживающихъ почитанія. Тамъ, гдѣ онъ говоритъ о мученической смерти Іакова (20, 9, 1), онъ ссылается на приведенное выше нами мѣсто; и вообще не пред-

*) См. Ланге комментарий на это мѣсто.

ставляется никакого разумнаго основанія заподозрѣвать въ неподлинности, какъ разсказъ Іосифа объ Іаковѣ, такъ равно и разсказъ его о Христѣ.

Между тѣмъ многіе изъ новѣйшихъ критиковъ, начиная съ Ларднера, отвергаютъ приведенное свидѣтельство Іосифа въ настоящемъ его видѣ или совершенно или отчасти, какъ ранній подлогъ христіанской руки, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Процитованный нами параграфъ не упоминается ни однимъ изъ христіанскихъ писателей до Евсевія, который умеръ въ 340 г. по Р. Хр. Іустинъ мученикъ, Климентъ александрійскій, Оригенъ, Тертуліанъ и другіе доникейскіе отцы и учителя церкви могли бы сдѣлать изъ него самое лучшее употребленіе въ своихъ апологетическихъ и полемическихъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ язычниковъ и іудеевъ, если бы онъ былъ имъ извѣстенъ.

2) Это спорное мѣсто совсѣмъ не мирится съ характеромъ и положеніемъ Іосифа. Онъ не могъ такъ писать о Христѣ, не будучи, по крайней мѣрѣ по теоріи или по своимъ убѣжденіямъ, христіаниномъ, или не сознавая ложности своихъ убѣжденій, принадлежащихъ ему, іудейскому священнику и фарисею. Но Іосифъ, можно возразить противъ этого, въ указанномъ отрывкѣ, какъ и во многихъ другихъ, могъ быть непослѣдователенъ. Хотя онъ былъ ученый и серьезный человѣкъ, но имѣлъ характеръ отвратительно слабый и во всѣхъ своихъ положеніяхъ, въ качествѣ священника и члена синедріона, обнаруживалъ мірское чувство, какъ будто онъ былъ римскимъ генераломъ и придворнымъ; при этомъ онъ былъ чрезвычайно способенъ съ необыкновенною легкостью принаравливаясь къ различнымъ положеніямъ и требованіямъ времени и обстоятельствъ, жертвуя даже своими убѣжденіями.

Когда разсуждаютъ о большой невѣроятности совершеннаго молчанія Іосифа касательно исторіи Іисуса или о еще большей невѣроятности такого христіанскаго свидѣтельства, вышедшаго изъ-подъ его пера; то весьма правдоподобнымъ дѣлается то предположеніе, что Іосифъ, какъ фарисей и ученый

новозавѣтный писатель, вмѣстѣ же и сочинитель талмуда, представлялъ Иисуса просто ложнымъ пророкомъ и волхвомъ который творилъ чудеса силою веельзевула, и что тогда же кто-нибудь ихъ христіанъ, гораздо раньше Евсевія, передѣлалъ соблазнительное мѣсто и внесъ настоящую вставку. Это мнѣніе высказано собственно въ недавнее время ориенталистомъ Эвальдомъ.

Ренанъ въ своемъ сочиненіи «Жизнь Иисуса» идетъ дальше, и считаетъ это мѣсто подлиннымъ, допуская такого рода ограниченіе: вмѣсто *Χριστός οὗτος ἦν* (Онъ былъ Мессія) должно читать *Χριστός οὗτος ἐλέγετο* (Онъ былъ названъ Мессіей), предполагая, что это выраженіе въ первоначальномъ текстѣ именно такъ и читалось. Онъ говоритъ: «Je crois le passage sur Jésus authentique. Il est parfaitement dans le goût de Joseph, et si set histoire a fait mention de Jésus, c'est bien comme cela qu'il a dû en parler. On sent seulement qu'une main chrétienne a retouché le morceau, y a ajouté quelques mots sans lesquels il eût été presque blasphématoire, et peut être retranché ou modifié quelques expressions» *).

Сочиненіе Иосифа во всякомъ случаѣ содержитъ въ себѣ много важныхъ, хотя и непрямыхъ, свидѣтельствъ объ истинности евангельской исторіи. Его исторія іудейской войны есть ненамѣренный, но поразительно вѣрный комментарий относительно предсказанія Спасителя о разрушеніи Іерусалима и храма, о большихъ бѣдствіяхъ и скорбяхъ, имѣвшихъ постигнуть іудейскій народъ въ то время; о голодѣ, заразѣ, землетрясеніи, о появленіи ложныхъ пророковъ и обманахъ и наконецъ о бѣгствѣ людей, когда приблизились всѣ эти несчастія **).

*) Литературу объ этомъ спорномъ мѣстѣ можно читать въ изданіи Гаффермана «Объ Иосифѣ» (2 т.), у Газа «Leben Jesu» (4 изд. 10 гл.), въ «Realwörterbuch» Винера (ч. 1, стр. 558, изд. 3. См. также «Geschichte Christus» Эвальда (стр. 104—107) и Парета статью «Josephus» въ «Theolog. Encyclopädie».

**) Подробнѣе объ этомъ можно читать у Ларднера въ «Collection of ancient Jewish and Heathen Testimonies to the Truth of the Christian Religion». Лондонъ 1883 г. Изд. Кипписа.

Т а л м у д ь.

Талмудъ, т. е. учение или книга учения, corpus doctrinae, это громадное, состоящее изъ двѣнадцати томовъ, складочное мѣсто іудейской теологіи и юриспруденціи, раввинской мудрости и глупости, общаетъ очень немного сказать о Христѣ и Его религіи, которая есть исполненіе закона и пророковъ, и безъ которой ветхій завѣтъ остается запечатанной книгойъ.

Первая часть, извѣстная подъ именемъ *Мишны* (т. е. повтореніе, именно повтореніе закона) заключаетъ въ себѣ устные преданія и раввинскія объясненія закона, обнимаемая собою время почти 400 л. до Р. Хр. и 200 по Р. Хр. Здѣсь ни слова не говорится о христіанствѣ, хотя и содержатся въ ней изрѣченія многихъ раввиновъ перваго столѣтія, которые въ послѣдствіи, около 230 г. по Р. Х., собраны ученымъ Іустомъ въ городѣ Тиверіадѣ, на галилейскомъ озерѣ, гдѣ жилъ и училъ Иисусъ.

Вторая часть талмуда, называемая *Гемара* (т. е. окончаніе, именно окончаніе раввинской мудрости), или въ собственномъ смыслѣ талмудъ, есть обширное собраніе раввинскихъ объясненій первой части талмуда, которыя сами въ свою очередь сдѣлались предметомъ изслѣдованій и толкованій. Есть двѣ гемары, — одна іерусалимская, вышедшая около 390 г. по Р. Хр. въ Палестинѣ; другая вавилонская, собранная около 500 г. по Р. Хр. подъ главнымъ наблюденіемъ вавилонскаго первосвященника. Обѣ гемары говорятъ объ Иисусѣ и апостолахъ немного, и въ ненавистномъ къ нему духѣ, говорятъ и о чудесахъ, но приписываютъ ихъ злomu духу *), какъ дѣлали въ свое время и фариसेи.

Нѣсколько позже іудейская ненависть противъ христіанства вызвала на свѣтъ сочиненіе, извѣстное подъ названіемъ «*Toldoth Ieschu*», т. е. «рожденіе или исторія Иисуса» гдѣ въ ядовитомъ ненавистномъ духѣ переплетаются талмудическія

*) Мѣста талмуда, относящіяся къ Христу, цитируются Ларднеромъ въ приведенномъ нами сочиненіи; см. также Scheidii «*Loca talmudica*» и у Meelfuhrer «*Jesus in talmude*». Альторфъ 1699 г. 266 стр.

традиціи съ наглою клеветою о рожденіи нашего Спасителя и самими нелѣпыми баснями. Даже по свидѣтельству этого нищенскаго, жалкаго произведенія Христось творилъ чудеса; но не въ Египтѣ Онъ могъ выучиться этому, скажемъ словомъ іудейской злобы, искусству, какъ утверждаетъ талмудъ и Цельсь, но совершалъ чудеса благоговѣйнымъ призываніемъ святѣйшаго имени Іеговы,—тайна, которая извѣстна только Основателю христіанства *). Христось конечно зналъ имя истиннаго и живаго Бога, но зналъ въ совершенно иномъ смыслѣ.

Сочиненія язычниковъ противъ христіанства.

Греческіе и римскіе писатели первыхъ пяти столѣтій имѣли вообще очень мало свѣдѣній о Христѣ и христіанствѣ; они почти не были знакомы съ исторіей христіанства, не знали сущности его. Тацитъ, Светоній, Плиніи младшій, Епиктетъ, Лукіанъ, Аристидъ, Галенъ, Лампридій, Діонисій Кассій, Гимерій, Ливаній, Амміанъ Марцеллинъ, Евнацій и Зосима упоминають о христіанствѣ мимоходомъ и всегда съ презрѣніемъ и ненавистью. Единственные языческіе писатели, написавшіе спеціальныя противъ христіанской религіи сочиненія, это Лукіанъ (онъ по крайней мѣрѣ не прямо нападалъ на христіанство) Цельсь, Порфирій, Іерокль и Юліанъ отступникъ.

Но при всемъ томъ даже случайные намеки первыхъ и открытыя нападенія послѣднихъ заключаютъ въ себѣ много такого, что служить къ утверженію достовѣрности евангельской исторіи и чудесъ Христовыхъ. Мы представимъ здѣсь вкраткѣ главныя положенія этихъ писателей **).

*) Есть два различные перевода этого сочиненія: одинъ принадлежитъ *Ванзейлю* подъ заглавіемъ: «Tela ignea Satanae; hoc est arcani et horribiles ihaeorum adversus Christum Deum et christianam religionem anecdoti», Амстерофъ 1861 г.; другою *Гулдрейху*, Лейденъ 1705 г.

**) Для ближайшаго ознакомленія съ характеромъ языческихъ нападеній на христіанство можно рекомендовать сочиненіе автора на англійскомъ языкѣ: „Исторія христіанской церкви первыхъ трехъ вѣковъ“. Нью-Йоркъ, стр. 185 и слѣд.

Тацитъ и Плиній младшій.

Тацитъ (жилъ во второй половинѣ перваго и въ первой четверти втораго столѣтія по Р. Хр.) сообщаетъ (Annal. XV, 44) извѣстіе о гоненіи Нерона на христіанъ въ Римѣ, случившемся въ 64 г. по Р. Хр. При этомъ случаѣ онъ замѣчаетъ, что въ правленіе Тиверія, при Понтіи Пилатѣ, Христосъ былъ казнень какъ преступникъ, и что Онъ есть основатель христіанской секты, что послѣдняя вышла изъ Іудеи и распространилась по всей имперіи, не смотря на позорную смерть Христа, ненависть и презрѣніе, съ которыми ее встрѣчали, такъ что множество (*multitudo ingens*) изъ приверженцевъ этой секты въ 64 г. въ Римѣ, послѣ жесточайшихъ мученій, лишилось жизни. Въ пятой своей книгѣ, извѣстной подъ заглавіемъ «исторія», Тацитъ вмѣстѣ съ Іосифомъ Флавіемъ, которому онъ въ сущности, если только неисключительно, слѣдуетъ, излагаетъ замѣчательное свидѣтельство объ исполненіи предсказанія Христа касательно разрушенія Іерусалима и бѣдствій іудейскаго народа.

Плиній младшій, современникъ и другъ Тацита и императора Траяна, въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ послѣднему (въ 107 г. по Р. Хр.) свидѣтельствуетъ о быстромъ распространеніи христіанства въ Малой Азіи въ то время во всѣхъ классахъ общества, о нравственной чистотѣ и твердости его исповѣдниковъ, не смотря на жестокія преслѣдованія, объ образѣ и времени христіанскаго богослуженія, о поклоненіи Христу какъ Богу, о чествованіи христіанами праздничнаго дня, безъ сомнѣнія воскреснаго, и о другихъ важныхъ для древнѣйшей исторіи христіанской церкви фактахъ. Рескриптъ Траяна, послѣдовавшій въ отвѣтъ на вопросы Плинія, представляетъ доказательство невинности христіанъ. Онъ не взводитъ на христіанъ никакихъ другихъ обвиненій, кромѣ того, что они оставляютъ безъ вниманія чествованіе боговъ, и запрещаетъ дѣлать дальнѣйшее разслѣдованіе объ нихъ.

Цельсь и Лукіанъ.

Цельсь, греческій философъ эклетикъ (II в.), первый изъ язычниковъ написалъ особое сочиненіе противъ христіанъ. Оно носитъ названіе «*ἀληθείης λόγος*»; въ своихъ главныхъ, основныхъ положеніяхъ это сочиненіе сбережено для насъ на собственномъ языкѣ автора Оригеномъ въ замѣчательномъ и сильномъ отвѣтѣ. Чтобы опровергнуть христіанство и его послѣдователей и сдѣлать ихъ смѣшными, Цельсь употребляетъ всѣ средства тогдашняго образованія—оружіе учености, философіи, здраваго человѣческаго смысла, остроумія, насмѣшекъ и драматической живости слога. Онъ соединилъ въ себѣ ненависть іудейства съ презрѣніемъ язычества, и предварилъ большую часть аргументовъ и софизмовъ позднѣйшихъ деистовъ и матеріалистовъ.

Но этотъ ловкій и изворотливый зачинщикъ борьбы, жившій еще на небольшомъ разстояніи отъ апостольскаго вѣка, засвидѣтельствовалъ, какъ замѣтилъ еще Златоустъ, о древности апостольскихъ писаній и главныхъ фактахъ евангельской исторіи. Онъ представляетъ поэтому одно изъ сильныхъ доказательствъ противъ новѣйшихъ мнѣческихкихъ и легендарныхъ біографовъ Иисуса. Цельсь цитируетъ мѣста изъ евангелій Маттея, Луки и Іоанна, и ссылается на новый завѣтъ или цитируетъ его вообще около восьмидесяти разъ. Онъ знаетъ о рожденіи Христа отъ Дѣвы въ небольшой іудейской деревнѣ, о поклоненіи Ему восточныхъ мудрецовъ, о невинной смерти вилеемскихъ младенцевъ, убитыхъ по повелѣнію Ирода, о бѣгствѣ Иисуса въ Египеть, гдѣ, по его мнѣнію, Христосъ выучился волшебному искусству магіи; о пребываніи Его въ Назаретѣ, о крещеніи Христа, нисхожденіи на Него Св. Духа въ видѣ голубя и о голосѣ съ неба; объ избраніи Имъ учениковъ, о дружбѣ Его съ мытарями и другими незначительными людьми; объ исцѣленіи Имъ хромыхъ и слѣпыхъ, о воскрешеніи мертвыхъ, объ измѣнѣ Іуды, отреченіи Петра; вообще Цельсу извѣстны всѣ важнѣйшія обстоятельства изъ исторіи земной жизни Иисуса Христа и крестной Его смерти. Не-

сомнѣнно то, что большую часть фактовъ Цельсъ искажаетъ и злоупотребляетъ ими; но по его же собственному свидѣтельству христіане вообще этимъ фактамъ тогда, какъ и всегда, твердо вѣрили. Цельсъ не отвергаетъ чудесъ Иисуса, но приписываетъ ихъ, какъ и іудеи, злomu духу, а самаго Иисуса Христа представляетъ волшебникомъ и обманщикомъ. Онъ намекаетъ также на нѣкоторыя главныя черты христіанскаго ученія, на ихъ закрытыя собранія для богослуженія, и на должность пресвитера. Но онъ не даетъ у себя мѣста грубымъ обвиненіямъ христіанъ въ безнравственности, и считаетъ эти обвиненія недѣлными, незаслуживающими никакого довѣрія *).

Лукіанъ, блестящій, но пустой риторъ изъ Сиріи (ум. въ Египтѣ или въ Греціи ок. 200 г. по Р. Хр.), хотя и не прямо, писалъ противъ христіанства въ своемъ сочиненіи «*Vita peregrini*». Онъ скрыто нападаетъ на него, какъ на одну изъ несообразностей времени, съ легкимъ оружіемъ остроумія и насмѣшекъ. Однако Лукіанъ никогда не называетъ Христа, подобно Цельсу, обманщикомъ, но «распятымъ софистомъ», — выраженіе, которое такъ часто онъ употребляетъ въ хорошемъ смыслѣ **).

Порфирій.

Порфирій, родомъ финикіянинъ, языческій философъ-неоплатоникъ, жившій подъ конецъ третьяго столѣтія по Р. Хр., училъ въ Римѣ, гдѣ въ 304 г. и умеръ ***). Онъ написалъ, кромѣ множества сочиненій, которыя нашего предмета не касаются, одно большое сочиненіе противъ христіанской рели-

*) См. «Church History», Шаффа Нью-Йоркъ, ч. 1, стр. 187 и слѣд. Ларднеръ, Додриджъ и Леландъ въ свое время сдѣлали изъ сочиненія Цельса хорошее употребленіе въ борьбѣ съ деистами. Еще съ большимъ успѣхомъ его можно противопоставить сочиненіямъ Штрауса и Ренана.

***) См. „Church History“, ч. I, стр. 189 и слѣд.

***) См. „Kirchengeschichte von Christus bis Konstantin“, Шаффа, стр. 190 и слѣд.

гій въ пятнадцати книгахъ *) и нѣчто въ родѣ руководства или системы языческой теологій подѣ заглавіемъ: «философія оракула» **). Оба произведенія, за исключеніемъ небольшихъ отрывковъ, сохранившихся у отцовъ церкви, для насъ потеряны. Посланіе къ его женѣ Маркеллѣ открыто въ новѣйшее время. Порфирій сочиненіемъ противъ христіанъ оказалъ для нихъ услугъ больше, чѣмъ Лукіанъ и Цельсъ или кто нибудь изъ язычниковъ, нападавшихъ до него на христіанство. Онъ приближался къ нѣкоторымъ христіанскимъ идеямъ или находился, быть можетъ, подѣ тѣмъ вліяніемъ, какое онѣ производили на мыслящихъ людей того времени. Въ посланіи къ своей женѣ, Порфирій поставляетъ нравственную троицу ап. Павла—вѣру, надежду и любовь—въ связи съ истиною, какъ основаніе истиннаго благочестія ***). Въ этомъ посланіи онъ проводитъ мысли, ясно напоминающія намъ библейскія мѣста, хотя, безъ сомнѣнія, онъ соединяетъ съ ними другой смыслъ. Какъ и многіе изъ рационалистовъ новѣйшаго времени, онъ дѣлаетъ различіе между первоначальнымъ, чистымъ, Христовымъ христіанствомъ и между тѣмъ, которое распространяя будтобы извратили апостолы. Въ своемъ сочиненіи «философія оракула» Порфирій такъ говоритъ о Христвѣ:

«Оракулъ объявилъ Христа чрезвычайно благочестивымъ мужемъ, присовокупивъ къ этому еще и то, что душа Его, какъ души другихъ благочестивыхъ мужей, послѣ смерти увѣн-

*) «Κατὰ χριστιανῶν λόγοι». См. «Церковн. ист.» Евсевія, I, VI, 19 гл.; «Церковн. истор.» Сократа, 1, 9 (въ письмѣ Константина, гдѣ онъ хвалится, что уничтожаетъ постыдныя сочиненія Порфирія), III, 23; Евсев. «Граер. Evang.» etc.

**) «Περὶ τῆς ἐκ λόγιων φιλοσοφίας». Выдержки изъ этого сочиненія дѣлаетъ Евсевій въ «Граераг. Evang» и «Demonstr. Evang.» бл. Августинъ въ «De civitate Dei» и бл. Теодоритъ въ своемъ сочиненіи: «Двѣнадцать апологическихъ словъ». Ларднеръ отвергаетъ подлинность этого сочиненія, по недостаточнымъ, впрочемъ, основаниямъ. Фабрицій, Мосгеймъ, Неандеръ и др. считаютъ его подлиннымъ произведеніемъ Порфирія.

***) «Epist. ad Marcellam» (изд. кардиналомъ Анжело Май, Миланъ 1819 г.) гл. 25: Τέσσαρα στοιχεῖα μάλιστα κεντρατύνω περὶ Θεοῦ, πίστις, ἀλήθεια, ἐρῶς (см. христіанск. ἀγάπη), ἐπίς. Анжело Май вывелъ отсюда, неимѣя достаточнаго основанія, заключеніе, что Маркелла была христіанка

чана безсмертіемъ, и что христіане поклоняются Ему по недоразумѣнію. А когда мы спросили, за что же Онъ казненъ, богиня (Геката) отвѣтила намъ чрезъ оракулъ: тѣло на самомъ дѣлѣ всегда подчинено обезсиливаяющему страданію, но душа благочестиваго пребываетъ въ небесныхъ обителяхъ. А эта душа подала поводъ многимъ другимъ душамъ впасть въ заблужденіе, именно всѣмъ тѣмъ, которымъ не довелось Юпитера признать безсмертнымъ. Но самъ Христосъ благочестивъ и взошелъ на небо подобно другимъ благочестивымъ мужамъ. По этому ты не долженъ Его злословить, но долженъ сожалѣть о людяхъ въ виду той опасности, въ которой они находятся» *).

Юліанъ отступникъ.

Юліанъ отступникъ, римскій императоръ (361 — 363 г.), не безъ дарованія, самый отчаянный изъ всѣхъ древнихъ враговъ христіанской религіи, всѣми силами своей власти, и при мѣромъ идолослуженія старался ниспровергнуть христіанство въ римской имперіи. Его правленіе прошло «какъ призрачная тѣнь, не оставивъ по себѣ никакого слѣда», за исключеніемъ того важнаго урока, что древнее язычество угасло безнадежно, и что никакая мірская сила не въ состояніи остановить торжественнаго шествія христіанства **).

Въ своемъ сочиненіи противъ христіанской религіи, въ которомъ Юліанъ соединилъ всѣ прежнія нападенія язычниковъ на христіанство, придавъ имъ отъ себя саркастическій характеръ, онъ слѣдующее говоритъ о Христѣ (въ такомъ видѣ передаетъ сочиненіе Юліана поборникъ православія александрийскій епископъ Кириллъ въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ: «Противъ Юліана» IV, стр. 101):

«Исусъ, послѣ того, какъ убѣдилъ нѣкоторыхъ изъ васъ

*) Въ такомъ видѣ передаетъ мысли Порфирія бл. Августинъ въ своемъ сочиненіи: «De divitate Dei» 1, 16, 23. См. также Евсев. *Demonstr. Evang.* III, 6.

**) Объ Юліанѣ и его правленіи см. церковн. исторію автора на англійскомъ языкѣ. II т., стран. 39 и слѣд., 75 и слѣд.

галилеянъ (какъ обыкновенно презрительно Юліанъ называлъ христіанъ) и также нѣкоторыхъ дурныхъ людей, прославляется въ теченіи трехъ лѣтъ, хотя въ своей жизни онъ ничего не сдѣлалъ такого, что заслуживало бы славы *), развѣ только то считать великимъ дѣломъ, что онъ исцѣлялъ хромыхъ и слѣпыхъ, да заклиналъ бѣсовъ въ селеніяхъ Вивесайды и Виваніи».

Хотя этотъ отзывъ довольно колко и презрительно говорить о Христѣ, но все-таки онъ признаетъ за Нимъ силу творить чудеса; всѣ чудеса Христовы, будучи впечатлѣны самымъ высокимъ нравственнымъ и благодѣтельнымъ характеромъ, служатъ яснымъ доказательствомъ чистоты и божественнаго посланичества Христа. Ученый богословъ и критикъ, докторъ Ларднеръ въ своемъ сочиненіи: «Credibility of the Gospel History» (изд. докторомъ Кипписомъ, Лондонъ 1838 г., т. VII, ст. 628) дѣлаетъ слѣдующее прекрасное замѣчаніе на выписанное нами мѣсто:

1) «Сказать о Христѣ такъ, какъ сказалъ Юліанъ, значитъ прямо признать истину евангельской исторіи, хотя онъ (Юліанъ) о многомъ совсѣмъ не упомянулъ,—онъ не назвалъ ни всѣхъ дѣлъ, совершенныхъ Иисусомъ, ни всѣхъ мѣстъ, гдѣ Онъ ихъ сосершилъ. 2) Юліанъ допускаетъ, что Иисусъ прославляется болѣе чѣмъ въ теченіи трехъ столѣтій. Но эта слава основывается на дѣлахъ, которыя совершилъ Иисусъ во время своей земной жизни. Эти дѣла разсказаны Его учениками, непосредственными свидѣтелями ихъ, и преданіе объ нихъ распространялось отъ начала совершенія ихъ до того времени, когда жилъ Юліанъ. 3) Почему не должны считаться великими дѣлами исцѣленія «хромыхъ, слѣпыхъ и одержимыхъ другими недугами», — исцѣленія, которыя обыкновенно приписываются силѣ злыхъ духовъ? Всѣ здравомыслящіе и непредубѣжденные люди должны считать эти исцѣленія великими дѣлами, если они совершались въ одно мгновеніе и вполнѣ, какъ это всегда было у нашего Господа,—эти, гово-

*) Οὐδέν ἄκοῆς ἀξίον.

римъ, дѣла должны непремѣнно считаться великими дѣлами; историографы напр. считаютъ же достойнымъ рассказывать и сообщать о такихъ предметахъ, какъ основаніе городовъ, учрежденіе большихъ монархій, или покореніе цѣлыхъ націй посредствомъ истребленія и общепринятыхъ способовъ завоеваній. 4) Если было мало увѣровавшихъ въ Иисуса, во время пребыванія Его на землѣ, то это произошло не отъ недостатка удовлетворительныхъ доказательствъ въ пользу Его божественнаго посланничества. Для того, чтобы засвидѣтельствовать вѣру во Христа, достаточно, кажется, нѣсколькихъ «мытарей и грѣшниковъ, какъ они называются въ евангеліи, или «дурныхъ людей», какъ называетъ ихъ Юліанъ. Но въ числѣ истинно увѣровавшихъ во Христа было нѣсколько и важныхъ, благочестивыхъ, мыслящихъ и испытывающихъ мужей, каковъ напримѣръ Наѳанаилъ, Никодимъ и др., хотя они и долгое время неблагоприятно мыслили о Христѣ, будучи предубѣждены противъ Него. Были люди еще хуже тѣхъ, которыхъ Юліанъ называетъ «дурными», это — книжники и фариसेи, гордые, хитрые, и честолюбивые люди, которые никакого разумнаго доказательства, какъ бы оно ясно и сильно ни было, не могли принять, равно какъ не могли принять и религіозныхъ основаній, которыя противорѣчатъ ихъ мірскимъ интересамъ».

Тотъ же авторъ *), послѣ тщательнаго изслѣдованія всѣхъ доказательствъ Юліана противъ библейской религіи, характера Христа и Его апостоловъ, о достоинствѣ этихъ доказательствъ, какъ простаго и ненамѣреннаго свидѣтельства въ пользу истины и достовѣрности евангельской исторіи, справедливо выражается такъ:

«Всякій, составившій заключеніе изъ чтенія только что представленнаго нами сочиненія, долженъ согласиться, что Юліанъ служить дорогимъ свидѣтелемъ въ пользу достовѣрности книгъ новаго завѣта. Онъ допускаетъ, что Иисусъ Христосъ родился въ правленіе Августа, въ то время, когда Кви-

*) См. сочин. его т. VII, стр. 638 и 639.

риній собиравъ дань въ Иудеѣ, что христіанская религія утвердилась и распространилась въ правленіе императоровъ Тиверія и Клавдія. Онъ свидѣтельствуетъ о подлинности и достовѣрности четырехъ евангелій—Матѳея, Марка, Луки и Іоанна, равно какъ и Дѣяній Апостоловъ, онъ приводитъ изъ нихъ мѣста, и выдаетъ евангелія—за единственныя историческія писанія, признанныя самими христіанами и за несомнѣнныя, достовѣрныя повѣствованія о Христвѣ и Его апостолахъ, такъ какъ въ нихъ заключается проповѣданное ими ученіе. Юліанъ признаетъ и доказываетъ раннее происхожденіе евангельской исторіи. Равнымъ образомъ онъ цитируетъ мѣста изъ Дѣяній апостольскихъ или прямо ссылается какъ на эту книгу, такъ равно и на посланія ап. Павла къ Римлянамъ, Коринѳянамъ и Галатамъ. Юліанъ не отвергаетъ чудесъ Христа, а напротивъ убѣжденъ, что Онъ исцѣлялъ «слѣпыхъ, хромыхъ и бѣсноватыхъ», «укроцалъ бурю и ходилъ по морскимъ волнамъ». Конечно, онъ старается унижить достоинство этихъ дѣлъ, но старанія его остаются напрасными. Нельзя не придти къ тому заключенію, что такія дѣла служатъ хорошими доказательствами божественнаго посланничества Христова. Юліанъ старается также умалить число увѣровавшихъ въ Іисуса Христа на первыхъ порахъ, и однако признаетъ, что «массы людей въ Греціи и Италіи» обратились къ Христу прежде, чѣмъ Іоаннъ написалъ свое евангеліе. Ему желательно было унижить нравственное и социальное положеніе первыхъ христіанъ; но онъ чувствуетъ себя вынужденнымъ признаться, что кромѣ «рабовъ и рабынь» обращены были въ христіанство еще при Клавдіи римскій сотникъ Кесарій Корнелій и Сергій Павелъ, проконсулъ Сиріи. Юліанъ часто также говоритъ съ большимъ уваженіемъ о Петрѣ и Павлѣ, объ этихъ двухъ великихъ апостолахъ Іисуса и великихъ проповѣдникахъ евангелія. Такимъ образомъ Юліанъ вообще неумышленно представилъ свидѣтельства въ пользу многихъ извѣстныхъ обстоятельствъ, сообщенныхъ въ новомъ завѣтѣ. Прямою цѣлью его нападокъ было ниспроверженіе христіанской религіи; оказалось, напротивъ, что онъ послужилъ орудіемъ къ большому ея утвержде-

нію: его доказательства противъ христіанства вполнѣ безвредны и бессильны для того, чтобы слабѣйшихъ изъ христіанъ привести въ сомнѣніе. Юліанъ не сдѣлалъ ни одного дѣльнаго возраженія противъ признаннаго значенія христіанской религіи въ томъ ея видѣ, въ какомъ она изложена въ подлинныхъ и первоначальныхъ своихъ источникахъ — книгахъ новаго завета».

Т о м а Ш у б б ѣ *).

«Во Христѣ, говоритъ онъ, мы имѣемъ образецъ спокойнаго и мирнаго нрава, примѣрной умѣренности, справедливости, честности, откровенности, прямодушія,—образецъ расположения духа и поступковъ, исполненныхъ высочайшей любви и благожелательства. Онъ никому не навѣсь зла, не сдѣлалъ неправды; въ устахъ Его никогда не было обмана; Онъ ходилъ и всюду дѣлалъ добро не только при помощи своей проповѣди, но и посредствомъ испѣленія разнаго рода болѣзней въ людяхъ. Его жизнь была прекраснымъ изображеніемъ природы въ ея первобытной чистотѣ и простотѣ, и вмѣстѣ съ этимъ показывала, какими бы прекрасными существами были люди, еслибъ они находились подъ спасительнымъ вліяніемъ и силой евангелія, которое Онъ имъ проповѣдалъ».

Денись Дидро.

Этотъ французскій философъ (род. въ 1713 г. въ Лангре, ум. въ Парижѣ въ 1784 г.) основалъ и поддерживалъ вмѣстѣ съ другими «свободомыслящими» безславную «энциклопедію» (съ 1751 г.), которая хотѣла вкороткѣ обнять всѣ отрасли человѣческаго знанія и искусства, а на самомъ дѣлѣ сдѣлалась главнымъ гнѣздомъ революціонныхъ идей и невѣрія XVIII столѣтія. Не разъ преслѣдуемая правительствомъ, она наконецъ совсѣмъ прекратила свое существованіе. Дидро въ

*) Thomas Chubb, одинъ изъ англійскихъ деистовъ конца семнадцатаго и первой половины осмнадцатаго столѣтія (1679—1748). Изъ его соч. «The true Gospel of Jesus Christ». 8 отд., стр. 55—56.

продолженіе всей своей жизни былъ совершеннымъ атеистомъ, но въ послѣдніе годы онъ, къ изумленію своихъ друзей, сдѣлалъ библію участницею воспитанія своей сѣнственной дочери, написавшей впослѣдствіи свои мемуары, и часто принималъ у себя въ домѣ одно духовное лицо.

Гессъ, благочестивый и почтенный настоятель одной изъ цюрихскихъ церквей, авторъ «Жизни Иисуса» и другихъ хорошихъ сочиненій, рассказываетъ слѣдующій, слышанный имъ изъ устъ непосредственнаго свидѣтеля, интересный анекдотъ (см. «Reden Iesu» Штира, ч. VI, стр. 496).

«На одномъ изъ вечернихъ собраній у барона Гольбаха, гдѣ обыкновенно сходились люди, извѣстнѣйшіе своимъ невѣріемъ того времени, вольнодумцы свободно трактовали относительно религіозныхъ предметовъ и выставляли въ самомъ забавномъ видѣ, подѣ влияніемъ собственной фантазіи, якобы несообразности священнаго писанія касательно вселенной. Философъ Дидро, не принимавшій никакого участія въ бесѣдѣ, неожиданно прекратилъ ее, высказавъ слѣдующее замѣчаніе:

«A merveilles, messieurs, à merveilles, je ne connais personne en France ni ailleurs, qui sache écrire et parler avec plus d'art et de talent. Cependant malgré tout le mal que nous avons dit, et sans doute avec beaucoup de raison, de ce de livre, j'ose vous défier, tous que vous êtes, de faire *un récit qui soit aussi simple, mais en même temps aussi sublime, aussi touchant que le récit de la passion et de la mort de Jésus Christ, qui produise le même effet, qui fasse une sensation aussi forte, aussi généralement ressentie, et dont l'influence soit encore la même après tant de siècles* *).

*) «Прекрасно, господа, прекрасно; но я не нахожу ни во Франціи, ни въ ея челоѣка, который бы сумѣлъ написать и сказать съ большимъ искусствомъ и талантомъ. Однако, не смотря на тотъ дурной отзывъ, какой вы сдѣлали объ этой книгѣ, я осмѣливаюсь вызвать всѣхъ, сколько васъ есть, написать *разсказъ, который бы былъ такъ простъ, но въ тоже время и такъ возвышенъ и трогателенъ, какъ разсказъ о страданіяхъ и смерти І. Христа, который бы произвелъ столько же сильное, выразительное впечатлѣніе, и вліяніе котораго останется однимъ и тѣмъ же по прошествіи многихъ вѣковъ.*

Эти неожиданныя слова изумили всѣхъ слушавшихъ и наложили на нихъ продолжительное молчаніе».

Ж. Ж. Руссо *).

Этотъ извѣстный или, лучше, безславный философъ и риторъ род. въ 1712 году въ Женевѣ, резиденціи Кальвина, окончилъ свою бурную жизнь, исполненную приключеній и несчастій, въ 1778 г. близъ Шантилли. Онъ больше другихъ писателей, не исключая Вольтера, сдѣлалъ, чтобы проложить дорогу французской революціи и ускорить ниспроверженіе всего соціального порядка во Франціи. Его жизнь поэтому отмѣчена рядомъ ошибокъ, причудъ, поразительной непослѣдовательности и крайностей. Онъ переходилъ отъ кальвинизма къ католицизму, отъ католицизма къ невѣрію, отъ невѣрія къ полувѣрію, отъ бѣдности и нищеты, преслѣдованій и изгнанія въ ссылку къ славѣ и счастью, и снова къ бѣдствіямъ и нуждамъ, отъ филантропіи къ мизантропіи, отъ ума къ предѣламъ безумія, и всѣ эти фазы освѣтилъ молніей своего гения. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ и плѣняющихъ писателей, и въ то же время однимъ изъ самыхъ парадоксальнѣйшихъ и опаснѣйшихъ. Онъ на все смотрѣлъ глазами своего живаго воображенія и каждую строку писалъ подъ вліяніемъ сильнаго чувства и страсти. Разсужденія его склонялись въ пользу религіи и добродѣтели, но въ своей жизни онъ отрицалъ всѣ тѣ правила, которыя проповѣдывалъ. Руссо рисовалъ оболѣстительныя картины женской красоты, а женился послѣ продолжительныхъ непозволенныхъ отношеній, на своей служанкѣ, простой, злой женщинѣ. Онъ громилъ французскихъ дамъ за то, что онѣ ввѣряли своихъ дѣтей кормилицамъ; своихъ же дѣтей отдавалъ въ воспитательный домъ. Его свидѣтельство о Христѣ и евангелии есть лучшее, что Онъ написалъ, и останется такимъ на долго. Это свидѣтельство написано ок. 1760 г. и явилось въ его знаменитомъ сочиненіи «о воспитаніи», которое, какъ за-

*) Изъ его сочиненія «Émile ou de l'éducation» IV т. Собр. сочиненій, Парижъ 1839 г., ч. 3, стр. 365 и слѣд.

ключающее въ себѣ опасныя для религіи и нравственности мысли, было запрещено французскимъ парламентомъ и вызвало изгнаніе его изъ Франціи. Это свидѣтельство заключается въ слѣдующемъ разсужденіи:

«Признаюсь, величіе св. писанія исполняетъ меня изумленіемъ, и святость евангелія сказывается моему сердцу *). Какъ ничтожны философскія сочиненія, несмотря на весь ихъ блескъ, въ сравненіи съ св. писаніемъ! Можетъ ли какое-нибудь другое сочиненіе въ столь короткое время такъ возвыситься, будучи произведеніемъ обыкновеннаго человѣка? Возможно ли, чтобы тотъ, о которомъ рассказываютъ св. книги, былъ не болѣе какъ простой человѣкъ (*se peut — il que celui dont il fait l'histoire ne soit qu'un homme lui-même*)? Ужели въ нихъ слышимъ голосъ мечтателя или честолюбиваго сектанта? Какая прелесть, какая чистота въ Его существѣ! Сколько плѣнительной доброты въ Его ученіи! Какая высота въ Его правилахъ! Какая глубина мудрости въ Его рѣчахъ! Какое присутствіе духа, какая пронизательность и вѣрность въ Его отвѣтахъ! Какое господство надъ своими страстями! Гдѣ найти человѣка, мудреца, который бы могъ такъ дѣйствовать, страдать и умереть, не выказавъ слабости и тщеславія? Платонъ, рисуя идеаль своего воображаемаго праведника, и дѣлая его достойнымъ награды за добродѣтель, точь въ точь изображаетъ Иисуса Христа: подобіе такъ разительно, что всѣ отцы чувствовали его, и въ этомъ нельзя обмануться. Сколько предразсудка, сколько слѣпоты надо предположить въ томъ, кто осмѣлился бы сравнить сына Софрониска съ Сыномъ Маріи! Какая бездна раздѣляетъ ихъ! Сократъ, умирая безъ скорби и позора, сохранилъ спокойствіе духа до послѣдней минуты, и если бы не такая смерть увѣнчала его жизнь, то сомнительно еще, считался ли бы онъ со всею мудростью болѣе, чѣмъ софистомъ. Говорять, что онъ былъ творцемъ нравственныхъ понятій, мы на это скажемъ, что и до него были же

*) Вариантъ читается такъ: *Je vous avoue que la sainteté de l'Evangile es un argument qui parle à mon coeur, et auquel j'aurais même regret de trouver quelque bonne réponse.*

люди нравственные; онъ пользовался только случаемъ сказать о томъ, что каждый долженъ дѣлать; въ своемъ ученіи онъ пользовался извѣстными всѣмъ примѣрами. Аристидъ отличался справедливостію прежде, нежели Сократъ заговорилъ о справедливости, прежде нежели онъ сказалъ: будь справедливъ! Леонидъ умеръ за отечество прежде, нежели Сократъ любовь къ отечеству вмѣнилъ въ обязанность. Спарта отличалась умѣренностію прежде, нежели Сократъ похвалилъ ее. Греція владѣла многими добродѣтельными мужами раньше, чѣмъ Сократъ сдѣлалъ опредѣленіе добродѣтели. Иисусъ же высокую и чистую нравственность, которой Онъ училъ и по которой жилъ, бралъ единственно у Себя. Изъ среды самаго свирѣпаго фанатизма вдругъ появляется высочайшая мудрость; похвальное упражненіе въ героическихъ добродѣтеляхъ она считаетъ за дѣло самое обыкновенное для всѣхъ народовъ. Смерть Сократа, позволившая ему совершенно спокойно философствовать съ своими друзьями, не безчестная смерть. Смерть Иисуса, окруженная мученіями, проклятіями и поруганіями всего народа, есть самая позорная, которой каждый можетъ ужаснуться. Сократъ конечно благословлялъ человѣка, который, рыдая, подаль ему кубокъ съ ядомъ; Иисусъ же, перенося мучительнѣйшую смертную казнь, молился за своихъ немилосердыхъ мучителей.

«Да, если Сократъ жилъ и умеръ, какъ философъ, то Иисусъ Христосъ жилъ и умеръ, какъ Богъ (Oui, si la vie et la mort de Sorcate sont d'un sage, la vie et la mort de Jésus sont d'un Dieu)».

«Можемъ ли мы сказать, что евангельская исторія есть изобрѣтеніе? Такія вещи, мой любезный другъ, не изобрѣтаются, и исторія Сократа (въ этомъ никто не сомнѣвается) менѣе достовѣрна, чѣмъ исторія Иисуса Христа. Утверждать противное значило бы только отодвинуть въ сторону сущность вопроса, но не разрѣшить его. Нашъ разумъ скорѣе готовъ принять, что одно лице своею жизнію дѣйствительно дало содержаніе евангельской исторіи, чѣмъ допустить, будто нѣсколько лицъ, сговорившись, сочинили такую исторію. Иудей-

скіе писатели не въ состояніи были изобрѣсть ни такого тона, ни такой нравственности; евангеліе носить на себѣ такіе высокіе, удивительные и совершенно неподражаемые слѣды мудрости, что изобрѣтатель заслуживалъ бы большаго удивленія, чѣмъ герой (que l'inventeur en seroit plus étonnant que le héros). Ко всему сказанному нужно прибавить, что евангеліе есть совершенно непостижимая вещь, которой не можетъ постичь разумъ, но въ то же время и не такая, которой не понималъ бы мыслящій человѣкъ, и съ которою бы не могъ согласиться. Что же дѣлать среди такихъ противорѣчій? Будь всегда воздержень и осторожень, мое дитя; уважай то, чего нельзя отвергнуть и чего ты не въ состояніи понять, и смирайся предъ великимъ существомъ, которое одно только знаетъ истину».

Наполеонъ Бонапартъ.

Наполеонъ I выросъ въ невѣрующей атмосферѣ XVIII стол., и въ продолженіи всей своей жизни такъ сильно былъ занятъ своими военными завоевательными планами, что не имѣлъ свободной минуты серьезно подумать о религіозныхъ предметахъ, когда даже и представлялся къ тому случай. При всемъ томъ онъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобъ сдѣлаться атеистомъ. Всѣ его намѣренія склонялись предъ рокомъ и, подобно своему племяннику, онъ вѣрилъ въ свою звѣзду. Наполеонъ зналъ, что религія составляетъ существенный элементъ человѣческой природы и есть самая прочная опора общественной нравственности и гражданского порядка. Во время своего похода въ Египетъ онъ возилъ съ собою новый завѣтъ и коранъ подъ характеристическимъ названіемъ «политики». Держась этой политической точки зрѣнія, онъ возстановилъ во Франціи римско-католическую Церковь, уничтожившую глупости революціи, хотя и держалъ ее въ рукахъ свѣтской власти, и обезпечилъ протестантамъ свободу совѣсти и общественнаго богослуженія.

Во время своего заключенія на островѣ св. Елены, Наполеонъ имѣлъ самый удобный случай размыслить о непроч-

ности своей карьеры, зависѣвшей единственно отъ завоеваній, о разбитыхъ надеждахъ и о суетности всего земнаго. Онъ очень часто читалъ библію. Графъ де-Ласъ-Казасъ передаетъ въ своихъ мемуарахъ о Наполеонѣ (ч. 2, стр. 256, англійск. изд. въ Нью-іоркѣ) слѣдующій фактъ, показывающій по меньшей мѣрѣ уваженіе, какое онъ питалъ къ евангельской нравственности: «императоръ окончилъ свой разговоръ тѣмъ, что попросилъ моего сына принести ему новый завѣтъ, и прочиталъ изъ него нагорную проповѣдь отъ начала до конца. Это чтеніе исполнило его величайшаго удивленія предъ чистотой, возвышенностью и прелестью содержащихся въ этой проповѣди нравственныхъ принциповъ, и всѣ мы чувствовали тоже самое». Въ своемъ завѣщаніи, сдѣланномъ за шесть лѣтъ до смерти (15 апрѣля 1815 г. на островѣ св. Елены), Наполеонъ говорилъ: «я умираю въ апостольской римско-католической религіи, въ нѣдрахъ которой и родился слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ». Въ 1819 г. онъ пригласилъ къ себѣ двухъ итальянскихъ священниковъ (старога аббата Буонавита, духовника его матери на островѣ Эльбѣ и принцессы Паулины въ Римѣ, и молодаго аббата и вмѣстѣ врача Фивали). Онъ открылъ имъ свое расположеніе и подчиненіе вѣрѣ и дисциплинѣ католической религіи; каждое воскресенье слушалъ обѣдни, и наконецъ предъ смертью пріялъ таинство елеосвященія.

Это неоспоримые факты. Но они не оправдываютъ еще того предположенія, будто Наполеонъ дѣйствительно былъ истинный христіанинъ, какимъ представляетъ его американскій біографъ, награжденный заслуженною золотою табакеркою изъ рукъ племянника за прославленіе и присоединеніе къ числу святыхъ его дяди. Какъ общественная, такъ и домашняя жизнь Наполеона не показываютъ никакихъ слѣдовъ благочестія. Его подчиненіе обрядамъ римской Церкви на смертномъ одрѣ едвали удовлетворительно можетъ быть объяснено, какъ актъ истиннаго покаянія, — оно могло быть отчасти слѣдствіемъ его политики или слѣдствіемъ благоразумнаго размышленія о славѣ, интересахъ своей династіи и обществен-

номъ мнѣніи Франціи. Наполеонъ умеръ, мечтая о войнахъ и представляя побѣды. «Франція»! «Жозефина»! «Глава арміи»! были послѣднія его слова — пассивное выраженіе стремленій его жизни.

Но я не сомнѣваюсь, что великій, умъ Наполеона преклонялся предъ величіемъ Христа. Выходя изъ мысли о могущественномъ авторитетѣ Христа какъ учителя, объ изумительномъ успѣхѣ Его миссіи мира, о Его никогда неумирающемъ царствѣ, и сравнивая это царство съ суетностью всѣхъ человѣческихъ завоеваній и земныхъ царствъ, Наполеонъ справедливо могъ придти къ тому заключенію, что Христосъ былъ болѣе, чѣмъ человекъ, что онъ поистинѣ есть Богъ, и что только Его божественность — тотъ ключъ, который раскрываетъ тайны христіанства. Въ этомъ отношеніи Наполеонъ зашелъ далѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ всѣхъ приведенныхъ нами свидѣтелей, которые только съ извѣстными уступками заключаютъ о несравнимомъ величіи Христа. Логическое заключеніе сильнаго ума Наполеонова и его глубокое знаніе человека справедливо можно противопоставить нелогическому отрицанію божественности Христа со стороны второстепенныхъ дарованій.

Мы приведемъ здѣсь знаменитое свидѣтельство величайшаго военнаго генія всѣхъ временъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно раскрыто въ религіозныхъ европейскихъ и американскихъ союзныхъ трактатахъ и въ какомъ представлено въ сочиненіи I. С. Г. Аббота (см. его соч. «Life of Napoleon», ч. II, гл. 32, стр. 612, и слѣд.) *), основывающагося конечно на достовѣрныхъ источникахъ. Мы могли бы сослаться на генерала Бертрана, извѣстнаго своимъ невѣріемъ, генерала Монтолона, примкнувшаго впоследствии къ числу вѣрующихъ, или по крайней мѣрѣ серьезно склонявшагося къ вѣрѣ, потому что они должны были слышать на островѣ св. Елены высказанное Наполеономъ мнѣніе; но я не нашеть въ ихъ

*) См. также соч. его же: «Confidential Correspondence of the Emperor Napoleon with the Empress Josephine». Нью-іоркъ 1855 г., стр. 353—363.

сочиненіяхъ этого мнѣнія, хотя они и были очень хорошо мнѣ извѣстны. Докторъ *Стове* сообщилъ мнѣ, что питтсбургское (Pittsburg) духовенство спросило генерала Бертрана, во время путешествія его по Америкѣ, дѣйствительно ли Наполеонъ въ своей съ нимъ бесѣдѣ высказалъ такое мнѣніе, на что Бертранъ отвѣчалъ утвердительно. Напрасно также я искалъ этого мнѣнія Наполеона въ мемуарахъ де-Ласъ-Казаса, Антономарша, О'Меара, Монтолона и другихъ достовѣрныхъ источникахъ о жизни императора на островѣ св. Елены; хотя тамъ не мало помѣщается и обстоятельныхъ извѣстій и разговоровъ Наполеона, имѣющихъ религіозный характеръ и болѣе или менѣе говорящихъ въ пользу христіанства и библіи; но упомянутого мнѣнія я все таки не нашелъ. Трактатъ, въ которомъ Наполеонъ высказывалъ расположенность свою къ христіанству, по всей вѣроятности, потерянь, и я съ трудомъ могъ найти одно только его названіе въ одной французской библіотекѣ *). Изъ сочиненія Герарда «*Littérature française contemporaine, XIX siècle* (ч. I. Парижъ 1842 г.) я заключаю, что авторъ его есть авторъ другаго сочиненія: «*Une lamentation chrétienne, ou Mort d'un enfant impie*», въ которомъ находится глава «о религіозной смерти Наполеона». На сколько это сочиненіе опирается на личномъ сообщеніи Монтолона или другихъ достовѣрныхъ источникахъ, я не могу сказать, такъ какъ въ нью-іоркской библіотекѣ я не могъ найти ни одного экземпляра этого сочиненія. Профессоръ Г. де-Феликсъ Монтобанъ въ своемъ письмѣ въ «Нью-іоркскій наблюдатель» (1842 г.) признаетъ несомнѣнно подлиннымъ свидѣтельство въ томъ видѣ, въ какомъ оно изложено во французскомъ трактатѣ, но не представляетъ на это никакого доказательства. Онъ рассказываетъ также, что докторъ *Боге*

*) Это «Robert — Antoine de Beauterne»: *Sentiment de Napoléon sur le Christianisme. Conversations religieuses recueillies à st. Helène, par M. le Gén. comte de Montholon; avec un dessin, par H. Vernet, et un facsimile de l'écriture de l'empereur.* Парижъ, 1843 г. 3 отд. См. также названіе соч. у *Эттингера*: «Bibliografie Biographique», и въ «Bibliographie de la France XXXII année». Paris 1843 г.

послалъ Наполеону на островъ св. Елены экземпляръ своего сочиненія «о божественности и важности новаго завѣта», и что онъ прочиталъ это сочиненіе, по свидѣтельству очевидцевъ, съ интересомъ и удовольствіемъ.

По моему мнѣнію, религіозные разговоры Наполеона значительно преувеличены или измѣнены въ воспоминаніяхъ Бертрана, Монтолона и другихъ повѣствователей; но въ сущности они несомнѣнны, потому что въ нихъ выразительно звучитъ высокомѣрный, эгонистическій голосъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они отличаются прекрасною такъ сказать гранитной твердостью мысли и слога, которыми характеризуются самыя лучшія выраженія Наполеона. Кромѣ того, эти разговоры не противорѣчатъ тѣмъ неоспоримымъ фактамъ, что Наполеонъ въ своемъ завѣщаніи на смертномъ одрѣ объявилъ себя членомъ католической Церкви, гдѣ постоянно, какъ главный членъ вѣры, проповѣдуется ученіе о божествѣ Христа.

Мы приведемъ свидѣтельство Наполеона въ томъ видѣ, въ какомъ прежде всего нашли его въ оригинальномъ текстѣ въ одномъ французскомъ трактатѣ № 51, безъ обозначенія года, а потомъ въ переводѣ подъ № 477 американскаго союзнаго трактата и наконецъ въ приведенномъ выше сочиненіи Аббота о Наполеонѣ.

Наполеонъ *).

«По истинѣ, Христосъ далъ нашей религіи рядъ таинствъ. И Онъ повелѣлъ вѣрить въ нихъ, не представляя для вѣры въ нихъ другихъ основаній, кромѣ этихъ только необыкновенныхъ словъ: *Я Богъ*.

Безъ сомнѣнія, вѣра должна принять это основное положеніе, отъ котораго производятся всѣ остальные. *Но божество Христа, однажды признанное, представляетъ христі-*

*) Сообщаемыя здѣсь свидѣтельства заключаютъ въ себѣ задушевныя мысли Наполеона о христіанствѣ и особенно о божествѣ Христа.

*анскую религію истинно-несомнѣнною и чистою: должно только удивляться связи и единству ея ученія *)*.

Опершись на библію, это ученіе наилучшимъ образомъ объясняетъ преданія міра; оно выясняетъ ихъ и связываетъ съ другими догматами такъ же необходимо, какъ одно кольцо съ другимъ въ цѣпи. Бытіе Христа отъ начала до конца открыто таинственностью, которой я внимаю; эта тайна отвѣчаетъ на недоразумѣнія, встрѣчающіяся въ каждомъ бытіи, и объясняетъ ихъ; уничтожь. отвергни эту тайну, и міръ сдѣлается загадкою; допусти ее, и ты будешь имѣть чудное разрѣшеніе человѣческой исторіи.

Христіанство имѣетъ нѣчто особенное предъ всеми философіями и религіями: христіане не создаютъ себѣ никакихъ иллюзій о природѣ вещей. Нельзя упрекнуть ихъ ни въ хитрости, ни въ шарлатанствѣ идеалистовъ, которые думаютъ разрѣшить великую загадку богословскихъ вопросовъ пустыми разсужденіями, — безумные, глупость которыхъ можно сравнить съ безразсудствомъ маленькаго дитяти, которое хочетъ схватить руками небо, или желаетъ луну обратить въ игрушку, и сдѣлать ее предметомъ удовлетворенія своему любопытству. Христіанство говоритъ совершенно просто: «ни одинъ человѣкъ не видѣлъ Бога, потому что Онъ Богъ. Богъ Самъ открылъ Себя. Его откровеніе есть тайна, которой не можетъ постигнуть разумъ. Но уже потому, что такъ сказалъ Богъ, этому должно вѣрить». Это чрезвычайно рационально.

Евангеліе имѣетъ какую то таинственную силу, нѣчто удивительно мощное, теплоту, которая дѣйствуетъ на умъ и очаровываетъ сердце. Когда разсуждаютъ о немъ, то убѣждаются, что разсуждаютъ о небѣ. Евангеліе не есть книга, оно есть человѣческое существо, дѣятельность, сила, которая побуждаетъ все, что захочетъ противиться его распространенію. Когда эта книга лежитъ у меня на столѣ, книга по преиму-

*) .Le caractère de la divinité du Christ une fois admis, la doctrine chrétienne se présente avec la précision et la clarté de l'algbre: il faut y admirer l'enchaînement et l'unité d'une science».

ществу (*par excellence*, и императоръ при этихъ словахъ почитательно прикоснулся къ библіи), я не устаю ее читать и всегда читаю съ одинаковымъ удовольствіемъ.

Христосъ не измѣняется, не медлитъ въ исполненіи своихъ плановъ, и самое обыкновенное Его слово носить на себѣ отпечатокъ простоты и глубины, плѣняющихъ какъ невѣжду, такъ и мудреца, какъ скоро они къ нему обращаются со вниманіемъ.

Нигдѣ нельзя найти такихъ прекрасныхъ мыслей, такихъ прекрасныхъ нравственныхъ правилъ, которыя какъ сонмъ небснаго воинства отражаютъ всѣ нападенія, и пробуждаютъ въ нашей душѣ такое же чувство, какое испытываешь при разсматриваніи безконечнаго, усѣяннаго звѣздами яснаго неба въ прекрасную ночь.

Нашъ умъ не только плѣняется чтеніемъ этой книги, но и дѣлается отъ него господствующимъ; душа же съ этой книгой избавляется отъ всякой опасности заблудиться.

Владыка нашего духа, по любви своей къ намъ, далъ намъ свое евангеліе. Самъ Онъ есть нашъ другъ, нашъ отецъ и нашъ истинный Богъ. Мать не болѣе заботится о дитяти на своей груди, сколько заботится о насъ нашъ Владыка и Царь. Душа, очарованная прелестью евангелія, не принадлежитъ уже болѣе себѣ. Богъ тотчасъ овладѣваетъ ею, Онъ управляетъ всѣми ея помыслами и способностями, которыя принадлежать уже Ему.

Какое доказательство въ пользу божества Христа!

Въ своемъ безпредѣльномъ царствѣ Онъ преслѣдуетъ только одну цѣль — нравственное усовершенствованіе людей, чистоту совѣсти, святость души, союзъ со всѣмъ тѣмъ, что истинно.

Наконецъ, и это послѣднее мое слово: тогда не было бы Бога на небѣ, еслибъ чловѣкъ вздумалъ осуществить дерзкую мысль присвоить себѣ высочайшее поклоненіе, свойственное имени Божію. Одинъ только Иисусъ рѣшился на это, Онъ только одинъ ясно, твердо и вразумительно могъ сказать о себѣ съ увѣренностью: *я Богъ*. Эти слова далеко отличны отъ утвержденія: *я одинъ Богъ* или отъ другаго выраженія: *суть*

боги. Исторія не упоминаетъ о другомъ какомъ-нибудь лицѣ, которое бы усвоило себѣ имя Божіе въ абсолютномъ смыслѣ. Миеологія нигдѣ не говоритъ о томъ, что Юпитеръ и другіе боги сами сдѣлали себя богами. Это было бы съ ихъ стороны излишкомъ гордости и чудовищности, нелѣпымъ сумасбродствомъ. Потомки, наслѣдники первыхъ деспотовъ, обоготворили ихъ. Если всѣ люди происходятъ отъ одной крови, то Александръ могъ бы назвать себя сыномъ Юпитера. Но вся Греція смѣялась бы тогда надъ такимъ заблужденіемъ и плутовствомъ, а римляне никогда безъ шутокъ не принимали апофеозы своихъ императоровъ. Магомедъ и Конфуцій выдали себя просто только за орудіе божества. Индійскіе боги не больше, какъ психологическое изобрѣтеніе.

Какъ же случилось, что іудей, твердо вѣрившій въ историческое существованіе своей націи, какъ и всѣ его современники, какъ случилось, что сынъ плотника, одинъ только онъ, могъ объявить себя равнымъ отъ начала съ Богомъ, даже прямо жизнію, творцемъ всякаго бытія! Ему одному по всей справедливости принадлежитъ всякое поклоненіе. Онъ основалъ свой культъ своими собственными руками, оградивъ его не стѣнами, а людьми. Восторгаются завоеваніями Александра. Пусть себѣ! У насъ есть завоеватель, который склонилъ всѣхъ въ свою пользу, соединилъ съ собой и воплотилъ въ себѣ не одинъ какой-нибудь народъ, но все человѣчество. Какъ прекрасно! Человѣческая душа со всѣми своими способностями отдается Христу.

Что же этому причиной? Чудо изъ чудесъ. Христось хочеть любви человѣка,—это значить, онъ хочеть того, что съ величайшимъ трудомъ получается отъ міра, чего напрасно требуетъ мудрецъ отъ нѣкоторыхъ друзей, отецъ отъ своихъ дѣтей, супруга отъ своего мужа, братъ отъ брата, словомъ Христось хочеть сердца: этого Онъ хочеть для себя, Онъ достигаетъ этого совершенно и безпредѣльно, и Его требованія сопровождаются быстрымъ успѣхомъ. Изъ этого я заключаю о Его божествѣ. Александръ, Цезарь, Ганнибалъ, Людовикъ XIV съ своими геніями ничтожны. Они завоевали міръ, но не могли

приобрѣсть друга. Я, быть можетъ, единственный человѣкъ въ наше время, любящій Гавнибала, Цезаря и Александра. Великій Людовикъ XIV, такъ ослѣпившій своимъ блескомъ Францію и всю Европу, не имѣлъ ни одного друга въ своихъ владѣнiяхъ, даже въ средѣ своего роднаго семейства. Правда, мы любимъ своихъ дѣтей; но за что мы ихъ и почему любимъ? Мы повинемся природному инстинкту, Божію установленію, необходимости, которую сознаютъ также и чувствуютъ звѣри; но какъ много есть такихъ дѣтей, которыя остаются равнодушными къ нашимъ ласкамъ и бываютъ холодны за наши о нихъ попеченія,—какъ много есть дѣтей неблагодарныхъ! Генераль Бертранъ, любите ли вы своихъ дѣтей? Вы, конечно, любите ихъ; но они навѣрное не отвѣчаютъ этой любви. Ни ваши благодѣянiя, ни природа не въ состоянiи вызвать такой любви, какою дышатъ христіане къ Богу! Когда вы умрете, ваши дѣти, безъ сомнѣнiя, будутъ вспоминать о васъ, пока не проживутъ доставшагося имъ наслѣдства; но наши дальнѣйшіе потомки едва ли будутъ знать о томъ, что вы когда то жили. И вы, генераль Бертранъ, и мы, живя на островѣ, не находимъ никакой другой радости, кромѣ взгляда на наши семейства.

Но вотъ Христось взываетъ, и сію минуту цѣлыя поколѣнiя соединяются союзомъ болѣе крѣпкимъ и тѣснымъ, чѣмъ союзъ крови, соединяются святѣйшимъ и сильнѣйшимъ союзомъ, какой только можетъ быть. Христось возжигаетъ огонь любви, который поглощаетъ всякій эгоизмъ и превосходитъ какую хотите любовь.

Почему не хотятъ признать этихъ чудесъ Его воли, почему не хотятъ допустить, что Слово есть творецъ міра? Основатели религій не имѣли никакихъ предчувствій той таинственной любви, которая составляетъ сущность христіанства.

Человѣкъ самъ внутри себя глубоко чувствуетъ, что у него нѣтъ силъ заставить другихъ любить себя. Величайшее чудо Христа заключается неоспоримо въ этомъ господствѣ любви.

Ему только одному удалось возвысить человѣческое сердце

къ невидимому до пожертвованія временнымъ, и при помощи этого средства Онъ связалъ небо съ землею.

Всѣ, искренно увѣровавшіе во Христа, ощутили эту чудную, высокую, сверхъестественную любовь, это непонятное явленіе, невозможное для разума и силъ человѣческихъ, этотъ священный огонь, силу котораго и время—этотъ великій разрушитель, не можетъ ограничить. Этому я больше всего дивлюсь, объ этомъ я больше всего думалъ. И это чудное явленіе безусловно доказываетъ мнѣ божественность Христа. Я сокрушаюсь о тѣхъ массахъ людей, которыя изъ за меня умерли. Да сохранить меня Богъ отъ того, чтобы я когда-нибудь сравнилъ энтузіазмъ солдатъ съ христіанскою любовью: они на столько различны одно отъ другаго, на сколько различны ихъ основанія. Конечно, мое присутствіе было необходимо,—электрическій огонь моего взора, мой голосъ, одно мое слово зажигали священное пламя въ сердцахъ солдатъ. Я безпорно владѣю тайной этой магической силы, которою одаренъ мой умъ; но я не могу передать ее другимъ; ни одинъ изъ моихъ генераловъ не получилъ ея отъ меня и даже не отгадалъ ея тайны; я еще болѣе безсиленъ увѣковѣчить мое имя и любовь ко мнѣ въ сердцахъ людей и совершить что нибудь удивительное, не прибѣгая къ матеріальнымъ средствамъ.

Теперь я на островѣ св. Елены,—теперь я прикованъ къ этой скалѣ: кто сражается за меня, кто завоевываетъ для меня царства? Гдѣ придворные, очевидцы моего несчастія? Думаетъ ли кто-нибудь обо мнѣ? Кто трудится для меня въ Европѣ? Кто остался мнѣ вѣренъ, гдѣ мои друзья? Да, ихъ нашлось только два или три, которые обезсмертили свое имя, свою вѣрность: они раздѣляютъ мое изгнаніе и утѣшаютъ меня въ несчастіи».

Тутъ голосъ императора принялъ обычный тонъ ироническій меланхоліи и глубокой скорби. «Да, наша жизнь», продолжалъ онъ, «блистала всѣми лучами короны и самодержавія, и на вашей жизни, Бертранъ, отражался этотъ блескъ, подобно вызолоченному куполу инвалиднаго собора, облитому лучами солнца! Но доска перевернулась, и золото мало по

малу стерлось. Потоки несчастья и позора, каждодневно на меня изливавшіеся, отняли у меня послѣднее достояніе. Мы теперь—только свинець, генераль, а скоро будемъ землей.

Такова судьба великихъ людей! Такъ исчезла слава Цезаря и Александра, ихъ забыли, забудутъ и насъ! Имя того или другаго завоевателя, или императора, останется только темой для школьныхъ задачъ! Наши дѣла падутъ подъ ударами педанта, который или сбругаетъ или похвалитъ насъ. Какъ разнообразны сужденія о Людовикѣ XIV! Едва умеръ этотъ великій государь, его оставили одного въ его версальской спальнѣ;—про него забыли, надъ нимъ, быть можетъ, насмѣялись его же придворные. Это больше не государь ихъ. Это лишь трупъ, гробъ, могила и ужасъ собственнаго разрушенія.

Еще одно слово,—это мой жребій и это со мной случится: убитый англійскою олигархіей, я умру преждевременно, и мой трупъ преданъ будетъ землѣ, чтобы сдѣлаться пищею червей. Вотъ что скоро случится съ великимъ Наполеономъ.

Чтожь умеръ ли Христосъ? Могъ ли умереть Богъ?

Императоръ замолчалъ, и когда генераль Бертранъ также молчалъ, Наполеонъ сказалъ: «вы не думаете, что І. Христосъ есть Богъ.—Ну, я не ладно поступилъ, сдѣлавши васъ генераломъ!»

Вильямъ Еллери Ханнингъ.

Хотя Ханнингъ (род. въ Нью-Портѣ въ 1780 г., умеръ въ Беннингтонѣ въ 1842 г.) держался еретическихъ мнѣній относительно основныхъ пунктовъ христіанства, какъ напимѣръ относительно ученія о св. Троицѣ, божествѣ Христа, воплощеніи, однако на самомъ дѣлѣ онъ былъ почитателемъ Іисуса, и доказалъ могущество Его дѣйствія на людей на собственномъ характерѣ и на своихъ сочиненіяхъ.

Мы приведемъ два мѣста изъ проповѣдей Ханнинга, которыя представляютъ сильное свидѣтельство въ пользу нечеловѣческаго совершенства Христова.

Изъ проповѣди: «The Character of Christ» на 17 гл., 5 ст. Маттея (См. Channing's Works, Boston 1848 г., т. IV, стр. 1—29).

...«Этотъ Иисусъ жилъ среди людей; съ сознаниемъ невыразимаго величія Онъ соединялъ скромность, умѣренность, дружбу, человѣчность и симпатію, которыя не находятъ себѣ ничего подобнаго въ исторіи человѣческаго рода. Я прошу васъ обратить ваше вниманіе на эту удивительную связь. Такъ велико было превосходство Иисуса надъ всѣмъ, что окружало Его, такъ велика была братская любовь, которая утверждала это превосходство. Я утверждаю, что *такой характеръ совершенно превышаетъ человѣческое пониманіе*. Считать его произведеніемъ обмана или мечтательности значило бы страдать рѣдкими недостатками здраваго смысла. Я смотрю на Христа съ благоговѣніемъ, исполненнымъ священнаго страха, съ какимъ обыкновенно смотрю на Бога. Характеръ Его не представляетъ никакого знака человѣческаго изобрѣтенія. Христосъ былъ дѣйствительное лицо. Это возлюбленный Сынъ Божій, открывшій намъ Бога....

«Я смолкну здѣсь, не зная, что бы еще можно прибавить къ сказанному мною, чтобы возвысить изумленіе, страхъ и любовь, пробуждающіеся въ насъ при мысли о Христѣ. Когда я вижу, что Христосъ не только обладалъ сознаниемъ своего безподобнаго и безграничнаго величія, но и признавалъ въ Себѣ такія качества, которыя сродны человѣческой природѣ, когда смотрю на то, какъ Онъ жилъ и умеръ, чтобы сдѣлать людей участниками божественной славы, и когда нахожу въ Немъ самую тѣсную связь Его съ людьми, которыхъ Онъ обнимаетъ духомъ любви, не причиняя никому никакого оскорбленія и неправды, и ни на одно мгновеніе не стѣсняя и не порабощая никого; тогда я исполняюсь сколько удивленія, столько же страха и любви. Я чувствую, что характеръ Христа—совсѣмъ не человѣческое изобрѣтеніе, что Его нельзя принять за обманчивое существо или за произведеніе мечтательности, потому что Онъ бесконечно далеко выходитъ изъ области человѣческой изобрѣтательности. Если ко всему сказанному при-

совокуплю другія доказательства, то усилю только тѣ доводы, которые и безъ того довольно сильны. Я чувствую, что ничего новаго къ сказанному не могу прибавить. *Евангеліе замѣчательно характеромъ несомнѣнной истинности; оно списано съ живаго оригинала, оно основано на дѣйствительности.* Характеръ Христа не есть баснословный характеръ: *Христосъ былъ тѣмъ, чѣмъ имѣлъ право быть и чѣмъ представили Его ученики.* И тутъ еще не все. Иисусъ былъ не только Иисусомъ, но онъ былъ *Сынъ Божій, Спаситель міра.* Онъ возшелъ на небо и живетъ тамъ, призирая на землю и владѣя ею. Онъ живетъ и господствуетъ тамъ. Съ чистою и спокойною вѣрою смотрю я на состояніе Его славы. Мы не имѣемъ ни одного такого лица, живущаго вдали отъ насъ, которое мы такъ искренно желали бы видѣть, какъ желаемъ видѣть Его. Приготовимся же, подражая Его добродѣтелямъ и повинаясь Его ученію, встрѣтить Его въ томъ священномъ обиталищѣ, гдѣ Его окружаютъ добрые и чистые изъ нашихъ предковъ, и гдѣ Онъ сообщаетъ имъ свою силу и свою радость въ безконечныя вѣки».

Изъ сочиненія доктора Ханнинга «Discourse on the imitableness of Christ». (IV т., стр. 140):

«Я убѣжденъ, что Иисусъ Христосъ стоитъ несравненно выше человѣка. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ христіане такъ вѣруютъ. Тѣ, которые не допускаютъ предвѣчнаго существованія Его до рожденія, смотрятъ на Него какъ на обыкновеннаго человѣка. При всемъ томъ, такіе люди постоянно дѣлаютъ глубокое различіе между Нимъ и другими людьми. Мало того: они смотрятъ на Христа въ тоже время и какъ на равнаго съ Богомъ, какъ на лицо, снабженное дарами, благами, силою, мощью и свѣтомъ, какими не владѣетъ никто изъ людей, — какъ на лицо, испускающее лучи безукоризненной чистоты, — этого высочайшаго знаменія неба. Всѣ они допускаютъ и съ радостью соглашаются, что *величіе и благодать Иисуса Христа покрыли тѣнью всѣ человеческія совершенства*».

Давидъ Фридрихъ Штраусъ.

Изъ его сочиненія: «Ueber Vergängliches und Bleibendes im Christenthum», въ брошюрѣ: «Zwei friedliche Blätter» Altona 1839 года, стр. 127.

«Въ религіи, какъ показываетъ самое значеніе этого слова, выше всего сказывается всегда единеніе человѣческаго съ божественнымъ, въ силу котораго первое во всѣхъ своихъ движеніяхъ совершенно условливается послѣднимъ. Это дѣйствіе или явленіе въ тоже время чувствуется и сознается какъ наше собственное. Въ Иисусѣ дѣйствительно существовало это единеніе; Онъ не словомъ только высказалъ его, но и фактически осуществилъ его во всѣхъ положеніяхъ жизни: *отсюда въ религиозной области Онъ достигъ той высшей точки, которую въ будущемъ никто не въ состояніи переступить.*

Равнымъ образомъ на стран. 130 — 132 Штраусъ говоритъ: «Въ Иисусѣ открылась идея, которую Онъ въ первый разъ ввелъ въ человѣчество, именно сознаніе существеннаго единства истинно человѣческаго съ божественнымъ,—это такая всемогущая сила, что ея всецѣло и непрерывно была проникнута и освящена вся Его жизнь. Слѣдовательно, до тѣхъ поръ, пока человѣчество будетъ чувствовать необходимость религіи (безъ религіи же оно никогда не останется), оно никогда не останется безъ Христа, такъ какъ желаніе имѣть религію безъ Христа было бы столько же странно, сколько странно желать поэзіи и обходить Гомера, Шекспира и др. Но Христось уже потому самому, что Онъ неотдѣлимъ отъ высшей формы религіи, есть историческое, а не мнѣическое лице, не простой символъ. Этому историческому, личному Христу изъ Его жизни принадлежитъ то, въ чемъ открылось Его религиозное совершенство: это—Его рѣчи, Его нравственные дѣйствія и страданія. Но если остается для насъ Христось, и если Онъ остается для насъ тою *высотой, какую только мы можемъ знать и представить въ религиозномъ отношеніи, если Онъ остается такимъ, безъ присутствія Котораго въ душѣ немислимо совершенное благочестіе; то слѣ-*

довательно, въ Немъ остается для насъ сущность христіанства».

Изъ популярнаго сочиненія Штрауса: «*Leben Iesu*», 1864 г., 2 изд., стр. 208 и слѣд.:

«Если мы спросимъ: какимъ образомъ выработалось въ Иисусѣ такое гармоническое состояніе духа, то въ существующихъ у насъ памятникахъ о Его жизни мы нигдѣ не найдемъ извѣстія о той трудной борьбѣ, изъ которой образовался этотъ духъ. Во всѣхъ натурахъ, прошедшихъ очистительный путь борьбы и сильныхъ душевныхъ переворотовъ (припомнимъ только борьбу, какую выдержали ап. Павелъ, бл. Августинъ), навсегда остаются слѣды этой борьбы, налагая на ихъ характеръ нѣчто суровое, острое и мрачное. У Иисуса же мы не находимъ такихъ слѣдовъ; съ самаго начала Онъ является прекраснымъ Лицемъ, которое само изъ себя развивается, все яснѣе и яснѣе сознаетъ себя, чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе остается вѣрнымъ себѣ, и никогда не имѣетъ нужды начинать другую новую жизнь. Но это естественно не исключаетъ серьезнаго труда надъ самообладаніемъ, какъ и Самъ Иисусъ признался, отклонивъ отъ себя эпитетъ благой (см. Критич. прим. 29), который приписывали Ему».

Феодоръ Паркеръ.

(Род. въ Лексингтонѣ, въ Массачузетѣ, въ 1810 г., ум. во Флоренціи, въ 1860 г.).

Изъ его сочиненія «*A. Discourse of matters pertaining to Religion*» 3 изд. Boston 1847 г., стр. 272 и слѣд.

Феодоръ Паркеръ, въ своихъ воззрѣніяхъ на евангеліе, за небольшими исключеніями, держался мнѣической теоріи Штрауса, хотя и отличался отъ него, какъ практической американецъ отличается отъ кабинетнаго ученаго нѣмца—теоретика. Онъ прославился за свое восторженное краснорѣчіе противъ рабства, за свои гуманныя идеи и ратованіе въ пользу признанія общечеловѣческихъ правъ; этимъ онъ произвелъ блистательное, хотя впрочемъ подобно метеору исчезнувшее,

вліяніе на бостонскую публику. Изъ разсужденія его мы извлекаемъ слѣдующее свидѣтельство о лицѣ Иисуса Христа:

«При сужденіи о характерѣ Иисуса не должно забывать того, что Онъ умеръ въ такихъ лѣтахъ, когда нравственныя силы человѣка не достигаютъ еще полнаго совершенства. Величайшія творенія духа, самыя зрѣлыя предположенія людей, всѣ глубокіе и прочныя планы міровыхъ улучшеній являются въ такомъ періодѣ, когда долгій опытъ даетъ устойчивое основаніе для осуществленія. Сократъ, въ преклонныхъ лѣтахъ, не достигъ той мудрости, какую явилъ Младенецъ; извѣстные намъ поэты и философы стали такими въ позднѣйшій періодъ своей жизни. Мы видимъ передъ собою юношу (Иисуса), имѣющаго съ небольшимъ тридцать лѣтъ, человѣка, лишеннаго выгоды высшаго общественнаго положенія, среди невѣжественныхъ, грубыхъ людей, человѣка, родившагося въ городѣ, жители котораго сдѣлались предметомъ злой насмѣшки, среди народа, отличавшагося отъ всѣхъ другихъ націй суевѣріемъ, высокомѣріемъ, крайнимъ эгоизмомъ и презрѣніемъ другихъ народовъ, — видимъ человѣка, рожденнаго въ эпоху особенно сильной испорченности, когда сущность религіи исчезала даже изъ нравовъ посвятившихъ себя ей служителей, и когда преступленія нашли для себя широкій просторъ среди мятежнаго, угнетеннаго, попраннаго народа. Мужъ, сдѣлавшійся предметомъ насмѣшекъ за свои недостатки въ знаніи среди массы формалистовъ, лицемѣрныхъ священниковъ и упавшаго народа, проповѣдуетъ такую чистую мораль, такую чистую религію; соединяетъ въ своемъ лицѣ возвышеннѣйшія заповѣди и божественную жизнь, осуществляетъ сновидѣнія пророковъ и мудрецовъ болѣе, чѣмъ имъ это представлялось; стоитъ свободнымъ отъ всѣхъ предразсудковъ своего времени, своего народа и своей секты, первое мѣсто въ своемъ сердцѣ даетъ Духу Божію; не даетъ значенія формальному исполненію закона, столь свято всегда чтимаго, оставляетъ въ сторонѣ жертвы, храмъ и священниковъ; сталкиваетъ съ пьедестала законниковъ со всею ихъ ученостью и лицемѣріемъ. Его ученіе прекрасно какъ свѣтъ, высоко какъ небо и истинно какъ

Богъ. Онъ выше всѣхъ философовъ, поэтовъ, пророковъ, раввиновъ. Но Назаретъ не былъ Аѳинами, которые дышали воздухомъ философіи: въ Назаретѣ не было залы лица, не было даже пророческой школы. *Въ сердцѣ этого юноши былъ Богъ*» (стр. 278, 279). «Что за превосходнѣйшее сердце это было, какое только когда-нибудь билось въ груди, и трепетало подь Духомъ Божіимъ! Сколько словъ утѣшенія, совѣтовъ, увѣщаній, обѣщаній, надеждъ и обольщеній вышло изъ него, — словъ, которыя такъ освѣжаютъ душу, какъ небесная роса засохшую траву. Какія глубокія наставленія въ Его рѣчахъ, какая высокая мудрость въ Его притчахъ, въ которыхъ такъ ясно отразилась іудейская жизнь! Какая глубокая божественность души въ Его заповѣдяхъ, дѣлахъ, симпатіяхъ и покорности!» (стр. 281).

«Сличи Иисуса съ другими учителями. Они предупреждаютъ, о чемъ намѣрены сказать; нѣкоторые изъ нихъ ожидаютъ поощреній, получаютъ новыя свѣдѣнія, слѣдуютъ новымъ методамъ и скоро становятся выше своихъ наставниковъ, хотя обладаютъ иногда и меньшими, сравнительно съ ними, дарованіями. Это случается съ каждымъ основателемъ философской школы, всякой религіозной секты. *Но вотъ прошло уже восемнадцать столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ жилъ и дѣйствовалъ Христосъ. Но кто же изъ людей, какая христіанская секта, вполне постигла мысли Иисуса, вполне поняла Его методы и приложила все это къ жизни?* Люди у креста раздѣлили между собой Его одежды, бросили жребій о Его несшитомъ хитонѣ; но Который такъ мужественно поправъ въ мірѣ грѣхъ и смерть, Который страдалъ и умеръ и покорилъ вселенную,—всѣ ли понимаютъ его?»

Ф. Пекко (Pecaut).

Этотъ новѣйшій французскій писатель, въ своемъ сочиненіи «*Le Christ et la conscience*», Парижъ 1859 г. (съ этимъ сочиненіемъ авторъ впрочемъ знакомъ только по рецензіямъ извлеченіямъ), чувствуетъ себя вынужденнымъ представить

слѣдующее замѣчательное свидѣтельство о лицѣ І. Христа. Мы приводимъ это свидѣтельство въ томъ видѣ, въ какомъ нашли его цитованнымъ въ голландскомъ сочиненіи доктора Остерзее (въ Утрехтѣ) «о лицѣ Христа»: «Какой недосыгаемой высоты достигъ характеръ Иисуса сравнительно съ высочайшими и однакожъ всегда несовершенными типами древности! Какой человѣкъ счумѣлъ когда-нибудь такъ мужественно противостать злу? Кто лучше Его перенесъ противорѣчія и невзгоды? Гдѣ, въ комъ мы можемъ найти такое развитіе нравственной силы? Видѣлъ ли кто когда-нибудь такого человѣка, который былъ бы приобрѣлъ повиновеніе себѣ съ такимъ царскимъ авторитетомъ? И въ самомъ дѣлѣ никто не можетъ указать намъ такого человека, который былъ бы такъ нѣженъ, кротокъ и любвеобиленъ, какъ Онъ. Какое сердечное состраданіе являлось у Него при взглядѣ на бѣдствія и духовныя нужды своихъ братій! Но и тогда, когда лице Его омывалось слезами, во взорѣ Его сіялъ ненарушенный миръ. Духомъ Онъ жилъ въ домѣ своего небеснаго Отца. Онъ никогда не отрывалъ своего взора отъ невидимаго міра, и при всемъ томъ въ короткое время Онъ обнаружилъ такой практической смыслъ, какимъ не обладалъ ни одинъ изъ сыновъ персти. Что удивительнѣе: величіе ли Его царскаго достоинства, которое изливалось отъ Его лица, или неподражаемая простота, которою обставлено все Его явленіе?» Паскаль видѣлъ это небесное лицо, когда представлялъ его слѣдующимъ образомъ: Иисусъ Христосъ былъ кротокъ и терпѣливъ; святъ, святъ святъ предъ Богомъ; страхъ для злыхъ духовъ; безъ всякаго грѣха. Въ какомъ ослѣпительномъ блескѣ и въ какой удивительной славѣ является этотъ образъ предъ взорами духа, обрѣвшаго мудрость! Для того, чтобы предстать во всемъ блескѣ своего царскаго величія, Иисусу не было необходимости явиться царемъ, тѣмъ не менѣе Онъ явился во всей своей славѣ. Онъ былъ владыка надъ всѣмъ, потому что дѣйствительно по-братски относится ко всему. Его нравственная жизнь вполнѣ проникнута была божествомъ: Онъ представляетъ добродѣтель въ образѣ любви

и повиновенія. Съ своей стороны мы посвящаемъ Ему свою любовь».

Ернестъ Ренанъ.

Изъ его сочиненія: «*Vie de Jésus*», par E. Renan, membre de l'Institut». Paris 1854 г. 7 изд.:

«Иисусъ не можетъ быть исключительнымъ достояніемъ тѣхъ, которые называютъ себя его учениками. Онъ есть общее достояніе и честь всякаго, въ чьей груди бьется человѣческое сердце. Слава Его заключается не въ томъ, чтобы Его выдѣлять изъ исторіи, напротивъ, мы воздаемъ Ему истинное почитаніе, и въ то же время утверждаемъ, что безъ Него вся исторія человѣчества теряетъ свой смыслъ». (Заключеніе введенія).

«Главное событіе всемірной исторіи заключается въ переворотѣ, посредствомъ котораго благороднѣйшая часть азыческаго міра приняла религію, основывающуюся на единствѣ Божіемъ, Троицѣ и воплощеніи Сына Божія. Такой переворотъ потребовалъ бы по меньшей мѣрѣ тысячи лѣтъ. Новая же религія для своего развитія употребила не больше трехсотъ лѣтъ. Основаніе для переворота, о которомъ мы говоримъ, заключается въ обстоятельствѣ, случившемся въ правленіе Августа и Тиверія. Въ это время жила та могущественная личность, которая при помощи инициативы любви, которую она успѣла ввести въ человѣческое сознаніе, дала начало и предметъ для будущей вѣры человѣчества (*Alors vécut une personne supérieure qui par son initiative l'amour qu'elle sut inspirer, créa l'objet et rosa le point de départ de la foi future de l'humanité*). Стр. 1, гл. I).

«Рядъ (мессіанско-іудейскихъ) лицъ и сновидѣній, эта смѣна надеждъ и оболещеній, эти оживленія, безпрестанно подпираемыя ненавистной дѣятельностью, нашли наконецъ своего толкователя въ несравнимомъ мужѣ, которому всеобщее сознаніе усвоило званіе Сына Божія,—и усвоило совершенно справедливо; потому что Онъ сообщилъ религіи несравненно большій шагъ, чѣмъ кто-нибудь до Него сдѣлалъ это, сдѣ-

лаеть послѣ Него. (L'homme incomparable auquel la conscience universelle a décerné le titre de Fils de Dieu, et cela avec justice, puisqu'il a fait faire à la religion un pas auquel nul autre ne peut et ne pourra jamais être comparé». Стр. 13).

«Исусъ не имѣеть никакихъ видѣній; Богъ непосредственно говоритъ Ему, Богъ въ Немъ, и Онъ въ собственномъ сердцѣ находитъ все, что говорить о своемъ Отцѣ. Онъ живетъ въ неразрывной связи съ сердцемъ Бога; Онъ слышитъ и понимаетъ Его, безъ грома и горящаго куста, какъ было съ Моисеемъ, безъ открытой бури, какъ у Иова, безъ оракула, какъ дѣлали древніе греки, безъ генія, какъ Сократъ, безъ архангела Гавріила, какъ у Магомета. Образы и галлюцинаціи совсѣмъ не имѣють здѣсь мѣста. Опьянѣніе Суфи, который выдавалъ себя за одно съ Богомъ, представляетъ совершенно другое явленіе. Исусъ вѣрилъ, что стоитъ въ непосредственной связи съ Богомъ; Онъ считалъ Себя Сыномъ Божиимъ. Онъ обладалъ высочайшимъ боговѣдѣніемъ, которое когда-нибудь существовало между людьми». (La plus haute conscience de Dieu qui a existé au sein de l'humanité a été celle de Jesus». Стр. 54).

«По всей вѣроятности, Исусъ съ самаго начала смотрѣлъ на свои отношенія къ Богу какъ на отношенія сына къ Отцу. Это Его великое оригинальное дѣло, и въ этомъ отношеніи Онъ никакимъ образомъ не принадлежитъ своему народу (en cela il est nullement de sa race). Ни іудей, ни магометанинъ не учили такому плѣнительному богословію любви. Богъ Исуса не гнѣвный владыка, уничтожающій людей, когда Ему угодно, осуждающій когда вздумается, или дѣлающій насъ блаженными, когда Ему заблагоразсудится. Богъ Исуса есть нашъ Отецъ. Мы слышимъ Его, когда прислушиваемся къ тихому внутреннему голосу, говорящему въ насъ: «Отче!» Богъ Исуса — это не пристрастный владыка, избравшій израиля въ свой народъ и, не смотря ни на что и ни на кого, покровительствовавшій ему. Онъ есть Богъ всего человѣческаго рода». (Стр. 50).

«Ни ветхозавѣтный законъ, ни талмудъ не покорили и не

перемѣнили міра. Евангельская мораль остается высочайшимъ твореніемъ, которое вытекло изъ человѣческаго сознанія, прекраснѣйшей книгой закона совершенной жизни, книгой, которая когда-нибудь изображала нравственное ученіе». (Стр. 61).

«Евангеліе—это самое надежнѣйшее успокаивающее средство среди житейскихъ заботъ, это постоянное *sursum corda* (горѣ сердца), могущественное забвеніе земныхъ тревоженій, сладостное напоминаніе, подобное тому: «Мареа, Мареа! ты заботишься и хлопчешь о многомъ, — одно только нужно!» Благодаря Иисусу, — самое жалкое существованіе, влачимое среди печальнаго или рабскаго исполненія долга, носить на себѣ отображеніе неба. Среди нашей шумной цивилизаціи одно воспоминаніе о свободной галлилейской жизни дѣйствуетъ освѣжительно, подобно «росѣ ермонской», которая спасла міръ отъ безплодія и ничтожества, которыя готовы были совершенно облечь ниву Божію». (Стр. 17).

«Христось въ первый разъ высказалъ мысль, на которой основывается зданіе вѣчной религіи. Онъ основалъ истинное богопочтеніе, не приурочивая его къ какому-нибудь извѣстному возрасту и климату, — богопочтеніе, которое до конца міра найдетъ для себя мѣсто въ великихъ душахъ... Еслибы другія планеты были населены жителями, одаренными разумомъ и нравственностью, и еслибы они услышали слово Иисуса, то и ихъ религія не могла бы разниться отъ той, какую проповѣдалъ Онъ у колодезя Іакова. Люди были неспособны остаться при богопочтеніи (въ духѣ и истинѣ): мы достигаемъ идеала такого богопочтенія развѣ на одно мгновеніе. Слова Иисуса были яркимъ лучемъ среди темной ночи: восемнадцать столѣтій необходимы были для человѣческаго рода (ахъ, что я говорю! только для безконечно малой части человѣчества) для того, чтобы свыкнуться съ этимъ свѣтомъ. Но свѣтъ обратится въ совершенный день, и человѣчество, пройдя черезъ всѣ фазы заблужденій, возвратится къ этимъ словамъ, какъ къ безсмертному выраженію своей вѣры и надежды». (Стр. 168).

«Покойся теперь въ своей славѣ, величайшій Основатель: Ты исполнилъ свое дѣло, Твое божество стоитъ незыблемо.

Не опасайся, что дѣло твоихъ трудовъ можетъ погибнуть чрезъ какую нибудь ошибку. Возвысившись надъ областью заблужденій, Ты, съ высоты Божественнаго міра, будешь всегдашнимъ свидѣтелемъ безконечныхъ плодовъ твоего дѣла. Въ вознагражденіе за нѣсколько часовъ страданій, не разъ посѣщавшихъ твою душу, Ты увѣнчанъ совершеннѣйшимъ безсмертіемъ. Въ теченіи тысячелѣтій міръ будетъ проповѣдывать Тебя! Ты знамя нашихъ споровъ, знамя, около котораго завязывается отчаяннѣйшая борьба. Въ тысячу разъ Ты сталъ жизненнѣе, въ тысячу разъ возлюбленнѣе послѣ Твоей смерти, чѣмъ въ продолженіе Твоей жизни на землѣ, Ты сдѣлался столь драгоцѣннымъ камнемъ для человѣчества, что для того, чтобы искоренить твое имя въ этомъ мірѣ, необходимо разрушить міръ до основанія. Между Тобой и Богомъ нѣтъ различія. (*Entre toi et Dieu on ne distinguera*). Совершенный побѣдитель смерти, вступи во владѣніе твоимъ царствомъ. Царскій путь, по которому Ты долженъ пройти, приготовленный въ теченіи тысячелѣтій поклонниками твоими (*des siècles d'adorateurs*), вполне принадлежитъ Тебѣ». (Стр. 303).

«Что бы ни случилось въ будущемъ, никто не превзойдетъ Иисуса, почтеніе къ Нему всегда будетъ юно, непрерывно, Его исторія всегда будетъ вызывать слезы; Его страданія всегда будутъ трогать благороднѣйшія сердца; во всѣ времена будутъ возвѣщать, что между сынами человѣческими не родилось никого больше Иисуса. (*Quels que puissent être les phénomènes inattendus de l'avenir, Jésus ne sera pas surpassé. Son culte se rajeunira sans cesse; sa légende (?) provoquera les larmes sans fin; ses suffrances attendriront les meilleurs coeurs: tous les siècles proclameront qu'entre les fils des hommes, il n'en est pas né de plus grand que Jésus*).» (Стр. 325).

Фр. Поверъ Коббе.

Изъ ея сочиненія «*Broken Lights: an Inquiry into the present Condition and future Prospects of Religions Faith*». Boston 1864 г. Стр. 150 и слѣд.

Это небезынтересное для нашей цѣли сочиненіе произвело въ Англіи религиозную борьбу, виновницей которой была одна англійская дама, почитательница и послѣдовательница Теодора Паркера, миссъ Коббе.

О сочиненіи Ренана «Жизнь Иисуса» миссъ Коббе справедливо замѣчаетъ, что главная цѣль автора не удалась; это дало ей право обвинить Ренана въ полупантеистической точкѣ зрѣнія, которая игнорируетъ личность Бога, нашего нравственно владыки, отвергнувъ и уничтоживъ въ нашей душѣ дѣйствительные плоды покаянія, прощенія и возрожденія. Она объясняетъ, что «сужденіе о духовномъ предметѣ — съ точки зрѣнія моральной и эстетической, всегда бываетъ неудачно» (стр. 150). На нѣкоторыя мѣста «Жизнь Иисуса» Коббе дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія (стр. 150—151): примѣненіе эстетической критики къ глубочайшимъ тайнамъ религіи чрезвычайно трудно, что, несомнѣнно, зависитъ отъ ограниченности чувства предъ святостью идеи, которая подвергается критикѣ. Изъ того уже, что авторъ «Жизни Иисуса» не сумѣлъ представить въ настоящемъ свѣтѣ извѣстную притчу о блудномъ сынѣ «une delicieuse parabole» и оцѣнить состраданіе Христа къ покаявшейся Магдалинѣ, какъ къ одной изъ «*jalousie pour la gloire de son Père dans ces belles créatures*», и изъ того, что эти вещи могли бы быть представлены иначе, видна, можно сказать, его неспособность понять божественное во Христѣ, — Его взглядъ на грѣхъ. Этотъ-то недостатокъ критики бываетъ причиной неизбѣжныхъ вопросовъ: «что вы думаете о Христѣ? Чей Онъ сынъ? Кто и что былъ этотъ великій пророкъ, который восемнадцать столѣтій назадъ проходилъ палестинскія нивы, и который съ тѣхъ поръ почитается за Бога самою первою въ мірѣ націею». Миссъ Коббе высказываетъ затѣмъ свой собственный взглядъ на Христа, называя свою точку зрѣнія «теистическою». Но только ея «теизмъ» далеко отличенъ отъ теизма библейскаго и представляетъ новую фазу деизма и натурализма, подогрѣтыхъ и оживленныхъ новѣйшею филантропіею и религиознымъ сантимализмомъ. Мы приведемъ изъ сочиненія Коббе замѣчательнѣйшія мѣста, какъ свидѣтельство

зablуждающей души, ищущей во мракѣ неизвѣстнаго ей Спасителя.

«Четыре евангелія, говоритъ она, дали намъ столь *живой* образъ, и этотъ образъ столь долгое время блистаетъ золотыми лучами предъ глазами христіанства, что крайнее, что можетъ сдѣлать наша философія, состоитъ въ сознаніи своего частнаго заблужденія.

«Время не оставило намъ совершеннаго и вѣрнаго изображенія этого благороднаго лица, нѣкогда озиравшаго палестинскія равнины: никто не можетъ представить намъ его, ни одна фотографія не скажетъ намъ, таковъ ли Онъ былъ, какимъ представляютъ Его себѣ наши сердца. Еще съ сильнѣйшею болью смотримъ мы на волны времени, желая увидѣть въ нихъ отображеніе поблекнушаго и исчезнушаго образа, какимъ его ясно можно было видѣть въ водѣ, когда Іисусъ смотрѣлъ съ корабля на шумящія волны геннисаретскаго озера, успокоивая испуганныхъ учениковъ. Нѣкоторыя, впрочемъ, черты этого образа представляются намъ часто какъ бы для того, чтобы только успокоить насъ, но и при всемъ этомъ въ цѣломъ все таки остается впечатлѣніе лица, исполненнаго благодати и истины».

«Одно только мы можемъ утверждать, что *самое возвышенное ученіе*, чистѣйшія нравственныя предписанія, глубочайшія духовныя откровенія, о которыхъ разсказывается въ евангеліяхъ, дѣйствительно происходятъ отъ Христа. Виновникъ христіанскаго движенія долженъ быть величайшею душою какъ своего, такъ равно и всякаго времени. Еслибъ Онъ не высказалъ принадлежащихъ Ему словъ истины, то кто бы ихъ возвѣстилъ намъ? Для того, чтобы создать Іисуса, необходимо быть самому Іисусомъ». (Феодоръ Паркеръ).

«Что ученики Іисуса въ Немъ, какъ обладавшемъ глубочайшимъ духовнымъ вѣдѣніемъ и достигшемъ высочайшаго духовнаго совершенства изъ всѣхъ человѣческихъ дѣтей, видѣли воплощеніе духовной исторіи всего человѣческаго рода, — это насъ нисколько не удивляетъ. Можетъ быть, жизнь Іисуса прошла чрезъ всѣ степени внутренняго развитія. Быть можетъ

была минута, когда въ Его еще дѣтскомъ сердцѣ впервые пробудилось чувство независимой религіи, и когда Онъ спрашивалъ своихъ родителей: «не есте ли яко въ тѣхъ, яже Отца Моего, достоинъ быти ми»? Быть можетъ было время продолжительныхъ и уединенныхъ размышленій и аскетическихъ подвиговъ на жгучихъ холмахъ пустыни, подвиговъ и размышленій, которыя Онъ заключилъ сильною борьбою съ искушавшими Его страстями, борьбою, въ которой укрѣпилась бы всякая сильная душа, и послѣ которой каждый святой закончилъ бы свои подвиги побѣдоносными словами, сказанными Иисусомъ: «отойди отъ Меня, сатана!» Быть можетъ былъ часъ прославленія, когда душа Его озарилась полнымъ блескомъ любви Божіей. Быть можетъ была ужасная геэсиманская ночь, когда борьба искушеній еще разъ и еще сильнѣе должна была вызвать новую, жесточайшую борьбу и усердную молитву, сопровождавшуюся кровавыми слезами, которую Онъ побѣдоносно заключилъ словами, еще святѣе и еще совершеннѣе прежняго: «не Моя, но Твоя да будетъ воля!» Можетъ быть, была минута, ужаснѣйшая изъ всѣхъ минутъ, когда въ смертной борьбѣ на крестѣ Богъ закрылъ свое лицо, когда Ему пришлось вынести послѣднее испытаніе, вызвавшее изъ Его груди самый страдальческій вопль, какой когда либо вырывался изъ человѣческихъ устъ: «Боже мой, Боже мой! зачѣмъ Ты меня оставилъ»? Быть можетъ, когда миновалъ ужаснѣйшій мракъ страданій, когда насталъ конецъ, Христосъ созналъ, что дѣло Его Отца, задолго предъ этимъ начатое Имъ въ храмѣ, теперь уже совершилось, и что любовь Его Отца теперь стала Его вѣчнымъ достояніемъ, что не Моисей и не Илія, а несчастный распятый разбойникъ будетъ съ Нимъ въ этотъ день въ раю, и когда Онъ молился за своихъ отъявленныхъ враговъ: «Отче, прости имъ: они не знаютъ, что дѣлають», тогда Онъ обнялъ мыслию все дѣло своей жизни, склонилъ свою голову и сказалъ: «совершилось»!

«У насъ всегда найдется достаточно средствъ, чтобы составить себѣ сужденіе о характерѣ Иисуса. Мы можемъ измѣрять этотъ характеръ «тѣнью или лучше *свѣтомъ*, который

бросилъ Иисусъ на мѣръ». Мы можемъ судить по тѣмъ великимъ плодамъ, какіе произвели Его слова и Его жизнь. Что былъ мѣръ до Него? Чѣмъ онъ сдѣлался послѣ Него? Предлагая эти вопросы, мы не можемъ ошибиться въ отвѣтъ на нихъ. Большіе и всеобщіе результаты христіанскаго движенія достаточно ясны, и не зависятъ отъ подлинности и достовѣрности однѣхъ книгъ. Если мы находимъ мѣру для выраженія перемѣны, какую произвело на мѣръ христіанство, то еще лучшую мѣру мы можемъ найти для выраженія величія Христа»...

«Во Христѣ мы напрасно станемъ искать величія самодержца, государственнаго мужа, политико-экономиста, повелителя, метафизика, ученаго изслѣдователя, поэта, историка, художника. Онъ не владѣлъ никакими внѣшними и, такъ сказать, осязательными знаками величія. Намъ стоитъ только пристально взглянуть на внутренній мѣръ, чтобы видѣть слѣды Его дѣла, и мы поймемъ все Его величіе. Но и при этомъ мы не можемъ еще ручаться за вѣрность нашихъ воззрѣній, потому что существуютъ различныя точки зрѣнія, съ которыхъ можно смотрѣть на внутренній мѣръ. Тѣ, которые смотрятъ на Христа съ рационалистической точки зрѣнія и ищутъ въ Немъ собственно человѣческаго достоинства, которое Онъ вполне заслужилъ, обыкновенно обращаютъ свое вниманіе только на нравственную сторону ученія и видятъ въ Немъ величайшаго нравственнаго мѣрскаго реформатора. Дѣйствительно, Его можно считать реформаторомъ, но Онъ остается неизмѣримо выше обыкновенныхъ реформаторовъ».....

«Фактъ обновленія человѣческаго рода — самый важный фактъ изъ всѣхъ явленій нравственнаго міра. Ничто не можетъ сравниться съ его вліяніемъ на всю жизнь и характеръ людей. Поэтому, если хотятъ разсуждать о величіи такого религіознаго учителя, какимъ былъ Христосъ, то не должны этого, и при томъ самаго важнаго, факта упускать изъ виду. Мы не можемъ обойти этотъ фактъ молчаніемъ и спрашивать только о морали или теологіи, проповѣданныхъ Христомъ. Мы должны спросить: имѣлъ ли Онъ что-нибудь такое, послѣ чего человечество почувствовало себя способнымъ сдѣлать огром-

явѣйшій шагъ, -- перейти отъ невозрожденной къ возрожденной жизни?»?

«Если мы дѣйствительно будемъ судить по тому вліянію, какое Онъ произвелъ на жизнь человѣчества, то окажется, что это-то и составляетъ такой пунктъ, который невольно открываетъ предъ нами величайшіе слѣды Его дѣла. Если сравнимъ древній міръ съ новымъ, языческой міръ съ христіанскимъ, то найдемъ, что общій характеръ представляетъ совершенную аналогію съ тѣмъ, что мы называемъ относительно отдѣльнаго человѣка невозрожденнымъ и возрожденнымъ. Конечно, и до пришествія Христа можно найти не мало великихъ людей между евреями, греками, индійцами, — у всѣхъ народовъ и во всѣхъ языкахъ. Но несомнѣнно съ другой стороны и то, что миллионы невозрожденныхъ и по нынѣшній день насчитываются въ человѣческой семьѣ, и послѣ пришествія Христова. Однако, не смотря на все это, съ пришествіемъ Христа мы находимъ во всемірной исторіи слѣды новаго духа, закваску, проникшую въ цѣлыя массы душъ. Въ древнемъ мірѣ все было совершенно въ своемъ родѣ. Человѣкъ осуществлялъ свой идеаль, совершалъ прекрасное и благородное, къ которому онъ стремился. Въ новомъ мірѣ, напротивъ, ничего нѣтъ совершеннаго; а все влечетъ въ высоту, къ Богу и недостижимому совершенству святости. Языкъ древняго міра, какъ онъ говоритъ намъ въ искусствѣ, поэзіи и философіи, всегда одинъ и тотъ же: «онъ поощрялъ дѣлать добро, открывать истину, жить для добра и благороднаго. Я сдѣлалъ доброе, нашелъ истину и жилъ для добра и благороднаго». Вотъ характеристика древняго человѣка. Языкъ новаго міра, какъ онъ слышится намъ въ тысячахъ нарѣчій, «есть продолжительный вопль томительнѣйшаго желанія: ахъ, еслибъ я могъ сдѣлать прекрасное! Еслибъ я могъ найти вѣчную и абсолютную истину! Еслибъ возможно было жить мнѣ для добра, благороднаго и святаго!»!

«Древній міръ выросъ отвнѣ и былъ по внѣшности симметриченъ. Новый міръ растетъ изнутри и не симметриченъ, и не будетъ никогда такимъ, такъ какъ въ сердцѣ своемъ

онъ носить сѣмя вѣчнаго и нескончаемаго прогресса. Древній міръ строилъ храмы, ваялъ свои статуи, изображалъ своихъ философовъ и писалъ въ честь ихъ знаменитыя эпопеи и драмы, такъ что ко всему этому не оставалось ничего прибавить».

«Новый міръ въ своемъ искусствѣ, философіи и поэзи неопытенъ, неискусенъ, но всякое дѣло исполняетъ съ живымъ духомъ, который выходитъ далеко за предѣлы древняго міра. Паренону, спустя часъ послѣ его сооруженія, нельзя было прибавить ни одного камня. Въ Миланѣ же и Кельнѣ алтари и церкви, статуи и башни въ каждомъ столѣтіи были дополняемы».

«Новый міръ совершенно отличенъ отъ древняго. Этотъ великій феноменъ исторіи безъ сомнѣнія указываетъ на соотвѣтствующее великое событіе, произведшее переворотъ въ человѣческой судьбѣ. Для того, чтобы опредѣлить, гдѣ окончился старый порядокъ и начался новый, довольно одной минуты. Необходимо было произвести сильное дѣйствіе на души, дѣйствіе, которое было бы въ состояніи уничтожить прежнее направленіе и открыть вѣкъ прогрессивной жизни. Когда же это случилось? Что было первымъ актомъ этого безкончнаго прогресса? Кто открылъ это время?»

«Здѣсь только мы чувствуемъ себя на твердой почвѣ. Здѣсь мы не считаемъ нужнымъ утверждать подлинность и достовѣрность отдѣльныхъ св. книгъ или примирять противорѣчащіе рассказы, чтобы дать отвѣтъ на предложенные нами вопросы. Здѣсь общій голосъ исторіи человѣчества помимо нашей воли и неумышленно представляетъ неопровержимое свидѣтельство. Поворотный пунктъ отъ древняго міра къ новому былъ началомъ христіанскаго движенія. Вліяніе, сообщившее человѣческой природѣ новое направленіе, заключалось въ ученіи и примѣрѣ Христа. Христосъ открылъ время безкончнаго прогресса».

«Такимъ образомъ точка зрѣнія, съ которой мы, кажется, можемъ сдѣлать единственно приличную и прекрасную оцѣнку характера Христа, будетъ та, которая смотритъ на Него какъ

на великаго преобразователя человѣческаго рода. Его пришествіе на землю было для жизни человечества тѣмъ же самымъ, чѣмъ возрожденіе для жизни индивидуума. Это не есть сомнительное заключеніе, выведенное изъ спорныхъ біографій, а широкій и простой выводъ изъ всемірной исторіи человечества. Мы можемъ оспаривать тѣ или другія частности, а этотъ великій результатъ стоитъ непоколебимо, возвышаясь надъ всевозможными критиками. Міръ измѣнился, и виновникомъ этой перемѣны исторія считаетъ Христа. Слѣдовательно, почтеніе, котораго желаетъ отъ насъ Христось, должно стоять параллельно съ нашимъ уваженіемъ къ возрожденію человечества. Онъ не есть исключительно нравственный реформаторъ, проповѣдавшій чистую мораль, не просто исправитель религіи, уничтожившій древнія теологическія заблужденія и учившій высшей идеѣ Бога. Онъ всѣмъ этимъ былъ и могъ всегда быть; но все таки этого мало для того, чѣмъ дѣйствительно Онъ былъ. Онъ могъ очень легко научить міръ лучшей нравственности и богословію, но этого недостаточно для того, чтобы внести въ человечество новую жизнь, которая съ тѣхъ поръ неудержимо течетъ чрезъ ея артеріи и проникаетъ всѣ малѣйшія ея жилы. Что дѣйствительно сдѣлалъ Христось, то выходитъ за предѣлы разума и научнаго богословія, превышаетъ область совѣсти и ея долга. Дѣло Христа было дѣломъ сердца. Онъ превратилъ законъ въ евангеліе. Рабство иноплеменика онъ обратилъ въ свободу чадъ Божіихъ. Онъ добродѣтель возвысилъ до святости, религію до благочестія и обязанность до любви.....

«Когда исполнилось предопредѣленное время, когда дѣтская вѣра отжила свой вѣкъ въ мірѣ, и на устахъ каждаго вращался безпокойный вопросъ: «кто покажетъ намъ добро», когда въ сердцахъ человечества пробудилось отвращеніе отъ грѣха, и оно устало отъ нечестія, тогда Богъ даровалъ одному (т. е. Иисусу) для всего человечества тотъ самый благословенный даръ, который даетъ Онъ немногимъ для многихъ. Христось, этотъ старшій братъ въ семьѣ человечества (Евр. 2, 11, 12) былъ Спаситель человечества».....

«Кто может теперь рѣшить вопросъ: какимъ образомъ совершилъ Христосъ возрожденіе міра? Было ли это только слѣдствіемъ Его великаго, святаго слова, или это произошло оттого только, что Онъ возвѣстилъ людямъ, что Богъ есть Отецъ всѣхъ, — что Онъ разсказалъ о праведникахъ и неправедникахъ,—разсказалъ объ отцѣ, прощающемъ блуднаго сына, о пастухѣ, который усердно отыскивалъ свою, заблудившуюся на краю пустыни, овцу, и который, отыскавъ наконецъ такую ничтожность, съ радостію принесъ ее домой? Не подѣйствовалъ ли онъ на сердца людей тѣмъ, что возвѣстилъ людямъ, что любовь къ Богу и ближнимъ есть исполненіе закона и пророковъ? Не зависѣло ли это возрожденіе отъ Его на столько чистой и святой жизни, что люди, какъ въ наглядной притчѣ увидѣли возлюбленнаго Сына Божія, стоящаго въ такомъ же единеніи съ Отцемъ, въ какомъ всѣ люди должны быть съ Нимъ? Не возбудилъ ли Онъ такимъ образомъ въ человѣческой природѣ непреодолимаго влеченія къ сыновству и единенію съ Богомъ? Или Его слово и жизнь увѣнчались и достигли своей цѣли въ мученической смерти,—въ смерти, которая навсегда дала міру новый идеалъ славы; и крестъ—это поносное орудіе смертной казни и жертвы для всѣхъ временъ, превратила въ образецъ чего то такого, что возвышается надъ всѣмъ земнымъ величіемъ и радостями; такъ что люди перестали смотрѣть на эту смерть, какъ на человѣческой позоръ и обратили ее въ предметъ божественнаго почитанія? Не породилъ ли, спрашиваемъ, Христосъ на этомъ крестѣ міра?»

«Мы должны вѣрить, что Тотъ, Кому поручено было это дѣло, Тотъ, Которому указана была такая роль великаго преобразователя въ драмѣ исторіи человѣчества, долженъ былъ обладать высочайшимъ духовнымъ превосходствомъ. Сравнительно съ обыкновеннымъ гениемъ, съ обыкновенными силами и дарованіями въ какомъ-нибудь извѣстномъ родѣ, Христосъ могъ имѣть большее или меньшее превосходство; но относительно тѣхъ непостижимыхъ способностей, при помощи которыхъ только можно достигнуть высочайшихъ религіозныхъ истинъ, и относительно той пламенной преданности своему

служенію, которая одна въ состояніи сдѣлать душу способною къ полученію божественныхъ откровеній, — относительно всего этого Христосъ долженъ стоять неизмѣримо выше всѣхъ. Чтобы точнѣе опредѣлить Его душевное состояніе, мы можемъ сказать, что Онъ непремѣнно *долженъ былъ быть такимъ, который наилучшимъ образомъ выполнилъ условія, при которыхъ Богъ позволилъ намъ сдѣлаться участниками Его откровенія*».

«Вотъ нашъ взглядъ на Христа и Его дѣло; этотъ взглядъ, по нашему, ближе всего подходитъ къ теизму, — онъ признаетъ абсолютное единство Божіе и непреложность Его законовъ, установленныхъ для природы и духа, — признаетъ всѣ великіе факты религіознаго развитія человѣчества и старается надлежащимъ образомъ объяснить ихъ. Интересы теизма требуютъ именно такого высокаго взгляда на характеръ Христа; и тотъ необходимо долженъ впасть въ заблужденіе, кто вздумаетъ служить дѣлу Иисуса, не воздавая Ему заслуженнаго высокаго почтенія. Богъ почитается самымъ лучшимъ образомъ, если мы охотно признаемъ, что Иисусъ возбудилъ во всемъ человѣчествѣ стремленіе къ высочайшему. Правильность Его законовъ защитится самымъ лучшимъ образомъ, когда допустимъ, что величайшій нравственный переворотъ совершился не посредствомъ какого-нибудь случайнаго совпаденія испорченнаго и упадавшаго просвѣщенія съ явленіемъ необычайнаго чудотворца, а чрезъ посольство отъ Бога, въ опредѣленное время, Того, Кто былъ въ состояніи зажечь никогда не угасающій свѣтъ въ сердцахъ людей. Духовное величіе Христа есть необходимый постулатъ всей раціоналистической религіозной теоріи. Если мы отвергнемъ это величіе, то чудо христіанства останется неразрѣшеннымъ».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	5
Введеніе	9
1 глава. Дѣтство и отрочество Іисуса	19
2 „ Воспитаніе Іисуса	24
3 „ Общественная жизнь Іисуса	29
4 „ Безгрѣшность Іисуса.	34
5 „ Совершенная святость Іисуса	42
6 „ Единство добродѣтели и благочестія въ Іисусѣ	45
7 „ Всеобщность характера Іисуса	47
8 „ Гармоническое единство во Христѣ всѣхъ добродѣтелей	52
9 „ Страданіе Іисуса	55
10 „ Выводъ изъ всего сказаннаго: характеръ Іисуса—величай- шее нравственное чудо въ исторіи.	62
11 „ Свидѣтельство Христа о Самомъ себѣ.	67
12 „ Разборъ ложныхъ теорій	75
I. Теорія унитаріевъ	76
II. Гипотеза обмана. Реймарусъ.	79
III. Объясненіе, выводимое изъ предположенія мечтатель- ности или самообольщенія	81
IV. Рационалистическое объясненіе доктора Паулюса.	84
V. Теорія поэтическаго творчества	87
А. Миѣнская теорія Штрауса	—
В. Легендарная гипотеза Ренана	101
Заключеніе	107
Критическія примѣчанія	112
Собраніе свидѣтельствъ объ Іисусѣ со стороны невѣрующихъ.	147

	СТРАН.
Предварительныя замѣчанія	149
Повтій Пилать и его жена	153
Сотникъ у креста	154
Иуда предатель	155
Иосифъ Флавій	156
Талмудъ	159
Тацитъ и Плиній	161
Цельсъ и Лукіанъ	162
Порфирій	163
Юліанъ отступникъ	165
Тома Шуббъ	169
Денисъ Дидро	—
Ж. Ж. Руссо	171
Наполеонъ Бонапартъ	174
Вильямъ Эллери Ханнингъ	184
Давидъ Фридрихъ Штраусъ	187
Теодоръ Паркеръ	188
Ф. Пеко	190
Эрнестъ Ренавъ	192
Фр. Поверъ Коббе	195

Опечатка: Въ примѣчаніи 80-мъ, 135 стр., 10 строка сверху, передъ стихами, вмѣсто *поэтъ*, нужно читать *поэтъ Швабъ*.

Объявление о книгахъ духовнаго содержанія продающихся въ книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина № 16, противъ Гостиннаго двора.

Обозрѣніе Пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта. По утвержденной программѣ составилъ Алексѣй Хергозерскій. Изданіе третье, исправленное. Спб. 1885 г., ц. 1 р.

Новая Сириналь или объясненіе о церкви, о литургіи и о всѣхъ службахъ и утваряхъ церковныхъ, *Венямина* арх. Нижег. Въ 4-хъ частяхъ, съ рисунками, гравированными на деревѣ Л. Сурьяновымъ. Изданіе 14-е. Отпечатано на веленовой бумагѣ. Спб. 1884 г. ц. 2 р.

Священная Лѣтопись первыхъ временъ міра и человѣчества, какъ путеводная нить при научныхъ изысканіяхъ *Георгія Властова*. Въ 3-хъ томахъ. Изданіе второе, исправленное. Въ три тома «Священной лѣтописи» опредѣленіемъ Святейшаго Синода одобрены для приобрѣтенія въ фундаментальныя и учебныя бібліотеки Духовныхъ Семинарій. Манисстерствомъ Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. *Рекомендованы для всѣхъ церквей*. Спб. 1879 г., ц. 8 р. 50 к.

Историческое, Догматическое и Таинственное изъясненіе божественной литургіи. Основано на священномъ писаніи, правилахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и на писаніи св. Отцевъ церкви. Сост. *Иваномъ Дмитревскимъ*. Вновь пересмотрѣно и исправленное изданіе, съ рисунками Академика *Θ. Г. Солнцева*. Отпечатано на веленовой глазированной бумагѣ. Спб. 1884 г. ц. 2 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 3 р. 50 к. *Просимъ не смѣшивать этого новаго изданія съ прежнимъ, выпущеннымъ въ Москвѣ въ 1856 г., изложеннаго устарѣвшимъ сложемъ и безъ рисунковъ.*

Святель Благочестія, или полный кругъ церковныхъ бесѣдъ, поученій и словъ. Протоіеря *Василія Нордова*. (Съ портретомъ автора). Въ 2-хъ томахъ, 1200 страницъ убористаго шрифта. Томъ первый. I. Бесѣды на Божественную Литургію. II. Бесѣды на блаженства Евангельскія. III. Бесѣды въ воспоминаніе священныхъ событій. IV. Катя-

хизическія поученія. V. Слова на великіе праздники, дни воскресные и на воскресные дни великаго поста. Томъ второй. Церковнопроповѣдническое трехлѣтіе, заключающее въ себѣ слова и поученія на разные случаи. С.-Петербургъ, 1883 г. Цѣна 5 руб. Въ красивыхъ коленкорovýchъ переплетахъ 7 руб.

Доказательства истины Христіанской вѣры, основанныя на буквальному исполненію пророчествъ. *А. Кейта*. Переводъ съ 38 изданія барона Отто Эльснера. Спб. 187¹⁾ г. ц. 2 р.

Дни Богослуженія православной католической восточной Церкви. Протоіеря *Г. С. Дебольскаго*. 2 большихъ тома, въ 6 частяхъ. Изданіе 7-е. Спб. 1882 г. Цѣна 3 р., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 4 руб.

Поученія къ простому народу. *Іоанна Архангельскаго*, священника Саратовской Срѣтенской церкви. Изд. 5-е. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ красав. переплетѣ 2 р. 25 к.

О подражаніи Христу. Четыре книги. Твореніе *Фомы Кемпійскаго*. Переводъ *А. Мъщанинова*. Изящное изданіе. Напечатанное въ 16-ю долю крупнымъ и четкимъ шрифтомъ. 700 стран. Цѣна 1 руб. Въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

Божественное Лицо и Дѣло Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа. Спб., 1882 г. Цѣна 1 руб.

Поученія сельскаго пастыря. Священника *П. Боброва*. Изд. 2-е. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к. Въ красав. переплетѣ 2 р.

Полное собраніе поученій Протоіеря *Р. Путятина*. Съ портретомъ его, гравированнымъ на стали. Изданіе 20-е. Спб. 1884 г. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к. Въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

«Никто не былъ такъ понятенъ народу своимъ проповѣднымъ словомъ, какъ Родіонъ Путятинъ, нашъ народный проповѣдникъ, въ полномъ смыслѣ этого многозначительнаго слова».

Слово о смерти и призываніе къ нему. Епископа *Инатія* (Брянчанинова), Спб.

1881 г. Ц. 1 р. 25 к. Въ красивомъ переплетъ 2 р.

Поученія на великіе праздники православной церкви и на 1-ю недѣлю великаго поста. Составленныя архимандр. *Иосифомъ*. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. Въ красив. коленк. переплетъ 1 р. 50 к.

Отчичиѣ. Избранныя изреченія святыхъ иноковъ и повѣсти изъ жизни ихъ, собранныя Епископомъ *Инатіемъ* (Брянчаниновымъ). Съ приложеніемъ портрета преосв. *Инатія* и снимка съ его рукописи: «Предисловіе» къ первому тому (аскетическихъ опытовъ). Большой томъ, въ 8-ю д. л. 551 страница четкой печати. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. Въ красив. коленкор. пер., съ золотымъ тисненіемъ 4 руб.

О терпѣннѣ скорбей Ученіе святыхъ отцовъ. Собранное Епископомъ *Инатіемъ* (Брянчаниновымъ). Изд. 2-е Спб. 1882 г. Ц. 75 к. Въ красивомъ коленкоромъ переплетъ 1 р. 25 к.

Бесѣды о божественной литургіи Архимандрита *Макарія* (Троицкаго). Бывшаго законоучителя Орловскаго Института благородныхъ дѣвицъ. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., въ крас. перепл. 1 р.

Толкованіе на псалмы. Составилъ *Палладій*, епископъ Саранскій. Изданіе 2-е, испр. и дополн. Вятка, 1874 г. Ц. 2 р.

Потерянный рай. Поэма *Мильтона*, перевелъ стихами *С. И. Писаревъ*. Напечатано въ 8-ю долю листа, 500 страницъ, съ подробною біографіею Мильтона и съ рисункомъ съ картины: Милтъя, диктующій своей дочери поэму «Потерянный рай». Спб. 1871 г. Ц. 2 р.

Мессіада. Божественная поэма. Сочиненіе *Клопштока*. Перевелъ стихами *С. И. Писаревъ*. Въ 3-хъ частяхъ, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора, посвящена Его Величеству Государю Императору Александру П-му. Въ 8 д. л., 900 стр. Спб. 1868 г. Ц. 4 р.

Катехизическія поученія (къ простому народу), на символъ вѣры, молитву Господню, блаженства Евангельскія и на

десять заповѣдей Божіихъ. Составлены Священникомъ Петромъ *Макаровымъ*. Отпечатано на хорошей бумагѣ, 284 стр. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ роскошномъ коленкоромъ переплетъ 2 р. 25 к.

Объ истинномъ христіанствѣ Съ присовокупленіемъ райскаго вертограда исполненнаго христіанскихъ добродѣтелей, или собранія поучительныхъ и утѣшительныхъ молитвъ. Сочиненіе *Іоанна Ардта*. Два тома въ 5-ти частяхъ. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и начальныхъ школъ. Изданіе 1875 г., напечатанное въ 8-ю долю листа 1240 страницъ. Цѣна 4 руб.

Письма о христіанской жизни. Въ 4-хъ частяхъ. Епископа *Феофана*. Большой томъ, въ 8 д. л. 787 страницъ убористой печати. Спб. 1880 г. Цѣна 3 р. Въ хорош. коленкор. переплетъ съ золотымъ тисненіемъ 4 р.

Бесѣды православнаго священника съ старообрядцами Священника *Тимофея Твердынскаго*. Изданіе 1876 года, напечатанное въ 8-ю долю листа, 730 страницъ. Посвященныя высокопреосвященному *Исидору*, Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому. Цѣна 1 р. 75 к.

Вѣчное блаженство святыхъ Сочиненіе *Ричарда Бакстра*. Переводъ съ французскаго *Андрея Свѣтлакова*. Законоучителя Нижегород. губ. гимназіи. Спб. 1882 г. 161 стр. Цѣна 1 руб. Въ красивомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

Правила святой жизни. Изложены Аввою *Бернардомъ*. Въ его бесѣдахъ съ своею сестрою монахиней. Переводъ съ французскаго языка, проверенный по подлинному тексту латинскому. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., въ роскош. коленк. переплетѣ 1 р.

Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя отъ Рождества Христова до 1879 года. Архимандрита *Арсенія*. Спб. 1880 года. Цѣна 4 р.

На пересылку книгъ магазинъ покорнѣйше проситъ прилагать примѣрно 15 коп. на каждый рубль. Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ книгъ духовно нравственныхъ. Требования гг. иногородн. исполняются съ первою почтой.

Только-что отпечатанъ **Полный каталогъ книжнаго магазина на 1886 г.** (преимущественно книгъ религіозно-нравственнаго содержанія). Цѣна 35 к.

При требованіи на другія книги, каталогъ высылается бесплатно.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: Спб., въ книжный магазинъ *И. Л. Тузова*, Больш. Садовая, д. № 16.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA

3 0112 069921887